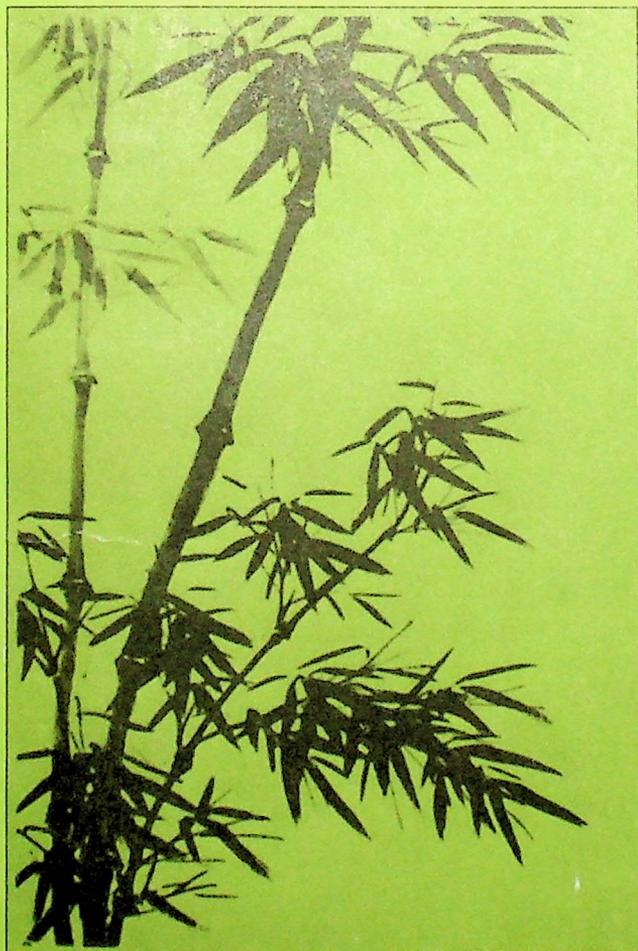

Балодер

ISSN 0131-2812

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 5/2004

КНР 55 лет

•
Дэн Сяопин и реформы в Китае

•
Внешняя политика КНР
и китайско-российские отношения

•
Актуальные проблемы
Корейского полуострова глазами
военных специалистов США

•
Ба Цзинь и русская литература

Балодер

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

5/2004

Сентябрь - Октябрь

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством
Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

К 55-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ КНР

- И.Рогачев.* Пятьдесят пять лет отношений с новым Китаем — к укреплению добрососедства, партнерства и взаимодействия 6
- М.Титаренко.* О международном значении китайского опыта модернизации..... 12

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДЭН СЯОПИНА

- Д.Смирнов.* Дэн Сяопин и модернизация Китая..... 21 ✓
- Я.Бергер.* Дэн Сяопин и экономические реформы в Китае..... 30 ✓
- Р.Кудашев.* Вспоминая Дэн Сяопина... 48

ПОЛИТИКА

- Лю Цинцай.* Современная внешняя политика Китая и китайско-русские отношения..... 54
- К.Кокарев.* К вопросу об эволюции политической реформы в Китае..... 60
- К.Асмолов.* Военные специалисты США об актуальных проблемах Корейского полуострова 74
- В.Мацель.* Отношения Республики Беларусь с государствами Северо-Восточной Азии 93

ОБЩЕСТВО

О.Почагина. Наркомания и китайская молодежь..... 103

ЭКОНОМИКА

Л.Новоселова. Рынок капитала в Китае..... 117

ИСТОРИЯ

А.Москалев. Проблемы нации, национализма, национального духа в текстах Чан Кайши (Цзян Чжунчжэна)..... 129

КУЛЬТУРА

Гао Ман. Ба Цзинь и русская литература..... 147

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

На международном конгрессе востоковедов..... 156

А.Карнеев. Научная конференция “Шанхайская организация сотрудничества: проблемы и перспективы межгосударственных отношений в евроазиатском регионе”..... 157

С.Врадий. На международной научной конференции “Китай и Россия в Северо-Восточной Азии: пути и перспективы стратегического взаимодействия”..... 163

РЕЦЕНЗИИ

В.Портяков. Китай и развитие мировой экономики (2004)..... 169

А.Волохова. Бажанов Е.П. Современный мир. Избранные труды..... 172

✓ Н.Гуреева. Как управляется Китай: эволюция властных структур Китая в конце XX — начале XXI в..... 174

А.Юркевич. В.К.Блюхер в Китае 1924-1927 гг. Новые документы главного военного советника..... 177

А.Желоховцев. Рифтин. Классический роман и предания..... 180

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Олегу Борисовичу Рахманину 80 лет..... 182

Якову Михайловичу Бергеру 75 лет..... 185

75 лет Виктору Николаевичу Барышникову..... 188

Главный редактор А.М. Григорьев

Редакционная коллегия

Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушняц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.В. Михеев, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов, Л.С. Переломов, В.Я. Портяков, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко.

Статьи этого номера

И.Рогачев. Пятьдесят пять лет отношений с новым Китаем — к укреплению добрососедства, партнерства и взаимодействия

В статье Чрезвычайного и Полномочного Посла России в КНР дается обзор развития российско-китайских отношений за 55 лет после создания Китайской Народной Республики и установления дипломатических отношений между двумя странами.

Констатируется, что в течение всего этого периода стороны вели активный поиск оптимальной модели сосуществования двух соседних государств с учетом их национальных интересов. В итоге в Москве и Пекине пришли к заключению, что в XXI веке они должны быть стратегическими партнерами, всемерно развивать политический диалог, углублять взаимопонимание и взаимное доверие, наращивать масштабы сотрудничества как по двусторонним, так и по международным проблемам. Автор статьи подчеркивает, что своеобразной хартией и программой на будущее стал заключенный между ними в 2001 г. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.

М.Титаренко. О международном значении китайского опыта модернизации

Оценивая международное значение китайского опыта модернизации, автор подчеркивает, что ее стратегия и тактика отвечают интересам абсолютного большинства населения страны, способствуют повышению качества жизни, демократизации, сохранению и развитию культурного разнообразия в мире. Модернизация Китая содействует его превращению в могучую современную державу, в важный фактор поддержания мира и преодоления международных противоречий. Подчеркивается всемирно историческое значение укоренения социализма в национальную культуру, открывающего перспективы превращения его в действенную альтернативу капиталистическому обществу. Успехи экономических реформ и политика открытости сделали Китай моделью модернизации для трех четвертей человечества, проживающих в развивающемся мире. Благодаря китайскому опыту социализм как субъект мировой цивилизации продолжает существовать и развиваться. Китай активно содействует диалогу цивилизаций и строительству многополярного мира.

Д.Смирнов. Дэн Сяопин и модернизация Китая

Статья посвящена роли Дэн Сяопина в осуществлении политики модернизации КНР. В ней анализируется содержание идей Дэн Сяопина, составивших теоретическую платформу модернизации, прослеживаются основные этапы ее развития и воплощения в практику, рассматривается историческое значение идей и политической деятельности Дэн Сяопина в судьбе Китая.

Я.Бергер. Дэн Сяопин и экономические реформы в Китае

Рассматривается решающий вклад Дэн Сяопина в утверждение концепции развития рыночной экономики в Китае на фоне политического противо-

борства между сторонниками и противниками рыночных реформ в 1980-х — начале 1990-х гг. Подчеркивается особое значение идей Дэн Сяопина, высказанных им во время поездки на юг КНР в начале 1992 г. Эти идеи составили целостную программу, которая на десятилетия вперед определила основную направленность китайских реформ и методы их реализации.

Р.Кудашев. Вспоминая Дэн Сяопина...

Воспоминания автора, более 12 лет проработавшего на ответственных дипломатических постах в КНР и имевшего возможность наблюдать в непосредственной близости за событиями, происходившими на китайском политическом Олимпе, добавляют новые и малоизвестные ранее штрихи к многогранному портрету Дэн Сяопина, по праву именуемого ныне "патриархом китайских реформ".

Лю Цинцай. Современная внешняя политика Китая и китайско-российские отношения

В статье профессора Цзилиньского университета анализируются перспективы и базовые установки политики КНР в отношении России в условиях осуществления в Китае стратегии "мирного возрождения", основой которой является подъем экономики и продолжение реформ в стране. Развитие всесторонних связей и стратегического партнерства с Россией на основе равенства, доверия, взаимной выгоды и сотрудничества, как подчеркивает автор, способствует осуществлению стратегии "мирного возрождения" Китая.

К.Кокарев. К вопросу об эволюции политической реформы в Китае

В статье на базе китайских источников анализируются некоторые аспекты состояния политической системы в КНР после "культурной революции", направленность и содержание мер по ее реформированию, изменения в подходах к политическим преобразованиям на разных этапах модернизации страны. Проблема политических преобразований раскрывается с учетом использования китайскими исследователями категории политического режима как функционально-временного выражения социалистической политической системы.

К.Асмолов. Военные специалисты США об актуальных проблемах Корейского полуострова

Статья представляет собой отчет автора о командировке в США и анализ мнений американских военных специалистов, с которыми он встречался в Гонолулу, об актуальных проблемах Корейского полуострова.

В. Мацель. Отношения Республики Беларусь с государствами Северо-Восточной Азии

В статье рассматриваются проблемы становления и развития отношений между Республикой Беларусь и государствами Северо-Восточной Азии (СВА). Главное внимание уделено анализу состояния и развития торгово-экономических связей Республики Беларусь со странами региона на современном этапе, вопросам дальнейшего наращивания белорусского экспорта в страны СВА, в первую очередь, в Китайскую Народную Республику.

О.Почагина. Наркомания и китайская молодежь

В статье рассматривается наркоситуация, сложившаяся в КНР (1991-2002 гг.), и меры, предпринимаемые китайским руководством по борьбе с наркоманией. Анализируются психологические социально-экономические и соци-

альные причины распространения наркомании в молодежной среде, описывается система профилактики, лечения и реабилитации наркоманов.

Л.Новоселова. Рынок капитала в Китае

Становление и развитие рынка капитала представляет собой одно из важнейших направлений рыночной трансформации китайской экономики. Возрастание роли рынка в формировании и распределении инвестиций свидетельствует о том, что государство постепенно уходит от своего прежнего, фактически монопольного положения в инвестиционном процессе. Следствием этого является неуклонная диверсификация источников развития и включение рыночных механизмов их регулирования.

А.Москалев. Проблемы нации, национализма, национального духа в текстах Чан Кайши (Цзян Чжунчжэна).

В статье рассматриваются основные идеи Цзян Чжунчжэна, касающиеся строительства единой китайской нации, трактовки суньятсеновского национализма, восстановления национального духа. Показана связь современно проблемной сферы китайского нациестроительства и других вопросов названной темы с некоторыми идеями, развивавшимися лидером Гоминьдана.

Гао Ман. Ба Цзинь и русская литература

Статья известного китайского исследователя русской и советской литературы Гао Мана посвящена популярному писателю Ба Цзиню, которому в этом году исполняется 100 лет. Гао Ман дает оценку выполненным Ба Цзинем многочисленным переводам произведений классиков русской литературы — Тургенева, Горького, Герцена и других, подробно рассуждает о влиянии русской литературы на великого китайского писателя.

К 55-летию образования КНР

Пятьдесят пять лет отношений с новым Китаем — к укреплению добрососедства, партнерства и взаимодействия*

© 2004

И. Рогачев

1 октября 2004 г. исполняется 55 лет со дня образования Китайской Народной Республики, а на следующий день — 2 октября — грядет еще одна юбилейная дата — 55-летняя годовщина установления дипломатических отношений между нашей страной и новым китайским государством. Есть хороший повод поразмышлять о состоянии и перспективах российско-китайского партнерства, которое провозглашено Президентом России В.В.Путиным одним из приоритетов нашей внешней политики.

От того, как складывается внутренняя ситуация в каждой из стран-соседей, от состояния отношений между ними в значительной степени зависело и будет зависеть их общее развитие. В настоящее время Россия и Китай — это крупнейшие мировые державы с большим международным влиянием, у нас общая граница протяженностью более 4000 километров, которую ежегодно пересекают миллионы пассажиров и многие миллионы тонн грузов. Благодаря мудрости политического руководства двух стран и всестороннему учету исторических уроков наши взаимные контакты сегодня приобретают новое качество. Это — отношения партнерского стратегического взаимодействия, их характер и содержание закреплены в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г.

Российско-китайское сотрудничество характеризуется хорошей динамикой развития. Беспрецедентен размах политического диалога, крепнет взаимное доверие, быстро развиваются экономические и гуманитарные связи. Лидеры обеих стран полны решимости из поколения в поколение расширять двусторонние отношения.

Не случайно одним из первых зарубежных визитов В.В.Путина, избранного в 2000 г. на пост Президента России, стала поездка в Пекин. В равной степени символичным были первый зарубежный визит Ху Цзиньтао в качестве нового главы китайского государства. Весной 2003 г. он посетил именно Рос-

Рогачев Игорь Алексеевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в КНР.

* Журнальный вариант, полный текст см. в сборнике "КНР-55", подготовленном к печати ИДВ РАН

сию. Пребывание Председателя КНР в нашей стране стало весьма содержательным: 26-31 мая двусторонняя встреча на высшем уровне в Москве, затем — участие в саммите Шанхайской организации сотрудничества. После этого вместе с лидерами почти 40 стран Ху Цзиньтао присутствовал на торжествах, посвященных 300-летию основания Санкт-Петербурга. Мы видим во всем этом не только внешнюю символику, но и желание двух наших стран продолжить курс стратегического партнерства, сформулированный в предшествующем десятилетии и целиком себя оправдавший.

В России придают большое значение заявлениям нового коллектива китайских руководителей о приоритетном внимании, которое они намерены уделять российскому направлению. Между Президентом В.В.Путиным и Председателем Ху Цзиньтао уже налажен хороший личный и деловой контакт, что активно способствует продвижению российско-китайского стратегического партнерства во всех областях и более тесной координации действий наших двух стран на международной арене. Как дипломат, представляющий Россию в КНР, с удовлетворением отмечаю плодотворное взаимодействие с нашим великим соседом в нынешний период, весьма сложный и ответственный для всего мира.

Историю двусторонних отношений после образования в 1949 г. Китайской Народной Республики можно охарактеризовать как поиск оптимальной модели сосуществования двух держав-соседей. Сегодня, максимально учитывая свои национальные интересы, Москва и Пекин осознали, что в XXI веке Россия и Китай должны быть стратегическими партнерами, всемерно развивать политический диалог, углублять взаимопонимание и взаимное доверие, наращивать масштабы сотрудничества, вместе решать практические вопросы двусторонних связей.

Взаимодействие между нами и китайскими коллегами на мировой арене основано на совпадении или близости подходов к широкому кругу международных проблем. Среди них важное место занимает задача формирования нового демократического и справедливого миропорядка. Консолидирующая роль, которую могут сыграть здесь Россия и Китай, проистекает из насущных, сугубо прагматических потребностей человечества, столкнувшегося в современную эпоху с совершенно новыми по масштабам и проявлениям угрозами и вызовами. И в этом процессе наши страны отводят ключевое место Организации Объединенных Наций и ее Совету Безопасности.

Дипломаты России и Китая тесно взаимодействуют по ядерной проблеме на Корейском полуострове и проявляют в этом вопросе высокую степень активности. Ведь мы и наши китайские друзья — непосредственные соседи Кореи, и то, что там сейчас происходит, для нас в высшей степени небезразлично. На высоком политическом уровне между нами в постоянном режиме осуществляются консультации и координация подходов. Нынешний шестисторонний механизм переговоров по корейской проблеме родился во многом благодаря тесному взаимодействию наших двух стран. Во всех своих основных элементах подходы Москвы и Пекина практически полностью совпадают. Мы за то, чтобы на полуострове не было ядерного оружия, за возвращение КНДР в режим нераспространения, за сотрудничество Пхеньяна с МАГАТЭ, в т.ч. в проведении адекватного режима инспекций. С другой стороны, разумеется, должны быть учтены озабоченности КНДР.

Возьмем другую острую проблему — Ирак. Обе наши страны выступают за то, чтобы центральную роль в процессе послевоенного восстановления Ирака играла ООН, а судьба этого государства определялась самим иракским народом. Нарастающая в Ираке волна насилия также свидетельствует о необходимости принятия срочных мер умиротворяющего характера, с использованием всего арсенала многократно апробированных ооновских методов.

У России и Китая имеется общее представление о специфике ситуации на постсоветском пространстве и общее понимание того, что необходимо делать

ради сохранения и укрепления безопасности, стабильности в данном регионе, его развития и процветания.

Взаимодействие Москвы и Пекина на международной арене является важным стабилизирующим фактором в современных международных отношениях. Оно базируется на общем понимании характера основных проблем, стоящих перед мировым сообществом в начале XXI века, на общих подходах к таким ключевым проблемам современности, как перспективы многополярного мироустройства, роль в нем ООН, вопросы использования силы в международных конфликтах, отношении к государственному суверенитету и др. И здесь наши страны находят все более активную поддержку в мировом сообществе.

Близость принципиальных установок внешнеполитической деятельности России и Китая формирует благоприятную основу для сотрудничества по целому ряду конкретных направлений. В наших отношениях отсутствуют такие раздражители, как проблема прав человека, мы тесно взаимодействуем в области борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. В последние годы трудно назвать хоть одну значимую международную проблему, где бы взгляды Москвы и Пекина существенно расходились. При этом особенно важно, что общность наших установок не является результатом каких-то союзнических обязательств или принуждения — такого рода прецеденты еще довольно часто встречаются в международных контактах, — а представляют собой результат взвешенных оценок того или иного события с точки зрения интересов собственного государства.

Чтобы проиллюстрировать высокую степень интенсивности контактов на высшем уровне, могу отметить, что ежегодно главы наших государств проводят по несколько встреч, беседуют по телефону. У министров иностранных дел России и Китая еще более плотные контакты — в течение года они встречаются по 10 и более раз, регулярно общаются по телефону.

Не могу не затронуть особо такую тему, как растущий авторитет Шанхайской организации сотрудничества, официально созданной лишь три года назад. Это — результат общих настроений России, Китая и наших центральноазиатских партнеров. ШОС родилась в результате стратегического курса наших стран на создание в районе общих границ атмосферы прочного доверия, безопасности и активного взаимодействия во всех областях. Толчком к формированию этой международной организации послужили подписанные в 1996 и 1997 гг. шанхайское и московское соглашения о доверии в военной области и о сокращении вооруженных сил в районе границы.

На прошлогоднем саммите глав государств ШОС в Москве (май 2003 г.) одобрен объемный пакет проектов документов, регламентирующих деятельность уставных органов ШОС, а также определяющих символику организации — ее эмблему и флаг. Утвержден Исполнительный Секретарь ШОС — первые три года Секретариат ШОС возглавляет китайский представитель — видный дипломат Чжан Дэгуан. В ходе встречи шести премьеров в сентябре 2003 г. в Пекине принят первый бюджет ШОС. Утверждена долгосрочная (до 2020 г.) программа многостороннего торгово-экономического взаимодействия. С ее принятием формирование экономической составляющей ШОС выходит на качественно новый уровень. Программа определяет основные ориентиры и этапы продвижения экономической интеграции на пространстве государств-членов ШОС. Конечная цель — создание благоприятных условий для свободного движения товаров, капиталов, технологий и услуг на пространстве ШОС. Между государствами-участниками организации достигнута договоренность о налаживании тесного и регулярного диалога их представителей в рамках ООН.

После своего образования Шанхайская организация сотрудничества проводит активную политику на международной арене. Это касается проблем как международного, так и регионального характера — терроризм, сепаратизм, экстремизм, Афганистан и др. Не буду сейчас акцентировать внимания на том, что ШОС

в свое время уже выступила с соответствующими заявлениями по этим вопросам. Можно повторить еще раз, что Россия отстаивает курс на построение миропорядка в XXI веке опираясь на механизм коллективного решения узловых проблем, на верховенство права и последовательную демократизацию международных отношений при ключевой и незаменимой роли ООН.

Ряд государств Азии и других регионов проявляют повышенный интерес к Шанхайской организации сотрудничества и даже высказывают пожелания присоединиться к ШОС. Кстати, желание наладить контакты выражает и целый ряд международных структур. Шанхайская организация сотрудничества придерживается принципа открытости, который заложен в ее уставных документах. Первые месяцы работы Секретариата ШОС в Пекине показали, что международное сообщество с большим вниманием относится к деятельности организации.

В последние годы заметно набрало обороты российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество. Пятый год подряд сохраняются высокие темпы роста взаимной торговли. В 2002 г. товарооборот между двумя странами достиг почти 12 млрд. долларов, а в 2003 г. поставлен новый рекорд — 15,7 млрд. долларов. С учетом сохраняющейся в текущем году благоприятной тенденции можно рассчитывать, что к концу 2004 г. стороны могут выйти на уровень 18-19 млрд. долларов.

В начале осени предстоит визит Премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в Москву, и состоится девятая регулярная встреча глав правительств двух стран. Нет сомнения в том, что его переговоры с главой нашего правительства М.Е.Фрадковым придадут новый стимул развитию экономического сотрудничества, расширению двусторонней торговли, углублению контактов между регионами, деловыми кругами и гражданами наших стран.

Как известно, организационной основой таких встреч премьеров является созданный в конце 1996 г. механизм регулярных встреч глав правительств России и Китая. Он учрежден по взаимной договоренности руководителей двух стран с целью координации взаимодействия наших государств во всех сферах — торгово-экономической, военной, научно-технической, энергетической, транспортной, в ядерной энергетике и других областях, в том числе по крупным проектам и долгосрочным программам сотрудничества, имеющим стратегическое значение. Новый механизм пришел на смену существовавшей с 1984 г. Советско-китайской комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству.

За прошедшие семь лет этот механизм с его разветвленной структурой подкомиссий и рабочих групп продемонстрировал высокую эффективность и оперативность при решении вопросов двустороннего взаимодействия в различных областях. Его структура формировалась в соответствии с требованиями жизни и на сегодня является оптимальной.

Нам удалось в последние годы заметно нарастить потенциал двустороннего сотрудничества, или, как говорится, наполнить материальную базу взаимоотношений. Однако есть еще значительные незадействованные резервы. На повестке дня — реализация крупных долгосрочных проектов в области энергетики, машиностроения, транспорта. И у России и у Китая есть что предложить на рынок друг друга. Мы рады тому, что в последние годы ускоренными темпами растет экспорт высококачественных товаров из КНР в нашу страну. В то же время у нас есть все основания рассчитывать, что и высокотехнологичная российская продукция будет беспрепятственно поступать в Китай. Наша цель — переломить тенденцию к снижению доли машинотехнической продукции в российском экспорте. Здесь необходимо приложить скоординированные совместные усилия на основе достигнутых на уровне глав государств и правительств договоренностей.

В нынешнем году произойдет важное событие в двустороннем экономическом сотрудничестве — предстоит пуск первого энергоблока на строящейся

с 1997 г. при содействии России Тяньваньской атомной электростанции вблизи города Ляньюньган (провинция Цзянсу). Это на сегодня — крупнейший совместный проект, стоимость которого измеряется миллиардами долларов. На Тяньваньской АЭС работает более 800 наших специалистов. Хочу отметить, что объект сооружается в соответствии с графиком, поставки оборудования идут ритмично, замечаний к российской стороне нет. Есть все основания надеяться, что при дальнейшем расширении Тяньваньской АЭС предпочтение будет также отдано российским компаниям.

Россия и Китай наращивают взаимодействие в энергетической сфере. Есть ряд серьезных совместных проектов по поставкам нефти и газа. Ожидаем, что китайская сторона будет, наконец, смелее инвестировать в освоение российских нефтегазовых месторождений. Российские компании готовятся к крупномасштабным поставкам нефти в Китай с использованием как будущих трубопроводных систем, так и по железной дороге.

Одним из приоритетных направлений работы российских дипломатов является оказание содействия нашим и китайским регионам в налаживании деловых контактов и разнообразных гуманитарных связей. Завершается период “познавательного туризма” и на повестку дня все больше выходят конкретные проекты. Наши и китайские местные администрации стремятся расширять перечень форм работы. Все чаще мы становимся свидетелями масштабных презентаций в Китае того или иного российского региона, причем эти мероприятия заблаговременно и тщательно готовятся. Так, в конце марта в Посольстве России в Пекине прошла крупнейшая презентация Республики Саха (Якутия), на которой присутствовали первый заместитель министра иностранных дел России В.В.Лощинин и вице-президент Якутии А.К.Акимов. Были представлены деловые предложения по развитию экономического, инвестиционного и культурного взаимодействия. Из Якутска приехали ведущие российские артисты и даже мастера национальной кухни. А спустя 10 дней в Гуанчжоу — центре самой развитой провинции КНР — была проведена столь же содержательная презентация Хабаровского края. На сентябрь нынешнего года планируется посещение делегацией Сибирского федерального округа Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

Важной сферой двусторонних отношений является гуманитарное взаимодействие. В 2000 г. было принято решение о создании межправительственной Российско-Китайской комиссии по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта. Интенсивность связей в этих социально ориентированных областях за последние 2-3 года резко увеличилась. Такие обмены чрезвычайно важны с точки зрения расширения массовой базы двусторонних отношений, укрепления контактов на уровне граждан и углубления взаимопонимания между нашими народами.

С обеих сторон большое внимание уделяется развитию межпарламентских связей. В августе 2003 г. состоялся визит в Китай Председателя Совета Федерации С.М.Миронова. Мы рады, что парламентарии занимают очень активную позицию с целью укрепить законодательное обеспечение межгосударственных отношений. Надеемся, что в ближайшем будущем в Китае побывает Председатель Государственной думы Б.В.Грызлов.

Теперь о связях по линии общественности двух стран. В 1997 г. по инициативе Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики был учрежден Российско-Китайский Комитет дружбы, мира и развития — межгосударственная общественная организация, пользующаяся поддержкой обоих правительств. В Соглашении о руководящих принципах Комитета зафиксировано такое положение: “Комитет осуществляет свою деятельность в соответствии с принципами и духом Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 года”. Что это означает на

практике? Укрепление общественной базы российско-китайских отношений, активная пропаганда мирной концепции, согласно которой наши страны и народы "навсегда друзья и никогда враги", расширение взаимопонимания между народами России и Китая, углубление традиционной дружбы, укрепление добрососедства, содействие разворачиванию долгосрочного и эффективного сотрудничества в различных областях между двумя крупнейшими соседними государствами.

За семь лет существования Комитет проделал большую работу по этим направлениям и добился заметных успехов. Он становится ведущим каналом продвижения дружественных связей двух стран неправительственного характера, мощным подкреплением в деле популяризации и выполнения Российско-Китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Чтобы наши отношения развивались и углублялись, обеим сторонам необходимо всячески расширять социальный фундамент двусторонних связей. Эта работа приобретает системный характер, имеет стратегическое значение и нуждается в постоянном широком участии и активной поддержке со стороны всех слоев общества, всех ведомств и всех регионов двух стран. В этом плане Комитет обладает широчайшими возможностями.

В ходе прошедшего в сентябре 2003 г. в Пекине пятого пленарного заседания Комитета — а он собрался в заметно обновленном составе — были выдвинуты задачи по реформированию и совершенствованию деятельности этой структуры, повышению ее эффективности и разноплановости. Самый активный настрой продемонстрировали новые сопредседатели — полномочный представитель Президента России в Сибирском федеральном округе Л.В. Драчевский и заместитель Председателя НПКСК Ли Гуйсянь. Особый политический вес деятельности Комитета придавало согласие Е.М. Примакова стать его почетным председателем. До конца нынешнего года намечено провести десятки мероприятий, охватывающих самые разные направления работы с общественностью: бизнес, молодежь, СМИ, спорт и т.д.

Молодым россиянам и китайцам предстоит выстраивать дальнейшие отношения, совместно реагировать на новые вызовы современности. В этом контексте исключительно важное значение имеет беспрецедентное решение глав государств объявить 2004 год Годом дружбы российской и китайской молодежи. Мы хотим, чтобы молодые люди больше знали друг о друге, лучше понимали ситуацию в наших странах, интересовались культурой и искусством своего соседа. Запланированы обмены молодежными делегациями, форумы молодых журналистов и парламентариев, спортивные состязания, викторины и конкурсы, выставки молодых художников. Пока же приходится с сожалением констатировать, что молодые поколения в России и Китае мало знают друг о друге, слабо представляют себе, что такое современная музыка, литература, кино в соседней стране. И в Москве, и в Пекине понимание единое — такую ситуацию необходимо изменить.

Подытоживая, хочу отметить, что подписанный три года назад Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, стал квинтэссенцией российско-китайских отношений, их своеобразной хартией и программой на будущее, вжился в нашу повседневную жизнь. Свои конкретные действия руководители обеих стран сверяют с его духом и буквой. Есть все основания с оптимизмом смотреть в будущее развитие стратегического партнерства двух стран-соседей. Эффективная деятельность различных механизмов взаимодействия — надежная гарантия такого процесса.

О международном значении китайского опыта модернизации

© 2004

М. Титаренко

Пятьдесят пятая годовщина со дня образования КНР — важная веха в истории китайского народа и современной истории человечества.

Китай как одна из крупнейших, быстро поднимающихся к экономическому и культурному процветанию мировых держав оказывает постоянно растущее позитивное влияние на развитие современного мира и на будущее человечества.

Анализ и раскрытие китайского опыта решения сложнейших социально-экономических проблем в стране с населением, приближающимся к полуторам миллиардам и составляющим более 23% населения земного шара, имеет глубокое теоретическое и практическое значение.

В настоящей статье мне хотелось бы поделиться своими размышлениями о международном значении китайского опыта модернизации и выбора Китаем модели развития, отвечающей историческим особенностям страны и интересам народа.

Какие критерии должны лежать в основе оценки международного значения опыта модернизации и развития КНР?

Во-первых, это — место, роль, масштабы и значение решаемых в ходе модернизации и проведения политики реформ и открытости научно-теоретических, социально-экономических, политических, государственно-правовых и военно-политических задач.

Во-вторых, стратегия, тактика и конкретная политика осуществления модернизации соответствует интересам качественного подъема уровня благосостояния, социальной защиты абсолютного большинства населения КНР и создания условий для развития способностей человека, обеспечения прав личности.

В-третьих, стратегия и тактика модернизации содействует развитию демократических институтов в стране и поэтапному совершенствованию политической системы Китая.

В-четвертых, курс на модернизацию включает решение задач по сохранению и улучшению качества окружающей среды и оздоровлению условий жизнедеятельности человека.

В-пятых, стратегия, тактика и конкретные политические курсы КПК позволяют сохранить и одновременно развить на новом уровне материальную, духовную и политическую культуру и тем самым способствовать диалогу культур в мире, сохранению и развитию культурного многообразия в глобальном масштабе.

В-шестых, модернизация Китая, превращение КНР в современную могучую державу отвечает интересам укрепления всеобщего мира, безопасности, становится фактором глобального развития.

И, наконец, в седьмых, — опыт модернизации Китая и решения им глубоких внутренних и международных противоречий создает для стран развивающегося мира не только живой пример, действующую модель модернизации, но и открывает для них широкое поле сотрудничества с КНР. Китайский опыт может стать основой для преодоления разрыва между развитым Севером и отсталым, развивающимся Югом, преодоления монополии “золотого миллиарда” в мире.

Исходя из вышеназванных, естественно, далеко не всех критериев оценки международного значения китайского опыта модернизации, перед исследователями возникает также целый ряд сложных вопросов, требующих углубленного изучения.

Например, нередко в статьях зарубежных аналитиков ставятся следующие вопросы: не приведет ли рост могущества КНР к коренному изменению политики, переходу, по примеру США, на позиции силы, к действиям по принципу: “око за око, зуб за зуб”, выставлению счетов по старым обидам и, в конечном итоге, к возникновению новой “холодной” а возможно, и “горячей войны”? Именно это предположение используется для раздувания “китайской угрозы”.

Может ли китайский опыт модернизации и поставленная КПК долгосрочная цель — построения в Китае сначала общества среднего благосостояния “сяокан”, а затем социалистического и коммунистического общества, стать альтернативой гегемонии идей либерализации, индивидуализации, “конца истории”?

В какой степени социально-экономический опыт Китая и его внешнеполитический курс, соединяющие борьбу за мир, против гегемонизма с решением задач соразвития, способны служить делу сохранения и расцвета многообразия культур разных народов, преграждать дорогу к тотальной вестернизации культур и тем самым предотвращать “столкновение цивилизаций”?

Хотелось бы подчеркнуть мысль о том, что всестороннее раскрытие международного значения опыта модернизации Китая затрагивает проблемы, стратегически значимые не только для КНР, но и для трех четвертей человечества, ищущих с разной степенью успешности решение тех же проблем, которые уже решил, решает и будет решать великий Китай.

Что касается выше упомянутого тезиса о том, что рост могущества Китая якобы может угрожать соседним странам, то в Пекине, судя по всему, учитывают такие настроения. Принципиальная позиция Китая, неоднократно заявленная в официальных документах о том, что Китай, даже став современной могучей страной в экономическом и других отношениях, не будет стремиться к гегемонизму и проведению сверхдержавной политики с позиции силы, безусловно, укрепляет моральный авторитет внешней политики КНР. Мы с удовлетворением отмечаем, что антигегемонистские принципы политики Китая, становящегося все более влиятельной глобальной державой, последовательно институционализируются (*чжиду хуа*) и воплощаются в Конституции КНР, Уставе КПК, во внешней политике, военной доктрине, пропаганде.

Снятие лозунгов идеологической и классово-борьбы, перенос акцента на экономическое развитие и политику открытости, отказ от гегемонизма, сотрудничество со всеми странами на принципах мирного сосуществования, гибкое маневрирование на международной арене позволили Китаю заметно ослабить и частично нейтрализовать прямое давление и вмешательство США во внутренние дела и одновременно до настоящего момента избегать прямой политической конфронтации с США. Самое важное здесь заключается в том, что Китай умело воспользовался новой ситуацией, сложившейся после открытой атаки международного терроризма на США, и установил партнерские отношения с самой мощной державой на платформе взаимодействия в борьбе против

терроризма. В документах XVI съезда КПК эта политическая линия сформулирована так: "Решать международные дела согласно курсу на хладнокровное наблюдение и сдержанную реакцию и в соответствии с духом взаимного уважения и изыскания общего при сохранении разногласий".

Китай сделал свой выбор. Только на путях успешного проведения комплексной модернизации, углубления политики реформ и открытости, неуклонного наращивания совокупной национальной мощи, укрепления сплоченности и стабильности китайского общества, поддержания высокой обороноспособности НОАК Китай может предотвратить попытки извне помешать ему идти избранным путем строительства социализма с китайской спецификой.

Китайский политолог из Шанхая Сяо Гуанцин так интерпретирует необходимость сдержанности Китая во внешних делах: "Экономическое сотрудничество с самой могучей державой мира — США и мирное сосуществование с Западом являются неотъемлемыми внешними условиями прогресса в деле модернизации Китая"¹.

К сожалению, провозглашение политического партнерства, разумеется из-за односторонних действий Вашингтона и его практики двойных стандартов не снимает проблему сдерживания гегемонистских поползновений США в отношении Китая, что наглядно проявляется в тайваньской проблеме, в попытках навязать американские стандарты демократии и прав человека, в поддержке тибетских сепаратистов и т.д.

Скромность — традиционная часть китайской культуры. Однако чрезмерный упор на "слабости" Китая, который иногда встречается в китайских публикациях, чаще звучит нарочито, как некое "самоуничижение". Так, раскрывая тезис Дэн Сяопина о том, что Китай не должен стремиться к гегемонии и возглавлять борьбу с гегемонизмом, некоторые китайские коллеги, на наш взгляд, напрасно утверждают, что у Китая "еще слишком мало сил, чтобы обуздать мировой гегемонизм". Общий их вывод таков: "Мы (Китай. — прим. М.Т.) не можем брать на себя роль лидера в международной борьбе против гегемонизма"².

Китайский политолог Тан Шипин более реалистично воспринимает международную миссию КНР: "Китаю в процессе превращения в ответственную великую державу необходимо брать на себя долю ответственности, которая принимается другими государствами и поддерживается ими. И ни в коем случае не стоит ради создания определенной репутации принимать на себя ответственность, в которой нет необходимости. Фактически, лишь взяв обязательства, принимаемые и поддерживаемые другими странами, можно создать себе имидж подлинно ответственной великой державы"³.

Особое значение имеет в этой связи и то, что китайское руководство уже сегодня ведет работу, направленную на то, чтобы становление Китая как могучей современной державы не воспринималось в мире, особенно соседними странами, как потенциальная угроза их безопасности. Путем тщательной и высокопрофессиональной дипломатии сотрудничества, укрепляя взаимопонимание со своими партнерами, налаживая широчайшие гуманитарные контакты, не ограниченные государственными чиновниками разных рангов, Китай упрочивает взаимное доверие и взаимопонимание с другими народами.

Внутри страны ведется всесторонняя воспитательная работа среди китайского народа с тем, чтобы патриотические чувства и гордость по поводу достигнутых успехов адекватно воспринимались населением как результат не только собственных громадных усилий и самоотверженного труда многих поколений, но и как результат многостороннего сотрудничества с народами других стран, использования их опыта и творческого применения его в условиях Китая, словом, как *результат соразвития и широкого международного сотруд-*

ничества. В этом свете заслуживают высокой оценки выводы XVI съезда КПК, в документах которого задачи борьбы за мир увязываются с обеспечением условий для соразвития. "По-прежнему проводя самостоятельную и независимую мирную внешнюю политику, защищать мир по всем мире, стимулировать совместное развитие" — так резюмируется основной исторический опыт КПК.

К 2020 г., по прогнозам, КНР превратится в самую большую торговую страну Восточной Азии, к 2010 г. — станет крупнейшим экспортером, к 2005 г. — крупнейшим импортером.

Валютно-финансовый кризис 1997-1998 гг. в Азии показал огромное стабилизирующее значение растущей китайской экономической мощи для поддержания экономической стабильности и устойчивого развития экономики всей Восточной и Юго-Восточной Азии. Тогда США и Япония обратились с призывом к Китаю предпринять меры для предотвращения дальнейшего углубления кризиса, который, как известно, был спровоцирован действиями крупного спекулятивного капитала США. Если бы Китай руководствовался лишь своими эгоистическими интересами получения максимальной выгоды от сложившейся ситуации, то он мог бы девальвировать юань, что дало бы ему огромные выгоды в конкуренции с производителями ширпотреба стран ЮВА, но экономику стран ЮВА в этом случае ждала бы настоящая катастрофа. Китай учитывал ситуацию в целом и предпочел политические дивиденды — укрепление доверия к КНР в мире чистой экономической выгоде, хотя ему пришлось положить на алтарь стабилизации многие десятки миллиардов ам. долларов.

Для мира развивающихся стран особое значение имеет опыт адаптации Китая к экономической глобализации и его умение использовать предоставленные глобализацией шансы для своего развития. Как известно, КНР в сотрудничестве с другими странами и народами выступает за сохранение культурного, цивилизационного и политического многообразия мира, содействует становлению многополярности в мире и нового демократического справедливого миропорядка. В этом смысле современный цивилизационный и социально-политический опыт Китая объективно превращается в альтернативу либеральным концепциям "конца истории", "столкновения цивилизаций", открывает перспективу развития истории, предотвращения столкновения цивилизаций и перехода к конструктивному диалогу и *глобальной концепции соразвития*.

Некоторые (западные и китайские) политологи, применяя чисто технократические критерии оценки совокупной мощи той или иной страны, берут в расчет лишь экономические и военные показатели, игнорируя роль морально-политических и культурно-цивилизационных факторов. Следуя этой схеме, Китай рассматривается в лучшем случае как влиятельная *региональная держава*. Аналогичное место или рангом ниже, согласно этой табели о рангах, эти политологи отводят России, Индии, Бразилии. Мне думается, что деление стран, согласно вышеупомянутым критериям, призвано морально и идейно разоружить весь развивающийся мир, идеологически обосновать непоколебимость и долговечность господства одной сверхдержавы и принизить роль других стран, выстроить весь остальной мир в шеренгу под командованием единственной сверхдержавы — США.

Еще великий русский политический деятель и полководец XIII века Александр Невский сказал: "Не в силе Бог, а в правде". Эта истина сыграла выдающуюся роль в истории России и Советского Союза, в победе в Отечественной войне 1812 года и Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. Справедливость этих слов многократно подтверждалась справедливой борьбой других народов за свою свободу и независимость против значительно более силь-

ного в военном и экономическом отношениях противника, который не имел высоких целей, отвечающих чаяниям народов, и требованиям эпохи.

Следуя этой логике, на мой взгляд, КНР уже в настоящее время не только по численности населения и масштабам территории, но и по совокупной экономической, культурной и военной мощи, по силе морально-политического примера и опыту успешного решения самых сложных проблем развития и преодоления отсталости уже давно завоевала высокое уважение во всем мире, действительно является великой развивающейся державой, новой сверхдержавой.

Китайский опыт преодоления отсталости дает надежду и вдохновение малым странам и народам со временем превратиться из объектов политики стран "золотого миллиарда" в равноправных субъектов и партнеров. Этот пример имеет не меньшее влияние, чем экономическая мощь и военная сила.

Полуторавековой драматический опыт развития социализма свидетельствует о том, что классики научного коммунизма — Маркс, Энгельс и Ленин и их единомышленники поспешили лишить пролетариат национальности и отечества. Но национальные особенности и традиции, принадлежность к тому или иному этносу, к тому или иному типу культуры, как оказалось, являются долговременной и постоянной константой социальной жизни всех классов, включая рабочий класс, и играют очень важную, порой, решающую роль.

Только социализм, укорененный в национальную почву и учитывающий специфику страны, ее исторические традиции, как и любая идея, имеет достаточные жизненные силы для произрастания и преобладания в качестве альтернативы капиталистическому обществу. Объективный процесс глобализации, развивающийся в тесной связи с расширением мировых потоков капиталов, фактически создает экономические и международные предпосылки конвергенции, взаимодействия новой и предшествующей социальных формаций.

На фоне глубокого кризиса и стратегического отступления социализма в глобальном масштабе, переживаемых после распада СССР, далеко идущее историческое значение имеют подтверждение Китаем социалистического выбора как цели модернизации и выработка оптимальной модели решения социально-экономических и цивилизационных противоречий внутреннего и международного развития Китая. Выбор цели определил и выбор руководящей идеологии, сочетающий преемственность (марксизм-ленинизм, идеи Мао Цзэдуна) и обобщение нового опыта модернизации, проведения политики реформ и открытости в условиях глобализации (теория Дэн Сяопина и концепция трех представительств). Обобщая уроки развала мировой соцсистемы и распада Советского Союза китайские коммунисты выработали творческую методологию преодоления теоретического застоя и идейных кризисов, конкретизировали политику укрепления руководящей роли КПК и ее теснейших связей с массами и всеми социальными слоями общества.

В условиях глубочайшего кризиса и стратегического отступления социализма КПК взяла на себя задачу сохранить и развивать социализм в соответствии с требованиями эпохи и новыми историческими шансами. Выдвинутая Дэн Сяопином теория строительства китайского социализма предотвратила вытеснение социализма с исторической арены, предложила социалистическую альтернативу либеральной модели "конца истории". Одновременно Китай вместе с Россией, Индией и рядом других развивающихся стран активно выступил за уважение многообразия мира, за демократизацию международных отношений, за конструктивный диалог цивилизаций, тем самым способствовал созданию платформы, альтернативной курсу на столкновение цивилизаций в ходе всеобщей вестернизации, предложив в качестве альтернативы однополярному миру — мир многополярный, многоцветный, в котором большие и ма-

лые страны и народы будут иметь право собственного выбора условий для со-
развития и процветания.

Переосмысление социализма в Китае наглядно проявилось в политике реформ и открытости. Препятствием взглядам, сводившим реформы к постепенности, к чистому эволюционизму, политически и идеологически отходящим от революционной сути марксизма, китайские теоретики противопоставили идеи о том, что *реформа — это мирная революция*, ведущая к коренным изменениям положения социальных слоев, личности, к политическому совершенствованию системы, росту политической культуры масс.

Как пишет китайский ученый Ли Цзинцзе, «Социализм и реформы — тема всемирного значения, она сохранится долгий период времени и затронет множество людей»⁴.

Касаясь экономических аспектов опыта модернизации, следует указать на опыт и уроки сочетания качества экономического роста и развития в ходе осуществления экономической реформы. Руководство КПК, обобщив 25-летний опыт и уроки экономических реформ, пришло к выводу, что односторонний экономический рост, не согласованный и не увязанный с решением кардинальных социальных, экономических, национальных, межрегиональных и экологических проблем, не может носить здоровый характер. Экономическое развитие, темпы экономического роста должны прежде всего учитывать человеческий фактор и согласовываться с интересами комплексного долговременного, гармоничного развития и качества жизни населения, с ресурсами и состоянием окружающей среды. Только продолжение такого курса реформ обеспечит и в дальнейшем широкую поддержку политики КПК, политики реформ со стороны всего народа. Только такой подход обеспечит стабильное гармоничное развитие всех аспектов материальной, духовной и политической культуры Китая.

Важнейшим вкладом в экономическую теорию служит концепция сочетания государственного макрорегулирования и рынка. В Китае это называется созданием социалистической рыночной экономики. В последние годы своей жизни Дэн Сяопин указал, что плановость и рыночные конкурентные отношения являются механизмами развития экономики страны, а отнюдь не принципами, по которым критериями капитализма или социализма. Плановость широко используется капитализмом, а социализм должен широко использовать рыночные механизмы конкуренции, соревновательности для стимулирования общественной и индивидуальной активности в развитии экономики. Негативные социальные аспекты рыночных механизмов должны корректироваться с помощью целенаправленной регулирующей экономической политики и макроконтроля со стороны социалистического государства.

XVI съезд КПК и 3-й пленум ЦК КПК шестнадцатого созыва углубили теорию Дэн Сяопина по проблемам развития, роли партии и государства, что имеет важное значение для Китая и дает важный, исторически поучительный опыт для стран, решающих проблемы экономической и культурной отсталости, ищущих эффективные пути экономического и социального возрождения. Этот опыт весьма ценен для России и стран СНГ.

Политика открытости, помимо чисто экономических соображений, возникла на основе переосмысления органической взаимосвязи капитализма и социализма, понимания необходимости освоить производственную и политическую культуру, созданную капитализмом. Эта политика преодолевает идеологическую предвзятость. В свое время К.Маркс, Ф.Энгельс, В.И.Ленин многократно подчеркивали, что именно капитализм создает главные материальные, культурные и цивилизационные предпосылки для построения нового, более справедливого общества. Однако в действительности в прошлой практике СССР и Китая изучение опыта хозяйствования и культуры развитых стран

Запада оттеснялось на второй план жесткой идеологической борьбой против буржуазной идеологии и культуры.

Следуя реалистическому подходу, Дэн Сяопин подчеркивал: "Если не проводить политику открытости, значит вновь отгораживаться от внешнего мира. Значит, потребуется не менее 50 лет на то, чтобы достигнуть уровня развитых государств"⁵.

Выступая с докладом по случаю 80-летия КПК, Цзян Цзэминь изложил новый взгляд КПК на то место, которое занимает социализм и капитализм в процессе развития мировой цивилизации в целом и в социально-экономическом и цивилизационном развитии каждой отдельной страны. "Многообразие цивилизаций представляет собой основную особенность человеческого общества и является движущей силой прогресса цивилизации. Необходимо уважать историческую культуру всех стран, их общественный строй и модели развития, признавать реальность многообразия мира. Различные цивилизации и общественные формации мира должны находиться в длительном сосуществовании, в конкурентном соперничестве, заимствовать лучшее и восполнять свои пробелы, находить общее, несмотря на существующие различия. Только в этом случае КПК будет должным образом развиваться"⁶.

Известный китайский ученый, исследователь России проф. Ли Цзинцзе дает следующий научный комментарий этой новой концепции взаимоотношений социализма и капитализма. "В прошлом в течение довольно длительного времени люди упрощенно делили мир на социалистический и капиталистический, на мир белых и черных (здесь — в смысле людей положительных и отрицательных, а не различных по цвету кожи — прим. М.Т.). Это деление не было научным, оно не соответствовало реальности развития мира. В обозримом будущем взаимоотношения между социализмом и капитализмом будут не просто отношениями, характеризующимися словами "кто победил кого" или "кто заменил кого"

По своей сути этот подход к симфоническому взаимодействию цивилизаций и культур, который впервые был выдвинут еще в 20-е годы основоположниками российских идей евразийства и космизма С.Н.Трубецким, Л.П.Карсавиным, К.Э.Циолковским, а затем развит в работах сторонников нового евразийства (Л.Н.Гумилев, Н.Н.Моисеев и др.). Автор также является активным сторонником этих идей.

Приверженцы евразийства 20-30-х годов особое внимание обращали на опасность сплошной вестернизации русской культуры. Механическое заимствование и некритический подход к изучению западных моделей экономической и государственного строительства ведет к размыванию системы ценностей отечественной политической и духовной культуры, ставит национальную культуру и модель развития в зависимость от зарубежной политической моды на те или иные "измы" в рамках либерализма и индивидуализма.

Сторонники нового евразийства раскрывают значение равноправного диалога различных культур, который открывает самый продуктивный путь взаимной учебы, взаимообогащения и соразвития культур всех народов и стран: открытость всем лучшим достижениям науки, культуры и укорененность в национальную историю при подходах к выбору путей развития — вот стержневая идея современного евразийства.

Успехи экономической реформы и политики открытости сделали Китай своего рода образцовой моделью развития модернизации в условиях многоукладности и неравномерности экономического развития различных регионов страны.

Дэн Сяопин сделал вывод о том, что построение социализма в Китае займет длительное время, целую эпоху: "Хотя сейчас говорят, что и мы стро-

им социализм, однако фактически для этого у нас нет оснований. Только к середине следующего столетия, когда будет достигнут уровень среднеразвитых государств, только тогда можно говорить, что мы действительно строим социализм, только тогда мы сможем уверенно и смело говорить, что социализм превосходит капитализм. Сейчас мы идем в этом направлении”⁸.

В конце XX — начале XXI веков эти идеи получили свое воплощение и развитие в концепции “трех представительств”, официально провозглашенных в речи Цзян Цзэминя по случаю 80-летия КПК и в новой интерпретации третьей основной задачи китайского народа. В речи Дэн Сяопина на открытии XII съезда КПК (1982 г.) эта задача формулировалась как “...борьба против гегемонизма, за сохранение мира по всем мире...”⁹. Это давало основание полагать, что свой интернациональный долг КПК сводит лишь к усилиям в сфере безопасности и сохранения мира во всем мире. На XVI съезде КПК, в выступлениях и Цзян Цзэминя, и Ху Цзиньтао основные задачи китайского народа и КПК в международной сфере уже получили более расширенное толкование. Они были дополнены очень важным компонентом — “содействием соразвитию”. Этот вывод имеет большое международное значение и является серьезным развитием теории научного социализма, серьезным шагом в реализации задачи превращения социализма из утопии в науку и практику.

Увязка идеи социализма со спецификой страны потребовала переосмысления системы интернациональных и национальных компонентов идеологии и политики КПК. Китайские руководители однозначно заявили об абсолютном приоритете национальных интересов и задачи развития собственной страны, приоритете “независимости, самостоятельности и опоры на собственные силы”, о “недопущении ущемления своих интересов”. Именно эти принципы, как заявил Дэн Сяопин, были и будут исходной позицией нашей деятельности¹⁰.

На основе этих идей произошло оздоровление всей жизнедеятельности КПК как партии, выражающей, отстаивающей и проводящей в жизнь интересы абсолютного большинства граждан КНР и китайской нации в целом.

Выступая на открытии XII съезда КПК, Дэн Сяопин в краткой формуле обобщил извилистый путь социалистической революции и социалистического строительства в Китае со времени VIII съезда КПК (1956). “При осуществлении дела модернизации необходимо исходить из реальной действительности Китая. Как в революции, так и в строительстве нужно со всей серьезностью изучать и заимствовать опыт других стран. Однако на одном лишь копировании зарубежного опыта и слепом подражании иностранным образцам далеко не уедешь. В этом отношении у нас немало поучительных уроков. *Сочетать всеобщую истину марксизма с конкретной практикой нашей страны*, идти собственным путем и строить социализм со спецификой Китая — таков основной вывод, сделанный нами на основе обобщения длительного исторического опыта”¹¹.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что раскрытие международного значения опыта модернизации, политики реформ и открытости, реализуемых в Китае, имеет исключительное значение для прогнозирования будущего мира. Причин тому много, главные из них следующие.

1. Несмотря на серьезное поражение и отступление, социализм как субъект мировой цивилизации, благодаря Китаю, Кубе и СРВ, продолжает существовать, переосмысливает свой опыт, извлекает уроки из ошибок прошлого, формулирует и реализует свои стратегические цели и задачи в новых условиях. Именно это является одним из центральных направлений теоретической и практической деятельности КПК.

2. Стратегическое значение для будущего развития современной цивилизации имеет тот факт, что Китай в условиях абсолютного экономического, военного, научно-технического и политического доминирования одной сверх-

державы демонстрирует развивающемуся миру, составляющему три четверти человечества, альтернативный путь развития и соразвития в интересах абсолютного большинства населения.

3. Китай активно содействует диалогу цивилизаций, предотвращению “столкновения цивилизаций”, строительству многополярного мира, созданию справедливого демократического порядка в международных отношениях.

4. Отстаивая принципы мирного сосуществования и демонстрируя уважение к выбору каждого народа, Китай создает стабильную базу сотрудничества со всеми странами, подлинный фундамент для осуществления всесторонней политики открытости. Именно такой подход заложил прочные основы для укрепления добрососедства, дружеских отношений сотрудничества, стратегического партнерства и взаимодействия между РФ и Китаем. Эти принципы были закреплены в российско-китайском “Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве”, подписанном в Москве 16 июля 2001 г. Модель российско-китайских отношений — это вклад в теорию и практику международных отношений в условиях глобализации, вклад в теорию и практику международного права.

-
1. Китай в мировой и региональной политике. М.: ИДВ РАН, 2003. С. 32.
 2. Там же. С. 33.
 3. Свешников А.А. Роль американского фактора в самоопределении КНР на международной арене в начале XXI в. // Китай в мировой и региональной политике. С. 33-34.
 4. Китай в диалоге цивилизаций. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 326.
 5. Дэн Сяопин сюаньцзи. [Дэн Сяопин. Избранное]. Пекин, 1993 (на кит. яз.). Т. 3. С. 367.
 6. Жэньминь жибао. 2001. 2 июля.
 7. Ли Цзинцзе. Теоретические размышления о проблемах социализма.// Китай в диалоге цивилизаций. С. 322.
 - 8 Там же. С. 318.
 - 9 Дэн Сяопин. Избранное (1975-1982). Пекин, 1983. (на русск. яз.). С. 465.
 - 10 Там же. С. 464.
 - 11 Там же. С. 464.

К 100-летию со дня рождения Дэн Сяопина

Дэн Сяопин и модернизация Китая

© 2004

Д. Смирнов

Общеизвестны огромные успехи, достигнутые Китаем за последнюю четверть века в подъеме экономики и жизненного уровня народа, развитии науки и техники, образования и культуры. Эти успехи неразрывно связаны с деятельностью великого государственного деятеля Китая — Дэн Сяопина, которого с полным основанием можно считать одним из выдающихся национальных лидеров нашей эпохи, сумевшего вырвать самую многонаселенную страну мира из состояния политического хаоса, нищеты и отсталости и направить ее на путь устойчивого социально-экономического развития.

Дэн Сяопин родился 22 августа 1904 г. в расположенной на юго-западе Китая провинции Сычуань. Годы его учебы совпали с развертыванием антиимпериалистической, антифеодальной революции в Китае. Как и многие его сверстники, он в 1920 г. уехал на учебу за рубеж — во Францию, где на протяжении шести лет совмещал напряженную работу на предприятиях и учебу с участием в революционной деятельности, организованной французской секцией Коммунистической партии Китая. В 1926 г., находясь под угрозой высылки полицией, выехал в Москву, где начал обучение в Университете им. Сунь Ятсена, специально созданном для подготовки кадров революционного движения в Китае, но уже в конце того же года был отозван на родину для участия в практической революционной работе. В 1927 г. он, в двадцатитрехлетнем возрасте, уже возглавлял секретариат ЦК КПК, затем долгих двадцать лет занимался подпольной работой, организацией вооруженных восстаний, был одним из главных политических комиссаров Красной армии, пройдя с ней весь тяжелый путь гражданской войны и борьбы против японских захватчиков. В 1940-е годы Дэн Сяопин возглавлял Северное бюро, а затем Юго-Западное бюро ЦК КПК, руководя организационной работой в этих крупных регионах.

После победы народной революции и образования Китайской Народной Республики в 1949 г. Дэн Сяопин был выдвинут в состав центрального партийного и государственного руководства, заняв посты заместителя премьера Государственного Совета КНР, Центрального военного совета и генерального секретаря ЦК КПК. В годы так называемой "культурной революции", он, как и многие другие руководители, был репрессирован. Когда "культурная революция"

поставила на грань развала систему управления страной, тогдашнему руководству КПК пришлось вернуть к руководящей работе Дэн Сяопина и ряд других подвергшихся гонениям руководителей высшего ранга. В 1973 г. ЦК КПК по указанию Мао Цзэдуна принял решение восстановить Дэн Сяопина на посту заместителя премьера Госсовета КНР, а вскоре он был назначен первым заместителем премьера Госсовета КНР, затем, в 1975 г. — заместителем председателя Центрального военного совета и начальником Генерального штаба НОАК, и, наконец, членом Политбюро и заместителем председателя ЦК КПК.

На этих постах Дэн Сяопин занялся претворением в жизнь принятого руководством КНР в январе 1975 г. курса на осуществление четырех модернизаций — сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники. Но прежде всего приступил к проведению “всестороннего упорядочения” всей подорванной в результате “культурной революции” административно-хозяйственной жизни, поставив задачи по созданию эффективной структуры управления производством, реформированию системы взаимоотношений центра и мест на основе передачи части полномочий низовым организациям, упрощению военного и административного аппарата, восстановлению нормативной базы, внедрению “системы ответственности” за руководство предприятиями и проведению в жизнь принципа распределения по труду.

Все эти решения в дальнейшем стали составной частью разработанной им программы модернизации Китая, что дает основания китайским исследователям считать 1975 год началом формирования и проверки на практике основных идей Дэн Сяопина о проведении реформ и открытой политики, в первую очередь его центральной идеи о приоритете экономического строительства, сформулированной им еще в 50-е годы.

Этот курс проводился во второй половине 1970-х гг. в целом в рамках прежней политико-идеологической линии, но уже тогда под влиянием Дэн Сяопина началось постепенное исправление наиболее одиозных левацких установок, в частности, в отношении уравниловки в зарплате, чрезмерного влияния “политики” на развитие производства и т.д. Однако вскоре Дэн Сяопина обвинили в игнорировании “успехов культурной революции” и насаждении “теории” приоритета производительных сил. Эти обвинения были поддержаны Мао Цзэдуном, и в конце 1975 г. Дэн Сяопин вновь был отстранен от государственного управления, после чего официально снят со всех занимаемых постов.

Вернуться к осуществлению программы модернизации Дэн Сяопину удалось лишь после обеспечения необходимых для этого политических условий, связанных с отстранением от власти “банды четырех” в октябре 1976 г. и последовавшим за этим окончательным завершением “культурной революции”.

Такие условия были созданы на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г., принявшем историческое решение отказаться от теории “продолжения революции при диктатуре пролетариата” и политической установки на ведение “классовой борьбы” как главной задачи, а центр тяжести партийной работы перенести на осуществление модернизации. После 3-го пленума Дэн Сяопин сформировал ключевые теоретические и программные положения стратегии реформ.

Цель социалистической модернизации — выведение Китая к середине XXI века на уровень среднеразвитых государств по производству на душу населения и достижение на этой основе всеобщего благосостояния его граждан. **Путь модернизации** — ускоренный экономический рост, качественное обновление экономики и повышение ее эффективности на базе развития научно-технического потенциала. Исходя из того, что наука есть “главная производительная сила”, он относил ее развитие к важнейшим задачам экономического строительства, одновременно призывая к заимствованию передовых зарубежных научных и технических достижений. Постановка задачи по развитию науки и

техники связывалась Дэн Сяопином с повышением роли интеллектуального труда в осуществлении модернизации и вообще положения интеллигенции в обществе.

Государственная основа — социализм, потому что он дает возможность обеспечить необходимую концентрацию материальных и людских ресурсов для ускоренного социально-экономического развития и достижения всеобщего благосостояния, не допуская сосредоточения основной части общественного богатства в руках малой части общества. Но социализм в Китае строится с учетом **национальной специфики**, заключающейся в исторически сложившейся и объективно обусловленной социально-экономической отсталости, в условиях дефицита пахотной земли и других необходимых ресурсов для обеспечения нормальных условий жизни и развития страны с миллиардным населением. Поэтому с самого начала разработки стратегии модернизации Дэн Сяопин отказался от догматического следования принятым в СССР канонам социалистического строительства и вел поиск строительства **собственной модели социализма** с китайской спецификой. Учитывая, что преодоление отсталости Китая потребует длительного времени, было принято принципиальное теоретическое положение о том, что КНР находится на **начальной стадии социализма**, которая продлится до середины XXI века.

Экономическую основу этой модели составляет общественная собственность на средства производства, при этом поощряется развитие несоциалистических секторов экономики, включая частный сектор. Дэн Сяопин отказался от буквалистского противопоставления плана и рынка, рассматривая и то, и другое лишь как средства в руках государства, не определяющие его сущность (поскольку при социализме, также как и при капитализме, используются и план, и рынок) и в период реформ 80 — 90-х годов руководство КПК постепенно, через ряд промежуточных этапов, расширяло роль рыночных отношений как главного регулятора развития экономики.

Основные средства осуществления модернизации — реформы и открытая политика. Реформы направлены на приведение производственных отношений в соответствие с задачами развития производительных сил с тем, чтобы производственные отношения не становились тормозящим фактором для развития страны. А открытая политика призвана включить КНР в процесс глобализации экономики и других сфер жизни человеческого сообщества, активно привлекать зарубежные капиталы, использовать достижения науки и техники, управленческий опыт с тем, чтобы в конечном счете повысить мировую конкурентоспособность Китая.

Процесс реформ охарактеризован Дэн Сяопином как “вторая революция” после 1949 г., но революция, не направленная на слом старой надстройки и против какого-либо общественного класса, а революция в смысле революционного обновления социализма на его собственной основе путем самосовершенствования.

Экономическая реформа, согласно теории Дэн Сяопина, невозможна без **реформы политической системы**. Политико-идеологическая надстройка характеризуется в его теории как диктатура пролетариата под руководством Компартии Китая. Политическая жизнь страны строится в соответствии с выдвинутыми Дэн Сяопином “четырьмя основными принципами”: следовать социалистическому пути, придерживаться диктатуры пролетариата, руководства КПК и марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэдуна ради обеспечения **главного внутреннего условия** нормального хода реформ — политической стабильности. Никакие отклонения от этой линии в сторону политико-идеологической либерализации не допускались. Дэн Сяопин отказался от заимствования западной модели демократии с разделением трех ветвей власти и борьбой партий за власть, считая ее неподходящей для китайских условий. Содержание же ре-

формы политической системы состоит в повышении эффективности существующей ныне системы представительных органов власти (собрания народных представителей и т.п.), расширении их контролирующих функций и демократических начал в их деятельности, упрощении и сокращении управленческого аппарата, четком разделении полномочий между партийными и административными органами, между центром и местами и т.д.

Проведение в жизнь курса Дэн Сяопина неразрывно связывается с превращением Китая в современное правовое государство, "управляемое на основе закона", при сохранении руководящего статуса компартии и существующей в КНР системы собраний народных представителей и многопартийного сотрудничества под руководством КПК. За годы реформ разработан огромный массив законодательных актов, регламентирующий все стороны экономической, государственной и общественной жизни.

Особое место и в проведении реформы политической системы, и в целом в процессе модернизации уделяется **правящей партии** как гаранту обеспечения социально-политической стабильности, без которой невозможно успешное проведение курса на модернизацию, поэтому вопросы партийного строительства, укрепления партийной дисциплины и усиления внутривнутрипартийного контроля постоянно находятся в центре внимания руководства КПК.

Важнейшее значение в теории модернизации Дэн Сяопина отводится человеческому фактору. Воспитание "нового человека" проводится с начала 80-х годов в рамках курса на создание **социалистической духовной культуры**, охватывающей всю духовную сферу жизни китайского общества — идеологию, собственно культуру, мораль, право — и нацеленную на формирование современной культурно-цивилизационной среды, без которой модернизация немыслима.

В процессе разработки стратегии модернизации Китая Дэн Сяопином была пересмотрена прежняя **концепция развития современного мира**, сводившаяся к тому, что его основу составляли мировая война и революция. Согласно теории Дэн Сяопина, основными тенденциями, определяющими состояние современных международных отношений, являются мир и развитие, сохранение которого является **внешней гарантией** успешного проведения модернизации КНР. Особое значение для народов наших стран имеет то, что взаимное преодоление прежних идеологических стереотипов и разногласий позволило, по выражению Дэн Сяопина, "закрыть прошлое, открыть будущее" и привело к **нормализации советско-китайских отношений**.

Наконец, неотъемлемой частью программы модернизации Дэн Сяопина является **завершение процесса объединения страны** по формуле "одно государство — два строя", предусматривающее сохранение в Сянгане, Аомэне и на Тайване, после их воссоединения с КНР, существующего там капиталистического строя.

При разработке программы социалистической модернизации Дэн Сяопин не имел готовых ответов на сложнейшие вопросы ее осуществления в столь огромной стране, какой является Китай. Разработка этой программы велась методом "переходить реку, нащупывая камни". При этом большое внимание в Китае уделялось и продолжает уделяться сегодня активному изучению мирового опыта социально-экономического и общественно-политического развития, учету и использованию тех его аспектов, особенно в сфере управления, которые представляют интерес для Китая и не противоречат китайским условиям.

Разрабатывая стратегию дальнейшего проведения курса на модернизацию КНР в 90-е годы, Дэн Сяопин опирался на анализ кризисной ситуации, охватившей в 1989 г. весь социалистический мир. Причины кризиса были внимательно изучены и учтены при корректировке курса на модернизацию КНР применительно к наступившему тогда новому этапу всемирно-исторического развития, связанному с распадом Советского Союза и социалистического лагеря в Восточной Европе и иными факторами.

При анализе ситуации было выделено два главных положения. Первое: длительное экономическое отставание СССР и стран Восточной Европы от развитых капиталистических стран, связанное с неэффективной системой управления, а в СССР — и с милитаризацией экономики. Второе: неспособность руководства КПСС и правящих партий в странах Восточной Европы найти адекватные решения экономических проблем без развала самой социалистической системы. В ходе инспекционной поездки на юг Китая в начале 1992 г. Дэн Сяопин делает вывод о необходимости **дальнейшего ускорения реформ и развития** на основе расширения сферы действия рыночных отношений и предлагает для определения действительности проводимых реформ и открытой политики три критерия: способны ли реформы развитию производительных сил, способствуют ли они укреплению совокупной государственной мощи, способствуют ли повышению жизненного уровня народа. Проводимый с конца 70-х годов курс, основанный на последовательном возрастании степени экономической свободы при одновременном совершенствовании механизма управления и формировании цивилизованной культурной среды в условиях сохранения руководства КПК он предложил сохранять практически на весь период социалистической модернизации (100 лет). Развивая реформу, руководство КНР во главе с Дэн Сяопином объявило в 1993 г. о **соединении рыночной экономики с социализмом**.

На XV съезде КПК в 1997 г. в Устав партии было включено положение о **руководящей роли “теории Дэн Сяопина” на начальной стадии социализма**. Она рассматривается в качестве нового этапа развития марксизма в Китае, второго теоретического достижения в Китае после “идей Мао Цзэдуна” и научной системы строительства социализма с китайской спецификой.

В процессе дальнейшего развития теории Дэн Сяопина его идеи оформляются в развернутую многоплановую, цельную теоретическую конструкцию, “законченную научную систему”, направленную на решение главных задач на предстоящую перспективу: формирования сравнительно совершенной системы социалистической рыночной экономики; создания реального фундамента для осуществления модернизации к середине наступившего нового века; продолжения реформы политической системы и построения социалистического правового государства; формирования социалистической духовной культуры; проведения курса на мирное объединение страны по формуле “одно государство— два строя”.

В теории Дэн Сяопина китайские обществоведы выделяют учение о развитии, политическую идеологию, экономическую философию и другие аспекты. Сердцевиной учения о развитии является вывод о социалистическом характере модернизации КНР, единстве политики и экономики, гарантирующем, в отличие от СССР и стран Восточной Европы, социалистический путь Китая. Основа экономической философии Дэн Сяопина — сбалансированность экономических и внеэкономических противоречий: во взаимоотношениях между экономикой и политикой, экономикой и обществом, экономикой и культурой и т.д. Как подчеркивают китайские теоретики, Дэн Сяопин вышел на новый уровень понимания социализма, стержнем которого становится освобождение и развитие производительных сил, а система организации нацелена на избавление общества от эксплуатации, имущественной поляризации и достижение всеобщего благосостояния. Экономическая философия Дэн Сяопина основана на комплексном подходе к проблемам модернизации, увязывая воедино производственные отношения, надстройку, политическую систему, культуру, мораль, развитие самого человека и т.д. Важнейшей заслугой Дэн Сяопина признано философское осмысление возможностей “использования шанса” для подъема производительных сил Китая, что успешно претворено в жизнь. Ядро политической идеологии Дэн Сяопина составляет политическая стабильность как гарантия успеха модернизации. Политическая же стабильность базируется на “четырёх неизменностях”: неизменности курса на модернизацию, проведения политики открытости, реформирования экономической и политической си-

стем, объединения КНР по формуле “одно государство — два строя”. Этот политический курс рассчитан на весь период модернизации.

Дэн Сяопин приступил к проведению политики модернизации Китая после окончания разрушительной “культурной революции”, приведшей страну к такой опасной ситуации, когда по сути надо было решать проблему спасения нации и государства. Важнейшей особенностью политики Дэн Сяопина было то, что она не определялась какими бы то ни было “левыми” или “правыми” идеологическими шаблонами (“неважно, какого цвета кошка, черного или белого, — говорил Дэн Сяопин, — лишь бы ловила мышей”), а всецело была подчинена задаче наращивания совокупной государственной мощи и улучшению жизни народа. Отсюда — взвешенный и ответственный подход к последовательности, глубине и темпам преобразований, стремление, по возможности, избегать радикализма в принятии решений.

Опыт двадцати лет реформ показал, что Дэн Сяопину, благодаря критическому переосмыслению исторического опыта построения социализма в КНР, исправлению левацких ошибок и перегибов, удалось вывести страну из тупика догматического застоя и практически обеспечить начало ее поступательного развития. Прежний метод руководства страной с помощью непрерывно сменяющихся друг друга политических кампаний уступил место твердому долговременному целенаправленному курсу, ключевыми понятиями которого становятся “государство”, “китайская нация”, “патриотизм”, “социалистическая демократия”, “правление на основе закона”, “справедливость” и др. Обобщая теорию и практику проводившейся Дэн Сяопином политики модернизации, можно констатировать, что последовательный курс на внедрение рыночных отношений в экономику не сопровождался столь же радикальными преобразованиями в политической системе. Содержание разрабатывавшейся им реформы политической системы сводилось не к постепенному демонтажу социалистического строя вслед за повышением степени либерализации экономики, а к совершенствованию исторически сложившегося административно-политического механизма. Она проводится таким образом, чтобы ее темпы соответствовали потребностям реформирования экономики и развития общества, не отставая от решения возникающих в связи с этим задач, но и не “забегая вперед”, постепенно и поэтапно, с учетом существующих объективных условий. **Ю сути именно в совмещении экономического либерализма с твердой авторитарной политической властью и заключается специфика китайского пути социалистической модернизации, проложенного Дэн Сяопином.** В этом он схож с опытом ряда азиатских стран, успешно осуществляющих модернизацию.

Основу учения Дэн Сяопина образовало стойкое соединение теории с практикой. Однако достижение такого эффекта стало возможным лишь при условии пересмотра самой теории, ее освобождения от элементов, аргументов и терминологии, несвойственных национальному мышлению китайского народа и несоответствующих по существу и форме условиям того времени, в котором осуществляется в КНР построение нового общества. Невозможность достижения целей построения социализма в отсталой стране в кратчайшие сроки, постоянная оглядка на колебания в политике и идеологии соседних стран социалистическо-коммунистической ориентации вели в 50 — 70-е годы к неустойчивости собственного политико-идеологического и экономического курса КНР, “разрешавшейся” в многочисленных массовых политических кампаниях, призванных окончательно и бесповоротно решить все насущные проблемы страны, но неизменно терпевших поражение по мере своего расширения и углубления. С приходом к власти Дэн Сяопина этот подход сменился последовательной политической реформ, установки которых определяются практическими потребностями страны и, самое главное, **они проводятся в интересах всего общества, а не “избранных” его прослойки.** Стабильный курс реформ сочетается с активной деятельностью по созданию благоприятных международных условий для стабильного

экономического развития и ведения свободной конкурентной борьбы за место на мировых рынках. Однако провозглашая политику открытости миру, Китай, как явствует из теории Дэн Сяопина, сохраняет за собой право на самостоятельное и самобытное решение всех своих экономических и социально-политических проблем. Подход к их решению рассматривается как внутреннее дело страны и ставится в зависимость от реальных возможностей государства и общества.

Разумеется, в условиях длительного, глубокого реформирования всей административно-хозяйственной жизни страны на рыночной основе, сопровождающегося появлением новых и обострением старых противоречий, при отсутствии достаточного опыта такого реформирования, невозможно избежать сопутствующих этому процессу негативных явлений, таких как рост имущественного расслоения и поляризации общества, растущий разрыв в уровне развития города и деревни, приморских и внутренних регионов, разрастание коррупции на фоне бедности все еще огромных масс населения, особенно в деревне, эрозия традиционных и социалистических морально-этических ценностей. Условия для этих явлений постоянно воспроизводятся самой рыночной средой и открытостью страны внешнему миру. Им способствует и обострение проблемы занятости вследствие проводимой в КНР перестройки экономики в целях повышения ее конкурентоспособности после вступления Китая в ВТО. Поэтому сохранение социально-политической стабильности и предотвращение кризисных явлений во многом зависит от политической воли, умения и способности власти противодействовать негативным явлениям, ограничивая их масштабы и степень воздействия на экономику, общество и саму государственную власть, умения учитывать и регулировать интересы новых социальных слоев и решать возникающие в связи с этим противоречия. Особое значение здесь имеет вопрос о дальнейшем развитии и углублении реформы политической системы, направленной на укрепление в ней демократических начал.

Все эти проблемы, неизбежные на пути трансформации прежней командно-административной системы в систему социально-ориентированного государства с регулируемой рыночной экономикой представляют серьезные вызовы Коммунистической партии Китая, от способности которой справиться с этими вызовами, найти им адекватный ответ, правильно выстроить и суметь провести в жизнь комплексную долговременную стратегию развития страны зависит ее дальнейшая судьба как правящей партии. И власть, и общество в КНР осознают, что, несмотря на все трудности и социальные издержки, рыночные реформы, направленные на дальнейшее развитие производительных сил и повышение мировой конкурентоспособности китайской экономики, необходимо решительно и последовательно продолжать, ибо только на этом пути Китай сможет достигнуть к середине нынешнего века уровня среднеразвитых стран по производству на душу населения. Четко осознается и то, что любые попытки самоизоляции от внешнего мира неизбежно приведут к застою, особенно в условиях резкого ускорения процесса экономической глобализации и вступления мира в информационную эпоху.

Решение задачи дальнейшего повышения уровня жизни народа связывается с выполнением программы построения общества "среднего достатка" как долговременной цели, достичь которую планируется за несколько десятилетий — к середине наступившего столетия. Реализация этой программы намечена на базе принятой недавно под руководством Ху Цзиньтао "концепции научного развития", направленной на обеспечение всесторонне сбалансированного, комплексного, устойчивого развития страны, акцент в котором будет сделан на достижение качественного роста вместо прежней погони за количественными показателями, на всестороннее развитие человеческих ресурсов — этого главного богатства страны, на сбережение окружающей среды. Вместе с тем предпринимаются практические шаги по улучшению экономического положения крестьянства и иные меры, призванные облегчить положение социально уязвимых слоев населения.

На последней сессии Всекитайского собрания народных представителей весной этого года приняты поправка к конституции КНР о защите "законной" частной собственности и поправка относительно прав человека, чего не допускали прежние идеологические установки.

На новом историческом рубеже, наступившем после двадцати лет реализации курса на строительство социалистической рыночной экономики, в формирующейся новой социальной среде, в иной, чем прежде, социально-психологической и морально-нравственной атмосфере перед КПК закономерно возник вопрос о переосмыслении роли и места правящей партии в процессе модернизации страны, форм и методов ее руководства, ее способности адекватно воспринимать и воздействовать на складывающуюся новую объективную реальность. Эти перемены внутри страны совпали по времени с распадом мировой социалистической системы и связанного с ней "двухполюсного" мироустройства, они происходят на фоне глубоких общемировых перемен на стыке двух веков, связанных со взрывным развитием науки и техники, экономики знаний, непрерывным ускорением и углублением процессов глобализации и информатизации, предоставляющих для дела социалистической модернизации в Китае шансы и в то же время являющихся для него вызовами. Идя самостоятельным путем реформирования страны, КПК разработала концепцию "трех представительства", призванную дать теоретический ответ на вызовы времени. Эта концепция представляет собой многоплановое и многоуровневое осмысление стратегии развития в условиях реально существующего и постоянно усложняющегося "социализма с китайской спецификой" с присущими ему рыночной конкуренцией и социальными противоречиями, чего не было при дореформенной модели социализма. Принятие этой концепции знаменует собой приход, вслед за двадцатилетним проведением политики экономического прагматизма, теперь уже политического прагматизма, продиктованного как новой социально-экономической действительностью и реальной идеологической обстановкой (большинство трудоспособного населения КНР воспитывалось и вступило в трудовую жизнь уже в эпоху реформ и открытости), так и необходимостью обеспечить в предстоящие десятилетия многократное усиление совокупной государственной мощи Китая и достижение уровня "среднего достатка" в условиях конкурентной борьбы великих держав за мировые ресурсы и рынки и за научно-технологическое лидерство.

Важнейшая особенность процесса эволюции идейно-теоретической платформы КПК в ходе проведения политики реформ и открытости — его строго контролируемый характер, без забегания вперед, ибо его целью является не идеология сама по себе как доминанта общественного развития (что было характерно для дореформенной модели социализма в КНР), а обеспечение эффективного управления страной на основе исторически сложившегося государственно-политического механизма в целях осуществления программы социалистической модернизации. Заложенные в основу концепции "трех представительства" принципы "реалистического подхода к действительности", независимости и самостоятельности, в полной мере реализованные Дэн Сяопином в ходе построения "социализма с китайской спецификой", открывают возможность свободного поиска теоретических и практических ответов на новые вызовы времени, новые проблемы и противоречия.

Опыт проводившихся под руководством Дэн Сяопина реформ вызывает огромный интерес в России и в мире, основанный на реальных достижениях Китая в кратчайшие, по историческим меркам, сроки и на неизбежном сопоставлении китайского опыта реформ с реформами в последние годы существования СССР и в постсоветской России. Приемлемость китайского опыта реформ во многом зависит от мировоззренческих позиций тех, кто их оценивает: от признания необходимости использования этого опыта, особенно в экономическом строительстве, с целью сочетания высоких темпов экономического раз-

вития с одновременным стабильным повышением уровня жизни и недопущением чрезмерного имущественного расслоения, до отрицания возможности его применения в силу различий в социально-экономической жизни и в политической системе наших стран и т.д. Но независимо от вопроса о применимости тех или иных сторон опыта проведения масштабного реформирования Китая под руководством Дэн Сяопина для других стран следует, на наш взгляд, выделить ряд принципиальных моментов в его деятельности, имеющих значение не только для Китая, но и для любой страны, идущей в общем в том же направлении по пути модернизации и реформ. Это истинные, то есть действительно в интересах своего народа, а не формально декларируемые цели преобразований, предопределяющие и средства их проведения, и их "социальную цену". Это учет реальной специфики страны, а не односторонняя ориентация на те или иные отечественные или заимствованные за рубежом теоретические построения. Реальная степень самостоятельности страны в определении целей, методов и темпов преобразований. Способность мобилизовать административно-управленческий аппарат на проведение в жизнь принятой стратегии развития страны. Уровень приемлемости содержания и темпов преобразований для общества без подрыва социально-политической стабильности и/или неуклонной деградации самого общества. Особо важно отметить долгосрочный стратегический подход Дэн Сяопина к разработке программы развития страны, рассчитанный на поколения вперед. Для каждого этапа развития Дэн Сяопин ставил реально достижимые цели и избегал каких-либо несбыточных и утопичных обещаний. Его подход к проблеме выбора пути и средств развития всегда носил комплексный характер, он основывался на учете общего баланса взаимодействия и взаимовлияния всех сфер жизни страны при принятии стратегических решений.

Дэн Сяопин проводил реформы в тяжелейших исходных условиях, когда на объективно существующее противоречие между перенаселенностью Китая и ограниченностью пахотной земли, питьевой воды и других природных ресурсов наложилась катастрофа "культурной революции", усугубившая и без того низкий уровень развития производительных сил, образования, науки и техники и поставившая на грань развала само государство. Исходя из специфики и исторического опыта Китая, решающую роль в котором играет крестьянство, до сих пор составляющее подавляющее большинство его населения, Дэн Сяопин начал реформы в первую очередь в деревне, дав крестьянам свободу распоряжаться продуктами своего труда, а затем, стабилизировав ситуацию и создав основу для формирования рынка, в середине 80-х годов приступил к широкому проведению реформы в городе. Он отбросил стереотипы уравниловки и призвал дать возможность на первом этапе достичь зажиточности части людей и части регионов, чтобы добиться ускорения общего экономического развития, которое позволит впоследствии "подтянуть" отстающие регионы, отрасли и т.д. Все предпринимаемые им шаги проходили в постоянном противодействии тем, кто оставался на позициях прежней модели социализма со всеобщим огосударствлением собственности и уравниловкой, а также тем, кто требовал отказа от социализма и заимствования западной системы демократии. Действуя в столь непростой экономической и политической обстановке, Дэн Сяопин придавал первостепенное значение общеполитической стабильности, идя на самые жесткие меры для ее обеспечения.

Окончательный ответ на вопрос о применимости того или иного пути для каждой страны дает история, идущая, как принято говорить в Китае, "извилистым путем". Четверть века реформ, начатых и проводившихся под руководством Дэн Сяопина и в целом успешно продолжающихся и сейчас, уже состоялась. Именно за это время Китай совершил невиданный скачок в развитии производительных сил и в деле построения общества "среднего достатка", обретя в мире достойный статус великой державы.

Дэн Сяопин и экономические реформы в Китае

© 2004

Я. Бергер

На этапе развертывания курса на реформирование и открытость китайской экономики, начало которому положил 3-й пленум ЦК КПК XI созыва в конце 1978 г., реформы выступали лишь как часть экономической политики, обозначавшейся формулой: "урегулирование, реформирование, упорядочение и повышение" (*тяочжэн, гайгэ, чжэндунь, тигао*). Из четырех направлений этого нового курса первое место не случайно отводилось "урегулированию". Именно оно считалось центральным звеном новой политики. Необходимо было безотлагательно выправить те глубочайшие диспропорции, от которых страдала экономика вследствие полной разбалансированности народнохозяйственного механизма и дефектного управления после "культурной революции".

Основной областью реформ, носивших отчасти рыночный характер, на этом этапе была сфера управления, особенно в тех случаях, когда принятие решений было излишне централизовано. В сельском хозяйстве распространялись различные формы подворного подряда, директивное планирование совмещалось с индикативным, расширялась система контрактации сельскохозяйственной продукции. Реформы коснулись также государственных промышленных предприятий, внутренней и внешней торговли, финансов. Целью реформ было освобождение отраслей, местных властей, предприятий от избыточной опеки со стороны центрального правительства и развязывание их инициативы.

Реформы, таким образом, в определенной степени подрывали старую планово-распределительную систему хозяйства, ограничивая директивное навязывание предприятиям производственных показателей, допуская торговлю средствами производства, лишая государство монополии на закупки и сбыт товаров, на ведение внешней торговли. Во всех этих сферах вводились элементы рыночного регулирования при сохранении ведущей роли государственного планирования.

В целом, однако, считалось, что для проведения серьезных структурных преобразований в экономике нужна более основательная подготовка. Более того, в некоторых случаях реформа управления вступала в противоречие с задачами урегулирования, усиливая хаос в экономике. Частные интересы предприятий и регионов при отсутствии рыночного механизма макрорегулирования и сильно ослабленном механизме планового регулирования нередко противостояли общенациональным интересам.

Поэтому, выступая на рабочем совещании ЦК КПК в конце декабря 1980 г., Дэн Сяопин призывал основной упор в работе делать на урегулирование. Реформы, говорил он, должны быть подчинены урегулированию, должны быть ему полезны и ни в коем случае ему не мешать. С этой целью будущий инициатор реформаторского курса призывал даже несколько притормозить ход реформ, хотя и не поворачивать вспять.¹

Что касается урегулирования, то речь в то время, разумеется, не могла идти о приоритетном обращении к рыночным рычагам и стимулам для нормализации общей экономической ситуации в стране, не говоря уже о таких экстраординарных мерах, как шоковая терапия или обвальная приватизация. К этому не были готовы ни китайское общество в целом, ни тот тандем китайских руководителей — Чэнь Юнь-Ли Сяньнянь, который провозгласил и возглавил курс на урегулирование. Их позиция исходила из тезиса, выдвинутого Чэнь Юнем еще в 1956 г. о “трех главных и трех вспомогательных”. Главное — государственное и коллективное хозяйство, вспомогательное, или дополнительное — индивидуальное хозяйство. Главное — плановое производство, а вспомогательное — свободное производство в рамках, допускаемых государственными планами. Главное — государственный рынок, а вспомогательное — свободный рынок под руководством государства. Эти взгляды Чэнь Юнь отстаивал до конца своих дней, независимо от тех процессов, которые происходили в реальной экономической жизни.

Примерно те же позиции занимал тогда и Дэн Сяопин. В беседе с одним из издателей энциклопедии “Британика” в ноябре 1979 г. он тоже поддержал первенство плановой экономики при сочетании ее с экономикой рыночной, которую именовал “социалистической”.²

При разработке планов долгосрочного развития до 2000 г. Чэнь Юнь и Дэн Сяопин выступили против предлагавшегося Хуа Гофэном неоправданного ускорения темпов экономического роста. Изучив материалы по экономическому развитию страны за три десятилетия, истекших с момента создания КНР, которые были специально подготовлены исследовательским отделом Управления делами ЦК КПК, китайские руководители пришли, в частности, к выводу о необходимости сравнительно умеренной нормы накоплений.³

Изменение расстановки сил в китайском руководстве в конце 1980 г. (официально оформленное полгода спустя на 6-м пленуме ЦК КПК XI созыва) создавало благоприятные условия для более последовательного осуществления курса на урегулирование экономики. К более решительным действиям по выправлению положения в экономике подталкивали и события того времени в Польше, которые весьма озаботили китайских руководителей, опасавшихся их повторения в Китае.⁴

В конце ноября 1980 г. на заседании Политбюро и Секретариата ЦК КПК Чэнь Юнь предложил существенно сократить объем инвестиций в капитальное строительство в 1981 г. Сначала Дэн Сяопин, а затем и Чэнь Юнь призвали ограничить среднегодовой экономический рост в течение трех лет пятью процентами, а если не получится, то и четырьмя.

Улучшение экономической ситуации в стране поставило вопрос о перспективах курса на урегулирование, точнее, о том, какие элементы этого курса должны преобладать, а еще более конкретно, какое место должны занимать в нем рыночные реформы. Особенно обострилось противоборство между сторонниками рыночных реформ и адептами плановой экономики летом 1982 г. в связи с работой над 6-м пятилетним планом и подготовкой XII съезда КПК. В июле 1982 г. Дэн Сяопин в беседе с ответственными работниками Госплана заметил, что от того, как будут решены вопросы соотношения плана и рынка, зависит успех в развитии экономики.⁵

Политический доклад ЦК КПК XII съезду КПК не внес ясности в эти вопросы. Более того, под воздействием указанного документа в 1982 и 1983 г.г. ведущие периодические издания страны опубликовали множество статей с критикой “ошибочных взглядов” на роль закона стоимости и рынка. Нападкам подверглась и политика открытости Китая внешнему миру. В феврале 1982 г. Секретариат ЦК КПК провел в Пекине совещание по ситуации в провинциях Гуандун и Фуцзянь, т. е. в тех провинциях, где были созданы специальные экономические зоны. На места были разосланы тезисы к этому совещанию,

проникнутые антирыночным и антизападным духом. Этот документ сопровождался знаменательным приложением "Происхождение концессий в старом Китае", создававшее у читателя недвусмысленные аналогии. Выступая на совещании, Ху Цяому, напомнил, что изначально создание иностранных концессий в Китае не опиралось ни на какие четкие договорные положения, но с течением времени Китай все более оказывался в западне у иностранцев, создавших в итоге здесь "свое государство в государстве". Чэнь Юнь в резолюции на приложении начертал: "Разослать документ во все города и провинции. Нужно проявлять бдительность в подобных вопросах по отношению к специальным экономическим зонам".⁶

Напряженность была снята только после поездки Дэн Сяопина в Гуандун и Фуцзянь весной 1984 г., когда он не только одобрил опыт существовавших специальных экономических зон, но и предложил присоединить к их числу и такие крупные портовые города, как Далянь и Циндао.⁷

Давление противников рынка было столь велико, что выправлялись даже высказывания Дэн Сяопина. По свидетельству У Цзинляня, при издании в 1983 г. "Избранных сочинений Дэн Сяопина (1975-1982)" заголовок раздела "Плановое регулирование и рыночное регулирование" в работе "Современное положение и задачи" был изменен на "Развивать вспомогательную роль рыночного регулирования под руководством плановой экономики". Исходный заголовок с соответствующим пояснением был восстановлен только в издании 1994 года.⁸

Полемика в руководстве КПК и в ближнем к нему кругу китайских теоретиков вокруг судеб товарного (рыночного) хозяйства особенно обострилась в канун 3-го пленума ЦК КПК XII созыва. Перед пленумом Чжао Цзыян разослал всем членам Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК записку, озаглавленную "Мнение относительно проблем структурной реформы экономики".⁹ В записке обсуждались проблемы планирования, реформы цен и функций государства по руководству экономикой. Чжао Цзыян подвергал критике тезис о том, что план должен стоять на первом месте, а закон стоимости — на втором, утверждая, что план должен реализоваться при посредстве закона стоимости. Спустя два дня записка получила согласие Дэн Сяопина и Чэнь Юня. В результате решения пленума стали важным теоретическим и идеологическим прорывом, расчищавшим путь для рыночных реформ. Они стали практическим руководством к действию для многомиллионного отряда партийных функционеров. Тем самым рыночная экономика в Китае получала мощный стимул для своего развития.

Позиции противников рынка были еще более ослаблены после известного высказывания Дэн Сяопина в феврале 1987 г. о том, что не следует говорить о приоритете плановой экономике и что неправомерно отождествлять рынок с капитализмом, а план — с социализмом.¹⁰ Эта мысль была развернута в докладе Чжао Цзыяна на XIII съезде КПК в октябре 1987 г. Здесь противопоставление плана рынку и разделение сфер их действия были сняты. И план, и рынок должны были функционировать в рамках всего общества. "Развитие социалистической товарной экономики, — говорилось в докладе, — неотделимо от развития и совершенствования рынка".¹¹

Во второй половине 1980-х гг. стало нарастать накопление различного рода противоречий в функционировании экономического механизма. Сосуществование двух противоположных начал — рыночного и планового ("двухколейной системы") способствовало образованию множества лакун в управлении экономикой и подвергало ее стабильное развитие многообразным угрозам. В условиях, когда старые, государственные институты были уже подорваны, а новые — рыночные еще не сформировались, не прекращалось активное административное вмешательство в экономику. Деятельность предприятий была чревата высоким уровнем коррупции. Эффективность экономики оставалась низкой, а инфляционное давление на нее — высоким. Все это и обусловило

экономические спады в 1985 и 1988 гг. Сбои в реализации реформистского курса тормозили формирование общенационального рынка, что позволяло региональным и местным властям проводить свою собственную экономическую политику, укрепляло тенденцию к дифференциации территориальных уровней экономического развития и вело к возрастанию разрыва в доходах различных социальных групп.

Ослабление способности государства эффективно управлять макроэкономической обстановкой с середины 1980-х гг. способствовало нарастанию хаотичности в сферах производства, строительства, обращения, особенно в последней. Общая ситуация характеризовалась формулой “четыре слишком, один беспорядок” (*сы го и луань*) — слишком большой общественный спрос, слишком быстрый рост промышленности, слишком большие кредиты и денежная эмиссия, слишком большой рост цен и беспорядок в экономике. Субъективно эти явления определялись неизбывной тягой к ускорению темпов экономического роста при недостаточном внимании к упорядочению обстановки. Многие руководящие деятели полагали, что благоприятная экономическая ситуация должна быть следствием реформ, а не их предпосылкой.¹² Объективно же главная причина состояла в переходном состоянии экономики, определяемом заменой слабеего планового-директивного, административного механизма управления механизмом рыночным, находившимся в то время еще в зачаточном состоянии. Существование этих механизмов, их параллелизм и столкновения создавали удобную почву для нелегальной хозяйственной активности, подобно той, что была связана с существованием “двухколейной системы” цен и способствовала развитию масштабной коррупции.

Одним из важнейших проявлений ухудшающейся экономической ситуации стал рост инфляции. Главной его причиной было существенное преобладание суммарного спроса — инвестиционного и потребительского — над предложением. С 1984 г. начался перегрев экономики. Инвестиции из года в год возрастали, и, соответственно, нарастал разрыв между спросом и предложением. Эмиссия денег, подстегиваемая увеличивающимся спросом, росла намного быстрее, чем реальный сектор экономики. К 1987 г. денежная масса возросла в 1,7 раза по сравнению с уровнем 1983 г. Оттого значительно выросли и цены. Золотовалютные резервы страны, составлявшие в 1978 г. 116,7 млрд долл. и затем сильно сокращавшиеся, снизились с 12,2 млрд долл. в сентябре 1984 г. до 2,2 млрд долл. в сентябре 1986 г.¹³

Вновь стали нарастать структурные дисбалансы в народном хозяйстве. Реальная зарплата рабочих и служащих и доходы крестьян увеличивались более быстрыми темпами, чем производительность труда. Легкая, текстильная, пищевая промышленность, не удовлетворяя растущий спрос, увеличивали производство все же скорее, чем машиностроение, но зато последнее значительно опережало по темпам роста энергетику, сырьевые отрасли, транспорт. В 1984 г. сельское хозяйство благодаря реформам, осуществленным в деревне, росло теми же темпами, что и промышленность, но уже с 1986-1987 гг. оно опять стало отставать, особенно в производстве зерна. Эта отрасль вновь стала слабым звеном китайской экономики. Чистый экспорт зерна сменился чистым импортом.

В китайском руководстве существовали разные точки зрения в оценке ситуации и в выборе методов к ее изменению. В конечном итоге, возобладал избыточно оптимистический и недостаточно осмотрительный подход. Воспринимая ситуацию, сложившуюся к 1988 году, в весьма радужном свете, высшие китайские руководители отвергали доводы и подвергали критике тех, кто предлагал более взвешенные рекомендации. Выступая в марте 1988 г. на 2-м пленуме XIII-го созыва, Чжао Цзыян заявил, что в 1987 г. отмечалось “важное продвижение строительства и реформ”, что рост был сравнительно “быстрым, нормальным и здоровым” и что создалась “новая ситуация единства роста и стабильности”. Утверждая в апреле 1988 г. один из материалов агентства

Синьхуа для внутреннего распространения, он заметил, что нельзя заикаться на стабилизации цен, что необходимо одновременно обеспечивать рост.¹⁴

По сути, тот же подход разделял и Дэн Сяопин. В мае 1988 г., выступая на приеме в честь министра вооруженных сил КНДР, он заявил: "Лишь оптимизировав цены, можно ускорить движение реформ... Недавно мы сделали первый шаг, решили отпустить цены на четыре неосновных продукта питания: мясо, яйца, овощи, сахар... Без реформы цен обойтись нельзя, надо идти навстречу рискам, навстречу трудностям. Я всегда говорю своим товарищам, не надо бояться рисковать, надо быть смелее".¹⁵ Эту позицию он воспроизвел и еще более усилил неделю спустя на встрече с делегацией американских банкиров. Дэн Сяопин прямо поддержал точку зрения Чжао Цзыяна о том, что "необходимо идти вперед" и что "только движение вперед принесет победу". Более того, он сказал, что следующий этап станет, главным образом, этапом реформы цен, поскольку "мы подготовили для реформы цен условия, и наша экономическая обстановка неплохая (*хай бу цо*)".¹⁶

Премьер Госсовета КНР Ли Пэн в беседе с той же делегацией заявил, что "относительно необходимости проведения реформы цен главные китайские руководители пришли к сравнительно единому мнению, и поэтому темпы реформы цен начали возрастать и ускоряться".¹⁷

30 мая 1988 г. Политбюро ЦК КПК приняло решение ускорить реформу цен. Решение признавало, что реформа сопряжена с риском, но оправдывало риск тем, что "кратковременная боль лучше долговременной" (*чан тун бу жу дуань-тун*). Трудно не усмотреть в этой идее прямую аналогию с шоковой терапией.

В обстановке нарастающей нестабильности 15-17 августа в Бэйдайхэ состоялось пленарное заседание Политбюро ЦК КПК, которое обсудило и "в принципе" одобрило "Предварительный проект реформы цен и заработной платы". Китайское руководство заявляло в этом документе, что обстановка для начала радикальной реформы механизма ценообразования и системы цен благоприятна. Дальнейшие события показали всю ошибочность такой оценки, поскольку рост цен и инфляционные ожидания населения уже в июле достигли критической черты. Сообщение о начале реформы не могло не усилить эти процессы еще более.

Постановление августовского заседания Политбюро предусматривало, что подконтрольными государству останутся лишь цены на небольшое число товаров и услуг, тогда как все остальные цены отпускались и регулировались рынком. Одновременно должно было производиться регулирование заработной платы, увеличивались дотации с тем, чтобы не допустить снижения жизненного уровня абсолютного большинства рабочих и служащих и устранить некоторые наиболее существенные нерациональные моменты.¹⁸

18 августа газета "Жэньминь жибао" опубликовала отчет о приеме Чжао Цзыяном японской делегации, из которого страна впервые узнала об обсуждавшемся на Политбюро проекте реформы цен. На следующий день та же газета дала более подробную информацию о пленарном заседании Политбюро.

Эта информация, по выражению китайских исследователей, сработала как бикфордов шнур и имела неожиданный для китайского руководства эффект.¹⁹ Она еще более подхлестнула ожидание дальнейшего взлета инфляции, поскольку население полагало, что с 1 сентября цены будут полностью отпущены. Паника охватила все слои и социальные группы общества. Рост цен, продолжавшийся уже в течение нескольких месяцев и достигший в июле исторического максимума, стал принимать еще более беспрецедентные масштабы. Население не только тратило на массовые закупки товаров имеющуюся у них наличность, но и досрочно закрывало и изымало банковские депозиты, обращая в товары все свои средства. Товар исчезал с полок магазинов не только в городах, но и в сельской местности. Скупали все, независимо от цены и качества: от соли до неисправных стиральных машин.

В этой ситуации китайское руководство не могло не отступить. Всего две недели спустя, 30 августа Постоянный комитет Госсовета КНР выступил с разъяснением, что переход к рыночному регулированию подавляющего большинства цен рассчитан на пятилетний или еще более долгий срок (в первоначальном проекте фигурировал пятилетний срок) и что в следующем году движение в этом направлении будет весьма ограничено. Прозвучали также успокаивающие заверения, что проект реформы все еще не является окончательным, что он дорабатывается и уточняется.

В тот же день Госсовет КНР выпустил "Экстренное уведомление об улучшении текущей работы по ценам и стабилизации рынка", где правительство заверяло, что предпримет все необходимое и добьется того, чтобы рост розничных цен на социально значимые товары в следующем году был существенно ниже, чем в нынешнем. От местных властей и предприятий потребовали, чтобы они не допустили нового взлета цен во второй половине текущего года, им запрещалось произвольно поднимать цены и сборы. Процентную ставку по банковским депозитам на срок более трех лет предлагалось не опускать ниже уровня инфляции. Предусматривалось принятие эффективных мер для сокращения инвестиций в основные фонды, замораживание или прекращение строительства ряда объектов. Ограничивались кредиты и эмиссия.²⁰

Формулировка нового курса экономической политики "выправление" и "упорядочение" (*чжили чжэндунь*) впервые прозвучала из уст Чжао Цзыяна во время приема американской делегации 6 сентября. Он заявил, что Китай не должен отказываться от реформы цен, но эту реформу нельзя проводить изолированно, в отрыве от "выправления обстановки" (*чжили хуаньдин*) и "наведения порядка" (*чжэндунь чжисю*). Главными проблемами, по словам Чжао Цзыяна, стали устранение явлений перегрева в экономике, сокращение объемов капитального строительства и темпов экономического развития.²¹

Формальное решение о смене акцентов в экономической политике было принято на рабочем совещании под эгидой Политбюро ЦК КПК 15-21 сентября. На первое место были поставлены "выправление экономической обстановки" и "наведение экономического порядка" (*чжили цзинцзи хуаньдин, чжэндунь цзинцзи чжисю*). В заглавии постановления все еще присутствовал и тезис о "всестороннем углублении реформ" (*цюаньмянь шэньхуа гайгэ*), но его отодвинули на последнее место, и, более того, "выправление" и "упорядочение" рассматривались как непременное условие для углубления реформ и даже как его важный содержательный компонент.²² Новый курс намечалось осуществить в 1989 и 1990 гг.

На второй день работы совещания, принимая одного из ведущих деятелей Либерально-демократической партии Японии, Дэн Сяопин признал, что слишком быстрый экономический рост порождает свои проблемы, что необходимо ограничить суммарный спрос и темпы роста. Мы слишком расхрабрились, сказал он, а теперь пора успокоиться.²³

Новый порядок приоритетов был включен в отчетный доклад Чжао Цзыяна на 3-м пленуме ЦК КПК XIII-го созыва, состоявшемся в конце сентября. Чжао Цзыян призвал "полностью осознать" важность и экстренность решительного подавления инфляции. Если эту проблему не решить, то "не только будет очень трудно провести реформу цен и другие реформы, но может серьезно пострадать все развитие строительства и даже может быть нанесен урон успехам, полученным за десять лет реформ".²⁴ Главными причинами неудачных попыток ограничить чрезмерное возрастание инвестиций и покупательной способности общественных организаций назывались слабость центра и местническое сопротивление регионов. В следующем году предлагалось с помощью "чрезвычайных мер" (*фэйчан цоши*) подавить это сопротивление, решительно пресечь непроизводительное и дублирующее строительство, "обрубить" расточительные расходы общественных организаций.

Пленум утвердил новый курс экономической политики на предстоящие два года. Устойчивое, поступательное и здоровое развитие экономического строительства предлагалось обеспечить, упорядочив экономическую обстановку, в первую очередь — путем сокращения совокупного общественного спроса и подавления инфляции. Для этого предлагалось лимитировать и реструктурировать инвестиции, сдерживать слишком быстрый рост фондов потребления, жестко ограничить эмиссию, устранить перегрев экономики и уменьшить темпы промышленного роста.²⁵

С начала 1989 г. на экономическую ситуацию, серьезно осложнившуюся во второй половине 1988 г., стал оказывать дополнительноеотягающее воздействие социально-политический кризис, который сам в определенной мере был порожден неустойчивостью и неопределенностью экономического курса. Под влиянием событий, происходивших в то время в Советском Союзе и социалистических странах Восточной и Центральной Европы, в Китае вновь обострился вопрос о том, насколько правильно выбран путь рыночных реформ. У значительной части китайского руководства возникли небезосновательные опасения, что он способен привести к подрыву монополии компартии на власть. С другой стороны, в обществе, особенно в интеллектуальных кругах, укреплялась уверенность в том, что экономические реформы должны быть подкреплены расширением политических свобод и демократическими преобразованиями.

Вновь усилилось влияние противников рыночных реформ. В печати появились статьи, авторы которых критиковали политику, проводившуюся после 3-го пленума ЦК КПК XI-го созыва. Вновь, как и в начале 1980-х гг., стали звучать голоса тех, кто отождествлял рынок с капитализмом, а план с социализмом. Утверждалось, что придание реформам рыночной направленности означает смешение экономических категорий капиталистического способа производства с экономическими категориями социалистического способа производства. Стремление создать рынок объявлялось стремлением возродить капитализм. Рыночная экономика трактовалась как отрицание общественной собственности и, следовательно, как отрицание руководящей роли компартии и социалистического строя, как возврат к капитализму, вернее, как "мирное пере-рождение" социализма в капитализм.

В течение 1990 и первой половины 1991 г. в стране развертывалось движение за социалистическое идейное воспитание. Оно проводилось на предприятиях, в высших учебных заведениях, научных учреждениях, органах культуры. В ряде случаев в массовых мероприятиях принимали участие высшие лица правящей партии. Особое внимание уделялось "чистоте идеологии" в средствах массовой информации.

Газеты и журналы были заполнены потоком статей, защищавших социализм от попыток подорвать его экономические основы. Многие авторы требовали жестко ограничить развитие частного и индивидуального секторов. Истоки течения "буржуазной либерализации" обнаруживались также в распределении не по труду, и вообще в товарном хозяйстве. Привлечение иностранных инвестиций трактовалось как готовность превратиться в придаток международной буржуазии. Специальные экономические зоны рассматривались как рассадники "мирного преобразования". Сторонники рыночных реформ именовались "реформистами, идущими по капиталистическому пути" (*цзоу цзыбэньчжуи ды гайзэпай*), что самым непосредственным образом напоминало лексикку времен "культурной революции".

По сути дела, "защитники социализма" вновь, как и в период господства левацкого курса, стремились свести все трудности, возникшие в китайской экономике в период перехода к рынку, к противоборству между пролетариатом и буржуазией и заменить курс экономического развития, базирующийся на рыночных реформах, прежним курсом, в основе которого были классовая борьба и идейно-политические чистки.

В этой обстановке Дэн Сяопин вновь выступил против отождествления рынка с капитализмом, а плана — с социализмом. Такие заявления в прошлом делались им неоднократно. Впервые эта мысль прозвучала в конце ноября 1979 г. Затем она повторялась им в 1980, 1982, 1985, 1987 гг.²⁶ Но выступление в конце декабря 1990 г., учитывая переломный характер момента, было особенно важным для определения дальнейших путей развития страны. Дэн сказал, что планирование и рынок присущи как капитализму, так и социализму, что отказ от рынка обрекает страну на отсталость, отрывая ее от глобальной информации. Он призывал не бояться риска, хотя и предупреждал против опасностей поляризации общества, которая может породить противоречия внутри нации, противоречия между регионами, классовые противоречия, противоречия между центром и местами и привести к хаосу.²⁷ Дэн Сяопин отнюдь не отвергал угрозу крушения социализма в Китае, подобно тому, как это произошло в Советском Союзе и Восточной Европе, но связывал эту угрозу, главным образом не с идейным перерождением, а с возможной неготовностью или неспособностью использовать весь арсенал современной экономики, включая, естественно, прежде всего — рыночный, для экономического подъема, развития производительных сил и удовлетворения потребностей широких народных масс.

Эту позицию Дэн Сяопин закрепил и развил далее во время поездок в Шанхай в конце 1990 - начале 1991 гг. Дэн еще раз опроверг утверждения тех, кто считал, что плановая экономика означает социализм, а рыночная — капитализм. Но он пошел еще дальше, фактически призвав сторонников политики рыночных реформ и открытости, не опасаясь обвинений в отходе от социализма, выступить с решительной поддержкой его позиции. "Недостаточно, — говорил Дэн, — чтобы я один выступал. Вся наша партия должна сказать свое слово".²⁸

Это его воззвание было обращен в первую очередь именно к шанхайским функционерам. Вновь, как и в начале "культурной революции", Шанхай должен был стать во главе нового движения, только на этот раз с противоположным знаком. Именно с этой целью Дэн подчеркивал важную роль Шанхая как финансово-экономического центра страны для развития обширного района дельты и всего бассейна Янцзы. Шанхаю придавалось первостепенное значение в завоевании Китаем лидирующих позиций в мировых финансах. Особо подчеркивалось, что без политики открытости китайская экономика не сможет достичь тех целей, которые перед ней стоят.

Содержание высказываний Дэн Сяопина изложил тогдашний секретарь Шанхайского горкома КПК и мэр Шанхая Чжу Жунцзи на совещании кадровых работников города. Благодаря этому они были услышаны и восприняты как руководство к действию.²⁹ Таким образом, опять, как во времена "культурной революции", первый отклик на слова лидера нации прозвучал со страниц шанхайской газеты. Этой газетой стала "Цзефан жибао", орган шанхайского горкома КПК, опубликовавшая в начале 1991 г. четыре статьи под псевдонимом Хуан Фупин.³⁰ Основным автором и организатором публикаций был заместитель главного редактора газеты, секретарь парткома редакции и член Шанхайского горкома КПК Чжоу Жуйцзинь. К написанию статей он привлек еще двух авторов: заведующего одним из отделов газеты Лин Хэ и сотрудника отдела по исследованию политики при Шанхайском горкоме КПК Ши Чжихуна.

Первая статья коллективного автора была опубликована с санкции главного редактора газеты 15 февраля 1991 г., сразу после праздника Весны, на первой полосе под заголовком "Быть "вожаками" реформ и открытости" (*Цзо гайгэ кайфанды "дайтюу ян"*)³¹. Статья призывала высоко поднять знамя реформ и открытости, создавать общественное мнение, благоприятствующее реформам и открытости. С этой целью авторы требовали еще более "освободить сознание", прорвать пути "застойных форм идеологии", утвердить "но-

вую обстановку товарной экономики, адекватную роли экономического центра международного масштаба".³²

Согласно более поздним воспоминаниям Чжоу Жуйцзиня, статья поначалу не привлекла к себе большого внимания. Однако в ней был стержень, который впоследствии стал основой ожесточенной идеологической полемики и политического противоборства. Авторы призывали к тому, чтобы 1991 год стал "годом реформ". Этот тезис открыто противостоял лозунгу, провозглашавшему этот год "годом качества".³³ Плюс к этому авторы использовали формулу из восьми иероглифов "избавится от печалей можно только с помощью реформ" (*хэ и цзе ю, вэй ю гайгэ*). Эта формула прямо передавала слова, сказанные Дэн Сяопином при его посещении Шанхая.

Именно данное обстоятельство более всего взбудоражило тех, кто не принимал провозглашенную 3-м пленумом ЦК КПК XI-го созыва установку на то, чтобы в центре внимания правящей партии находилось экономическое строительство, и настаивал на том, что должен быть еще один "центр" — политический, который должен противостоять "мирной эволюции".³⁴ Главным вопросом для этой категории партийных функционеров был вопрос о том, кто является "китайским Горбачевым".³⁵ По словам Чжоу Жуйцзиня, наиболее явным претендентом на эту роль был Чжу Жунцзи, только что перешедший на работу в Госсовет КНР.

Вторая статья коллективного автора с псевдонимом Хуан Фупин под заголовком "Реформы и открытость должны обладать новым стилем мышления" (*Гайгэ кайфа ин ю синь сылу*) появилась через две недели после первой, 2 марта 1991 г. Под новым стилем мышления подразумевалось развитие рыночной экономики. В статье передавался дух шанхайской речи Дэн Сяопина, основной смысл которой состоял в утверждении, что план и рынок — это всего лишь два способа, две формы распределения ресурсов, присущие и социализму, и капитализму и не способные поэтому служить критерием для их различения. Авторы предостерегали против опасности впасть в новый идейный застой, связанный с догматическим противопоставлением этих категорий. Вместо понятия "товарная экономика", использованного в первой статье, здесь уже появился термин "социалистическая рыночная экономика".³⁶

Третья статья "Глубже осознать необходимость расширения внешних связей" (*Кода кайфан ды иши я гэн цян се*), опубликованная 22 марта 1991 г., носила более практический и прикладной характер. В ней говорилось о значении политики открытости для Шанхая, об освоении района Пудун с помощью специального курса, нацеленного на создание режима порто-франко, включая освобождение от экспортных пошлин, о создании здесь "социалистического Гонконга".

Четвертая, последняя статья за подписью Хуан Фупина "Реформам и открытости необходимо большое число кадровых работников, обладающих добродетелью и талантом" (*Гайгэ кайфан сюйяо дапи дэ цай цзянь бэй ды ганьбу*), опубликованная от 12 апреля 1991 г., была направлена против двуличных и нечестных чиновников, не пригодных для реализации курса реформ.

Использование раскавыченных цитат из высказываний высокопоставленных лиц без указания источника за предыдущие десятилетия в Китае вошло в довольно широко распространенную практику идейно-политической борьбы с использованием средств массовой информации. Для не посвященных в хитросплетения этой борьбы разгадывать загадки той или иной публикации, построенной по этому принципу, было, разумеется, довольно сложно, часто даже непосильно. Однако для тех, кто был ее активным участником, тем паче — организатором, секретов не существовало. Поэтому лица, ведавшие партийной пропагандой в Пекине, конечно же, тотчас поняли, кто стоит за шанхайскими публикациями, что их, однако, не остановило.

Статьи Хуан Фупина вызвали в стране большой и неоднозначный резонанс. Представительства ряда китайских городов и провинций в Шанхае обратились к местным властям с просьбой перепечатать подборку статей отдельным изданием. В Шанхай из разных регионов направлялись ходоки, стремившиеся поточнее выяснить подоплеку публикации. Редакция газеты "Цзефан жибао" получала немало одобрительных откликов от своих читателей. Однако из прочих органов печати страны напрямую одобрил публикацию лишь выпускаемый агентством Синьхуа бюллетень "Бань юе кань". Остальные либо предпочли отмолчаться, либо же пошли в наступление, выступив с весьма резкой отповедью авторам и тем, кто их вдохновлял. В ряде случаев обличительный накат публикаций был не меньше, чем во времена "культурной революции".

Уже после появления второй статьи Хуан Фупина газета "Жэньминь жибао" откликнулась решительным отторжением пропагандировавшихся в ней идей Дэн Сяопина. "Некоторые люди, — говорилось в газете, — ...сознательно отрицают плановую экономику... Принципы рыночной экономики с трудом могут быть действительно использованы для эффективного распределения ресурсов".³⁷ Вскоре после последней публикации Хуан Фупина та же газета перепечатала из журнала "Дандай сычао" статью под заголовком "Почему необходимо неустанно бороться против буржуазной либерализации?", в которой тезис за тезисом подвергались критике и осуждались идеи Дэн Сяопина и Чжу Жунцзи в изложении Хуан Фупина. На проходившей в апреле конференции по теории научного социализма, где присутствовали некоторые высокопоставленные работники Отдела пропаганды ЦК КПК, в течение трех дней критиковали взгляды Хуан Фупина.

Чжоу Жуйцзиню пришлось представить Шанхайскому горкому КПК специальный отчет, в котором подробно описывались процесс подготовки и публикации статей, а также реакция, которую они вызвали в Пекине и во всей стране. Особо пришлось объясняться в связи с утверждением тайваньской газеты "Ляньхэ бао", что его статьи имеют отношение к Чжу Жунцзи. Некоторые члены горкома, ознакомившиеся с докладом, не критикуя само содержание статей, выразили недовольство процедурой утверждения их к публикации. При этом, разумеется, имелись в виду не сами публикации, а то обстоятельство, что с их помощью вождь обращался с важными установками непосредственно к партийным массам, ломая освященный традицией порядок прохождения этих установок по инстанциям — сверху вниз и снизу вверх, т. е., по сути, игнорируя иерархию партийных функционеров, подобно тому, как это проделывал Мао в период "культурной революции". Этого функционеры позволить снова не могли. Чжоу Жуйцзинь был вынужден выступить с самокритикой.³⁸ Было отозвано сделанное ему ранее в ЦК КПК лестное предложение стать главным редактором и заместителем директора издательства гонконгской газеты "Дагун бао".³⁹ Запретили рассылку влиятельного журнала "Гайгэ", перепечатавшего по предложению У Цзинляня статьи Хуан Фупина.

Признаки грядущих перемен стали появляться с середины 1991 г. Более или менее определенно они впервые обозначились в речи Цзян Цзэмина по случаю 70-летия КПК. В эту речь был включен тезис Дэн Сяопина о том, что не следует план и рынок считать признаками социализма и капитализма. Однако до окончательного утверждения рыночных перспектив было еще далеко. Борьба между сторонниками рыночных реформ и защитниками чистоты социализма, в т.ч. на самом высоком уровне, продолжалась.

В конце августа заместитель главного редактора газеты "Жэньминь жибао" Ли Дэминь вместе с одним из ведущих сотрудников теоретического отдела газеты в соответствии с меняющейся обстановкой подготовил передовую статью под заголовком "Все для реформ и открытости" (*Ице вэйляо гайгэ кайфан*). Статья была просмотрена и одобрена отвечавшим за идеологическую работу членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Ли Жуйхуанем. Одна-

ко уже после этого главный редактор газеты Гао Ди включил в статью фразу о том, что при проведении политики реформ и открытости нужно обязательно выяснять, чьим интересам она служит: социализма или капитализма. В таком виде статья и была 1 сентября передана по радио. Сразу после этой передачи Ли Жуйхуань по указанию Дэн Сяопина крамольную фразу вычеркнул, и в таком виде она и появилась в газете. О расхождении между текстом, переданным по радио, и текстом, опубликованным в печати, было доложено Дэн Сяопину, который воспринял это как попытку прямо критиковать его позицию. В середине октября Чжу Жунцзи, посетивший Шанхай, открыто одобрил статьи Хуан Фупина, а месяц спустя в том же Шанхае Ли Пэн осудил вредное влияние статей.⁴⁰

Продолжалось и противостояние на страницах печати⁴¹. Противники рыночных реформ выдвигали на передний план идейно-политической работы партии классовые противоречия, классовую борьбу, борьбу между "двумя путями" развития. Они настаивали на том, что целью реформ должно быть укрепление социалистического строя, что любые реформы нужно оценивать, прежде всего, исходя из их классового содержания и классовой направленности. Решительно отвергался защищаемый Дэн Сяопином тезис о том, что одним из основных, хотя и не единственным критерием успешности реформ может служить развитие производительных сил. Столь же безоговорочно осуждалось и другое положение Дэн Сяопина (хотя, естественно, без указания на его авторство"), гласящее, что реформы — это вторая революция в Китае.⁴²

Решительный перелом в ситуацию внесли поездка Дэн Сяопина в южные районы Китая в начале 1992 г. и его суждения по ключевым проблемам дальнейшего курса развития китайской экономики, сделанные в ходе этой поездки. Будучи сложены воедино, мысли восьмидесятивосьмилетнего Дэн Сяопина, высказанные в беседах с руководителями южных провинций и городов, представляют целостную программу. Эта программа на десятилетия вперед определила основную направленность китайских реформ и некоторые важные методы их реализации.

Главный смысл высказываний Дэна состоял в требовании реформировать все экономические институты, сдерживающие "освобождение" и "развитие" производительных сил (Дэн Сяопин разводил эти понятия: первое обеспечивается как революцией, так и реформами, второе — только реформами существующих и созданием новых экономических институтов). Курс, провозглашенный 3-м пленумом XI-го созыва, Дэн призвал считать незыблемым в течение ста лет. Он убеждал не опасаться риска и даже некоторого "авантюризма" (*идянь "мао"*), без чего невозможно создание нового. Появление же институтов, более четко фиксированных (*гэн цзя динсин ды чжиду*), станет возможным лишь по мере всестороннего созревания, на что понадобятся еще три десятилетия.⁴³

Дэн Сяопин положил конец утверждениям о том, что главная угроза для социализма исходит справа, заявив, что противостоять нужно в первую очередь "левым" тенденциям, сохраняя вместе с тем бдительность в отношении правой опасности. Он решительно осудил тех, кто вновь и вновь поднимает вопрос о социалистической или капиталистической природе реформ, кто твердит, что китайские реформы идут по капиталистическому пути. Судить об их сущности, по убеждению Дэна, нужно исходя из одного единственного критерия: насколько они благоприятствуют социалистическим производительным силам, укреплению совокупной национальной мощи социалистического государства, повышению уровня жизни народа. Дэн призвал усваивать и перенимать все созданные в современном мире, в т.ч. в развитых капиталистических странах, передовые способы хозяйствования, методы управления, отражающие законы современного обобществления производства.

Самые первые слова, сказанные по прибытии Дэн Сяопина в Шэньчжэнь, одну из главных целей поездки, были направлены против тех, кто счи-

тал создание специальных экономических зон возрождением капитализма. Дэн категорически отверг такие предположения, заявив о социалистической природе этих зон. Он отметил, что предприятия, принадлежащие частному национальному и иностранному капиталу, являются полезным дополнением к социалистической экономике, которое ограничивается политическими и экономическими условиями Китая.

Дэн поставил перед руководством провинции Гуандун задачу за 20 лет догнать и перегнать “четыре малых дракона”, причем не только в экономике, но также и в отношении социального порядка и социального духа, что, по его словам, и станет реализацией социализма с китайскими особенностями. Дэн подчеркнул, что путь к общей зажиточности должен пролегать через неравномерное развитие регионов: одни регионы развиваются быстрее и опережают другие, а затем подтягивают отстающих. Быстрее разбогатевшие регионы должны отчислять больше налогов с прибылей, которые пойдут на поддержку развития бедных регионов. Дэн полагал, что к концу века, когда будет достигнут уровень “скромного достатка” (*сяокан*), проблема разрыва между приморьем и внутренними территориями будет постепенно с успехом разрешена.

Там, где позволяют условия, развитие, по Дэну, должно быть быстрым и вместе с тем обеспечивающим повышение эффективности и качества. Поступательность и согласованность развития также необходимы, но не следует их абсолютизировать. Медленные темпы равносильны остановке и даже отступлению. Нужно максимально использовать благоприятные шансы и ни в коем случае не упускать их. Каждые несколько лет надо подниматься на новую ступень. За ускорением темпов в течение ряда лет могут появляться проблемы, которые необходимо урегулировать, после чего вновь возобновлять движение вперед.

Дэн подчеркивал необходимость опираться на законы и вести борьбу с коррупцией и иной преступностью. Укрепление и развитие социалистического строя, по Дэну, потребует неустанных усилий многих поколений и даже десятков поколений людей. Большое значение он придавал творческому развитию марксизма, воспитательной работе — в органах диктатуры, в партии, среди молодежи, а также “революционизации, омоложению, интеллектуализации и профессионализации” кадров.

Поездка Дэн Сяопина по югу страны продолжалась чуть больше месяца — с 18 января по 21 февраля 1992 г. Все это время информации о его высказываниях в Китае практически не было, хотя тон публикаций в центральной печати стал несколько меняться. Газета “Жэньминь жибао” больше не призывала к борьбе с “мирной эволюцией”, прекратилась критика Хуан Фупина, появились призывы “лучше придерживаться экономического строительства в качестве центра”, “смелее проводить реформы”, но конечной целью этих призывов было “с помощью реформ и открытости еще более усовершенствовать наш социалистический строй”, а не “освободить производительные силы”.⁴

Через неделю после возвращения Дэн Сяопина в Пекин содержание его бесед в виде документа N 2 ЦК КПК было распространено по партийным инстанциям. Но лишь месяц спустя, 26 марта, газета “Шэньчжоу тецуй бао” прорвала завесу публичного молчания, опубликовав статью заместителя главного редактора газеты Чэнь Ситяня с пространном описанием пребывания Дэн Сяопина в Шэньчжоу. В качестве заголовка автор использовал строку из стихотворения танского поэта Ли Хэ “Прилетел ветер с востока, раскрыл глаза весне” (*дун фан фэн лай мань янь чунь*).

Чэнь Ситянь был единственным журналистом, прикомандированным к городским властям, которые принимали Дэн Сяопина в Шэньчжэне. Восемь лет спустя, раскрывая обстоятельства появления своей статьи в интервью корреспонденту газеты “Гун шан бао”, он рассказал, что поездка Дэн Сяопина в Шэньчжэнь совершалась в обстановке абсолютной секретности. Существовало строжайшее предписание “соответствующих ведомств” (*югуань бумэнь*): “не

пропагандировать, не сообщать, не упоминать” (*бу сюаньчуань, бу баодао, бу тици*).⁴⁵ Неясно, было ли это предписание санкционировано самим Дэн Сяопином. Первыми запрет нарушили органы печати специальной экономической зоны Чжухай, поместив краткое сообщение о пребывании там Дэн Сяопина, однако, не касаясь содержательной стороны бесед. Позже небольшую заметку о поездке Дэн Сяопина в южные районы страны напечатала газета “Наньфан жибао”. Все это побудило Чэнь Ситяня, располагавшего значительно более полной и уникальной информацией, выступить со своей обстоятельной публикацией.

По словам Чэнь Ситяня, он не получал никаких указаний сверху, ни прямых, ни косвенных, касательно подготовки и публикации статьи. Он всего лишь показал рукопись главному редактору газеты, который ее одобрил, а затем они вдвоем направились в отдел пропаганды Шэньчжэньского горкома КПК, который и стал высшей инстанцией, санкционировавшей публикацию. Такую же позицию заняло и руководство Шэньчжэньского горкома. Когда секретаря горкома во время сессии ВСНП в Пекине некий высокопоставленный руководитель спросил об обстоятельствах появления статьи, тот ответил: “не знаю, дома решили” (*цзяли дин ды ба*).⁴⁶

В статье было много ссылок на высказывания Дэн Сяопина. Но не все его изречения Чэнь решил предать гласности, о чем впоследствии выражал сожаление. Так, он убрал из рукописи упоминание о рекомендации Дэна не затевать политические кампании, поскольку именно в то время проводилась “кампания социалистического воспитания”.⁴⁷

В день появления шэньчжоуской публикации ее почти полностью перепечатала вечерняя гуанчжоуская газета “Янчэн ваньбао”. Со следующего дня она стала появляться и в других органах региональной и гонконгской печати. Однако Чэнь Ситянь не без тревоги ожидал реакции центра, памятуя те нападки, которым подверглись статьи Хуан Фупина. Опасения развеялись только тогда, когда 30 марта Центральное телевидение в вечерней программе новостей дало, наконец, подробную информацию о поездке Дэн Сяопина в Шэньчжэнь, а агентство Синьхуа официально начало распространять статью Чэнь Ситяня в стране и за рубежом. На следующий день перепечатка статьи появилась почти во всех пекинских газетах, а Центральное телевидение еще более детально показало пребывание Дэн Сяопина в Шэньчжоу. Сотни миллионов китайцев увидели престарелого лидера вынужденного при ходьбе опираться на поддержку дочери. Они не могли не заметить дрожание рук Дэна, но и стали очевидцами его все еще кристально ясных и энергичных суждений. Зарубежная печать стала писать о победе, одержанной Дэн Сяопином.

Информация о позиции Дэн Сяопина по важнейшим идеологическим, политическим и экономическим проблемам была обнародована в весьма ответственный момент. С февраля 1992 г. началась подготовка отчетного доклада ЦК КПК к XIV съезду КПК — важнейшего партийного документа на предстоящее пятилетие.

9-10 марта 1992 г. состоялось заседание Политбюро ЦК КПК, выступая на котором Цзян Цзэминь воспроизвел прежнюю установку Дэн Сяопина, гласящую, что рынок и план суть всего лишь экономические средства. Он призывал научиться как следует пользоваться этими средствами для ускорения развития социалистической товарной экономики.⁴⁸ Однако новых идей Дэн Сяопина, касающихся приоритетной борьбы с “левой” опасностью, необходимости покончить с рассуждениями о капиталистической или социалистической природе реформ, о столетней незыблемости реформистского курса еще не было ни в этом выступлении, ни в первоначальном тексте доклада Ли Пэна на открывшейся 20 марта сессии ВСНП. Соответствующие поправки к тексту доклада пришлось вносить уже по ходу обсуждения доклада.⁴⁹

Вновь стал слышен голос молчавших два с лишним года либеральных экономистов. Освободившись от жесткого идеологического прессинга со сторо-

ны "левых", они стали выступать в Центральной партийной школе ЦК КПК, в других учебных и исследовательских учреждениях, на страницах органов печати. Возобновились научные дискуссии, уже с новых идеологических позиций, вокруг проблемы соотношения плана и рынка.

С марта по май 1992 г. одно за другим следовали заседания Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК и самого Политбюро, посвященные обсуждению идей Дэн Сяопина, высказанных им во время поездки на юг, и проблемам их реализации. В мае 1992 г. был принят документ № 4 ЦК КПК, под названием "Мнения о том, как ускорить реформы, расширить открытость, добиться, чтобы экономика еще лучше, еще быстрее поднялась на новую ступень". В документе говорилось о смене механизма хозяйствования, о развитии рынка, об ускорении проведения различных реформ. Предусматривались распространение режима открытости на города в бассейне Янцзы и в восточном приморье, создание новых специальных экономических зон, введение новых форм привлечения и использования иностранного капитала.

Впервые позиция официального китайского руководства по направленности экономических реформ была выражена Цзян Цзэмином в начале июня 1992 г. в его выступлении в Центральной партшколе ЦК КПК на курсах усовершенствования руководителей министерского и провинциального уровня. Цзян отметил, что для плановой экономики, длительное время существовавшей в Китае, были характерны чрезмерная концентрация власти, пренебрежение или даже игнорирование товарного хозяйства. Чем дальше, тем больше она не отвечала требованиям развития современного производства, сдерживала развитие производительных сил и даже парализовала всю экономическую жизнь. Поэтому коренное реформирование высоко централизованной плановой экономики стало насущно необходимым. Цзян отметил, что выйти из тупика можно, создав одну из трех возможных экономических структур: социалистическую товарную экономику на основе сочетания плана и рынка, социалистическую рыночную экономику при наличии планирования и, наконец, социалистическую рыночную экономику. Окончательный выбор, по словам Цзяна Цзэмина, предстояло сделать XIV съезду КПК. Но лично он склонялся к последнему варианту. Упоминание о наличии планирования, с его точки зрения, мало что меняло, поскольку, во-первых, люди привыкли к тому, что при социализме развитие экономики планируется, а, во-вторых, планирование осуществляется и при капитализме. Цзян подчеркнул, что обсуждал свою личную точку зрения с "некоторыми товарищами из ЦК КПК", и большинство из них поддержало ее. Он выразил надежду на то, что такой подход будет принят большинством кадровых работников и народных масс.⁵⁰

Не дожидаясь съезда, параллельно с его подготовкой китайское руководство значительно активизировало проведение реформ. 1992 год стал годом их существенного ускорения.

В направлении новых требований и новых задач стала разворачиваться вся партийно-государственная машина, во всех основных аспектах ее функционирования: административном, правоохранительном, пропагандистском и прочих. В июле-сентябре 1992 г. ЦК КПК принял и обнародовал три документа, скромно, как и документ № 4, названных "мнениями" (*ицзянь*). Первое "мнение" касалось улучшения административно-правового обеспечения реформ, открытости и экономического строительства. Особое внимание обращалось на совершенствование правового климата реформ и открытости, на выполнении административными и правоохранительными органами своих функциональных обязанностей по защите законных прав инвесторов и тех, кто идет на риск проведения экспериментальных реформ. Одновременно напоминалось об обязанности этих органов использовать меры диктатуры, охранять государственную безопасность, строго пресекать преступность, оберегать устойчивую социальную стабильность.

Второе "мнение" требовало усилить и усовершенствовать пропагандистскую и идеологическую деятельность на основе теоретических положений, высказанных Дэн Сяопином в ходе его поездки на юг, подчинить эту деятельность интересам реформ, открытости и экономическому строительству. Третье "мнение" ставило обеспечение решения тех же целей перед партийным строительством. Партию призывали встать в авангарде реформ и строительства, играть роль руководящего ядра в строительстве социализма с китайской спецификой.

Документы XIV съезда КПК, прошедшего в октябре 1992 г., пронизаны идеями Дэн Сяопина, высказанными во время поездки на юг. Они воспроизвели и их дух, и буквально все важнейшие формулировки. Основной акцент делался на освобождении и развитии производительных сил и на укреплении совокупной национальной мощи. Хотя прокламировались и такие задачи, как устранение эксплуатации и поляризации общества, повышение уровня жизни народа, достижение совместного обогащения, но они ставились в зависимость от реализации главной цели — развития производительных сил. Путь к этой цели пролегал через реформы, которые по своему значению приравнивались к революции. Экономические реформы были призваны создать и усовершенствовать институты социалистической рыночной экономики на основе укрепления общественной собственности и распределения по труду, дополняемые прочими секторами экономики (индивидуальным, частным национальным и частным иностранным) и иными способами распределения.⁵¹ Основным содержанием политических реформ объявлялось совершение системы собраний народных представителей и системы многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством компартии.

2-й пленум ЦК КПК XIV-го созыва, состоявшийся в начале марта 1993 г., призвал, используя благоприятную внутреннюю и внешнюю обстановку, ускорить проведение реформ и модернизации. Соответственно были скорректированы некоторые показатели 8-й пятилетки. Среднегодовые темпы роста народного хозяйства повышались с 6% до 8-9%.

Эти установки были подтверждены состоявшейся вслед за пленумом сессией ВСНП. Сессия приняла также поправки к Конституции КНР, в которую было включено понятие "начального этапа социализма", "плановая экономика" была заменена "социалистической рыночной экономикой", а "сельские народные коммуны" уступили место "системе ответственности с преобладанием семейного производственного подряда в деревне". К числу основных задач государства была отнесена "концентрация усилий на осуществлении социалистической модернизации".

Особое значение имело постановление 3-го пленума ЦК КПК XIV-го созыва "О некоторых вопросах создания структур социалистической рыночной экономики" от ноября 1993 г., известное также как "50 пунктов". Это постановление существенно конкретизировало и детализировало ориентиры, установленные XIV съездом КПК. Над составлением документа трудились 16 специализированных рабочих групп, в состав которых входили более 300 экспертов из ЦК КПК, Госсовета и местных органов власти. Как обычно, представлению окончательной версии документа предшествовали многочисленные обсуждения и совещания, в т.ч. на уровне Политбюро ЦК КПК, которые сопровождались внесением большого числа поправок и дополнений в первоначальные проекты.

Главные идеи документа, принятого 3-м пленумом ЦК КПК XIV-го созыва сводятся к следующему. Основой и центральным звеном создания социалистической рыночной экономики является формирование системы современных предприятий. Предпосылкой создания такой системы и одновременно итогом ее функционирования служит единый рынок, который включает рынок финансов, рынок рабочей силы, рынок технологий и рынок недвижимости. Система макрорегулирования экономики должна использовать рыночные рычаги. Для этого требуются реформирование налоговой, финансовой, инвестиционной

и планирующей систем, изменение правительственных функций и проведение организационной реформы. Движущей силой функционирования рыночной экономики служит рациональная система распределения доходов. Она является важным средством для мобилизации трудовой активности, повышения производительности труда и экономической эффективности. Основными принципами такой системы объявлялись приоритет распределения по труду при наличии многообразных способов распределения, приоритет эффективности при одновременном внимании к справедливости, курс на первоочередное обогащение части регионов и части людей при стремлении к общему обогащению. Безопасность и стабильности социалистической рыночной экономики обеспечивается системой социальных гарантий.

В 1994 г. началась всеобъемлющая экономическая реформа, включавшая реформу налоговой и финансовой систем и государственных предприятий.

Дэн Сяопин по праву называют главным вдохновителем и инициатором рыночных реформ в Китае. Было бы, разумеется, неверным считать, что он мог в деталях просчитывать каждый шаг в их реализации. Этому никто и не был вправе от него ожидать. Но главная его заслуга состоит в наличии необычайно ясного стратегического мышления. Он, как никакой другой государственный деятель нашего времени, был способен решительно порывать с устаревшими догмами, выдвигать и утверждать новые, перспективные идеи. Эти идеи и присущий Дэн Сяопину дух постоянного новаторства составляют великое наследие, которым по праву может гордиться китайский народ.

1. Дэн Сяопин сысян няньпу [Хроника идей Дэн Сяопина.] 1975-1997. Пекин, 1998. С. 176.
2. Там же. С. 139.
3. Там же. С. 257.
4. Чэнь Юнь нянь пу 1905-1995 [Хроника [жизни и деятельности] Чэнь Юня 1905-1995]. Отв. ред. Чжу Цзяму. Пекин, 2000. Т. 3. С. 262
5. Дэн Сяо пин сысян няньпу... С. 223
6. Ян Цишэн. Дэн Сяопин шидай [Эпоха Дэн Сяопина]. Пекин, 1998. Т. 2. С. 254-255.
7. Там же. С. 258.
8. Се Чуньтао. Гуаньюй цзихуа цзинци юй шичан цзинци ды луньчжэн — У Цзинлянь фаньтань лу. [Дискуссия о плановой и рыночной экономике — запись беседы с У Цзинлянем]. Байнянь чао, 1998. № 2.
9. Ши эр да илай чжунъяо вэньсянь сюаньбянь [Избранные важнейшие документы после XII съезда КПК]. Пекин, 1986. С. 533.
10. Дэн Сяопин сысян няньпу ... С. 375.
11. Ши и цзе сань чжун цюаньхуй илай дан ды лица цюаньго дайбяо дахуй, чжунъян цюаньхуй чжунъяо вэньцянь сюань бянь [Сборник важнейших документов всекитайских съездов и пленумов ЦК КПК после 3-го Пленума ЦК КПК XI созыва]. Пекин, 1997. С. 462.
12. Чжу Ди, Ши и цзе сань чжун цюаньхуй илай чжунда шицзянь хэ цзюэцэ дяо ча. [Исследование важных событий и решений после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва.] http://www.cass.net.cn/zhuanti/y_party/yd/yd_m/yd_m_031h.htm
13. Чжунго цзиньюн. 1984 N 12, 1986 N 12
14. Чжу Ди. Указ. соч.
15. Дэн Сяопин сысян няньпу... С. 402
16. Чжу Ди. Указ. соч.
17. Там же.
18. Чжунго гунчаньдан 80 да шици. 1988 нянь [Хроника крупных событий за 80 лет КПК. 1988 год.]// Жэнь минь ван. 2001. 12 июня.
19. Чжунго гайгэ кайфан 20 нянь ши [История 20 лет реформ и открытости в Китае]. Шэньян, 1998. С.299
20. Чжунго гунчаньдан 80 да шици...
21. Чжунго гайгэ кайфан... С.306-307

22. Чжунго гунчаньдан 80 да шици...
23. Дэн Сяопин сысян няньпу... С. 411.
24. Чжао Цзяян. Цзай Чжунго гунчаньдан ди шисаньцзе чжунъян вэйюаньхуй ди сань цы цюаньти хуйи шан ды баогао [Доклад на 3-м пленуме ЦК КПК 13-го созыва]. http://www.cass.net.cn/zhuanti/y/yd/yd_j_106.htm
25. Ши и цзе сань чжун... С.507-509.
26. Дэн Сяопин сысян няньпу ... С. 139, 144, 223, 342, 375.
27. Там же. С. 453.
28. Там же. С. 455.
29. Китайский диссидентский журнал "Миньчжу Чжунго", издающийся в США, утверждает, что последующие газетные публикации в Шанхае были предприняты по прямому указанию Чжу Жунци, который требовал, чтобы эти публикации были "острыми, ясными, достаточно целенаправленными и в ряде случаев использовали исходные высказывания товарища Сяопина". Чжу Жунци определил также сроки начала и периодичность публикаций. Последняя связывалась с реакцией пекинских изданий, которая отслеживалась представительством газеты "Цзефанжибао" в столице и сообщалась в канцелярию Чжу Жунци, а оттуда информация поступала в канцелярию Дэн Сяопина. <http://www.shuku.net:8080/novels/zhu/zhu09.html/>
30. Позднее, расшифровывая значение псевдонима, некоторые журналисты поясняли, что первый иероглиф сходен по звучанию с названием шанхайской реки Хуанпу, что подчеркивало шанхайское происхождение авторов, второй же и третий иероглифы — "фупин" трактовались как "поддержка Дэн Сяопина". Но существовало и иное толкование, согласно которому второй иероглиф читается как "пу", и тогда весь псевдоним значит всего лишь "Хуанпукское обозрение". Сам Чжоу Жуйцзинь двенадцать лет спустя в интервью газете "Наньфан чжоубао" отметил, что последняя трактовка имеет право на существование. Но более глубокий смысл псевдонима заключался, по словам Чжоу, в том, что в его родной деревне на юге Фуцзяни иероглиф "хуан" звучит так же, как иероглиф "фэн", означающий "почитать", "прислуживать", "быть с кем-либо заодно", а иероглиф "фу" не звучит как "пу", подобно названию реки, а только как "фу" в значении "помогать". И тогда весь смысл всего псевдонима — "поддержка Дэн Сяопина" // Наньфан чжоубао. 2003. 28 февраля.
31. В буквальном переводе "дайтоу ян" — бараны (или козлы), идущие во главе стада. Образ был навеян тем, что в 1991 г. Китай вступал в год Овцы, и авторы обыгрывали символичность этого события для начала нового цикла, подобно тому, как в 1979 году, который тоже был годом Овцы, был дан старт двенадцатилетнему циклу реформ.
32. Да луньчжэн. Цзянь го илай чжунъяо луньчжэн шилу. Ся цэ: Ши и цзе сань чжун цюаньхуй илай [Большая дискуссия. Материалы важных дискуссий с момента создания КНР. Т. 2. После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва]. Гл. ред. Лю Юн, Гао Хуаминь. Чжухай, 2001. С. 288.
33. 1 декабря 1990 г. премьер Госсовета КНР Ли Пэн, выступая на Всекитайском совещании по планированию, объявил, что Госсовет решил развернуть в 1991 г. во всекитайском масштабе движение за повышение "качества, ассортимента и эффективности". С 7 по 11 февраля 1991 г. Госсовет КНР провел в Пекине Всекитайское совещание по работе предприятий, принявшее решение провозгласить 1991 г. "годом качества, ассортимента и эффективности" (*чжилян, пинчжун, сяои нянь*).
34. 5 июня 1991 г. газета "Жэньминь жибао" опубликовала статью "Крепить демократическую диктатуру народа, бороться и противостоять "мирной эволюции" [Цзяньчи жэньминь миньчжу чжуаньчжэн, фаньдуй хэ фанчжи "хэтин яньбянь"]. В статье говорилось о том, что перед партией и народом стоит двойная задача — классовой борьбы и всестороннего строительства. Тем самым единый центр деятельности раздваивался. "Только правильное сочетание двух больших задач, — говорилось в статье, — способно укрепить демократическую диктатуру народа. Только правильная оценка и ведение классовой борьбы могут гарантировать социалистический характер и социалистическую направленность дела модернизации и строительства, и способствовать развитию общественных производительных сил". Газета требовала от кадровых работников и народных масс "в политике, экономике, формах сознания

- решительно проводить и довести до конца классовую борьбу по уничтожению классов”.
35. Об этом вспоминает, в частности, заместитель заведующего кафедрой партийного строительства Центральной партшколы профессор Ван Чанцзян // Наньфан чжоубао 2003. 28 февраля.
 36. Да луньчжэн...С. 290
 37. Фачжэнь шанпин цзинци бу кэ фюдин цзихуа цзинци [Развитие товарной экономики не может отрицать плановую экономику] // Жэньминь жибао. 1991. 15 марта.
 38. Наньфан чжоу бао. 2003. 8 марта
 39. Позже, в 1993 г. он был назначен на должность заместителя главного редактора “Жэньминь жибао”.
 40. Чжу Жунци чжуань [Биография Чжу Жунци]// [http://www.srjx.cn/book/wx/js/ZHU/zhu10\(2\).html](http://www.srjx.cn/book/wx/js/ZHU/zhu10(2).html)
 41. Всего через две недели в той же “Жэньминь жибао” было опубликовано письмо “группы членов партии из органов центрального подчинения”, где говорилось, что “те, кто по отношению к реформам и открытости не задается вопросом “сродни ли они социализму или капитализму”, являются навозными червями, пресмыкающимися перед Горбачевым и Ельциным”. Этот текст сопровождался комментарием от редакции, в котором говорилось, что “сегодня, когда дело социализма сталкивается с серьезными испытаниями, это письмо ставит важные вопросы о том, как противостоять мирному перерождению, как отстоять социалистическую направленность реформ и как “Жэньминь жибао” должна верно направлять общественное мнение” // Жэньминь жибао. 1991. 18 сентября.
 42. См., напр., Дэн Сяо пин сысян няньпу... С. 313.
 43. Там же. С.459-460
 44. Лин Чжицзюнь. Бяньхуа. 1990 нянь-2002 нянь Чжунго шилу [Перемены. Реальная хроника Китая в 1990-2002 гг.]. Пекин, 2003. С. 111.
 45. Чжунго гуншан бао. 2000. 17 июня.
 46. Наньфан жибао. 2003. 10 июля. До этого тот же отдел пропаганды поручил Чэнь Сянтяню написать текст к документальному телевизионному фильму о пребывании Дэн Сяопина в Шэньчжэне.
 47. Там же.
 48. Се Чуньтао. Указ.соч. С. 26.
 49. Лин Чжицзюнь. Указ. соч. С. 116.
 50. Шисань да илай чжунъяо вэньсянь сюаньбянь. Ся цэ [Избранные документы после XIII съезда КПК. Т. 2]. Пекин, 1993. С. 2072-2073.
 51. Шисы да илай чжунъяо вэньсянь сюаньбянь. Шан цэ [Избранные документы после XIV съезда КПК. Т. 1]. Пекин, 1996. С. 17-19.

Вспоминая Дэн Сяопина...

© 2004

Р. Кудашев

В этом году выдающемуся партийному и государственному деятелю Китая Дэн Сяопину исполнилось бы 100 лет. Он родился 22 августа 1904 года в провинции Сычуань в состоятельной семье. Его отец был членом тайного общества "Добрая воля" — одного из самых крупных и разветвленных в Китае. По характеру своей организации и деятельности китайские тайные общества были довольно близки к понятию политической партии, что вполне могло сыграть свою роль в выборе Дэн Сяопином жизненного пути.

В те годы в Китае уже понимали, что государство может стать сильным и самостоятельным только в том случае, если его народ приобщится к современным техническим, научным, политическим и культурным знаниям. С 1920 года Дэн Сяопин учился во Франции, а в 1926 году — в Советском Союзе. Одновременно вместе с ним во Франции учился будущий премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай, который, по словам Дэн Сяопина, был для него старшим братом. Под воздействием Чжоу Эньлая Дэн в 1922 году вступил в Социалистический союз молодежи Китая, а в 1924 году — в члены Коммунистической партии Китая. Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин подружились во Франции и пронесли эту дружбу через всю свою жизнь.

Вернувшись в 1927 году в Китай, Дэн Сяопин вплоть до победы китайской революции находился, как и многие другие руководители, на военно-политической работе в армии. В 1927-1937 гг. он был политкомиссаром корпуса Рабоче-крестьянской Красной армии Китая, в 1934-1935 гг. участвовал в "Большом походе" вооруженных сил КПК на Северо-Запад страны. В 1937-1945 гг. был политкомиссаром 129-й дивизии 8-ой полевой армии, секретарем бюро ЦК КПК района Шэньси-Хэбэй-Шаньдун-Хэнань. В 1945 году Дэн Сяопин стал членом ЦК КПК.

О Дэне и других китайских руководителях мне приходилось много слышать из рассказов моих старших коллег, узнавать из книг, газет и журналов еще задолго до того, как я начал работать в Китае.

В 1951 году по окончании китайского отделения Московского института востоковедения я был послан в КНР, где проработал с перерывами 12 лет, вплоть до 1973 года. Более 17 лет работал в аппарате ЦК КПСС. Работая в посольстве СССР в КНР и в аппарате ЦК, в качестве переводчика я часто встречался с многими видными советскими и китайскими деятелями и был знаком практически со всеми членами Политбюро и секретарями ЦК КПСС и ЦК КПК.

Чаще всего приходилось встречаться с двумя китайскими руководителями — Чжоу Эньлаем и Дэн Сяопином. Как правило, когда посольство получало указание передать документ или сделать устное сообщение для ЦК КПК,

Кудашев Ришат Шарафутдинович, Чрезвычайный и Полномочный Посланник, длительное время работал в Посольстве СССР в КНР, Постоянном представительстве СССР при ООН в г. Нью-Йорке (США), МИД СССР и аппарате ЦК КПСС.

то посол или старшие дипломаты посещали начальника канцелярии ЦК КПК. В 1954-1956 гг. им был Дэн Сяопин. Если же приходило поручение передать что-либо правительству или МИД КНР, то посещали Чжоу Эньлая, так как он занимал пост премьера Госсовета и по совместительству — министра иностранных дел КНР. Вплоть до 1958 года обмен посланиями между ЦК КПСС, правительством СССР, с одной стороны, и ЦК КПК и Госсоветом КНР, — с другой, был очень интенсивным, и нам регулярно приходилось встречаться, то с Дэн Сяопином, то с Чжоу Эньлаем.

Однако случались и неофициальные встречи. Однажды посол Юдин позвонил мне по телефону и сказал, чтобы я был готов поехать вместе с ним в Пекинский госпиталь навестить находившегося там на излечении Дэн Сяопина.

В условленное время мы подъехали к Пекинскому госпиталю. Посла встретил главный врач и проводил его в палату, где находился Дэн Сяопин. Одноместная палата была довольно просторной. В ней стояла широченная кровать и прикроватная тумбочка, на которой находились телефонный аппарат и радиоприемник. Дэн Сяопин лежал на кровати в центре хитросплетения из тросиков и довольно больших гирек. Его забинтованная и загипсованная нога была в растяжке и торчала как пушечный ствол. Создавалось впечатление, что Дэн Сяопин не лежит на кровати, а парит над нею как космонавт в невесомости.

Дэн Сяопин, как я сразу почувствовал и неоднократно убеждался в этом позднее, обладал большим чувством юмора и умением стойко переносить трудности. Широко улыбаясь, он поприветствовал посла, извинившись, что не может это сделать стоя. "Понимаете, товарищ посол, — продолжал он, — я люблю не только играть в покер, но и гонять шары по бильярдному столу. На днях выдалось немного свободного времени, и я решил поиграть в бильярд. Игра шла успешно. Я забил несколько шаров. На бильярдном столе их оставалось все меньше и меньше. После первых успешно забитых шаров следующие приходилось забивать из все более сложных положений. Так вот, пытаюсь во что бы то ни стало забить хороший, но трудный шар, я, опираясь одной ногой об пол, почти всем телом распластался на бильярдном столе. Шар успешно вогнал в лузу. Но ведь надо было становиться на обе ноги. Я сделал одно, как видно, не очень ловкое движение. Нога, которой я опирался об пол, подкосилась. Обожгла острая боль в бедре... И вот я здесь на больничной койке в Пекинском госпитале "подвешен на растяжку". Врачи утверждают, что у меня сломалась шейка головки тазобедренной кости. А я, грешным делом, думаю и этим утешаюсь, — проговорил, смеясь, Дэн Сяопин, — что врачи исподволь готовят меня к полету в космос." Все, находившиеся в палате, дружно рассмеялись.

В ходе дальнейшей беседы Дэн спросил, как меня зовут, сколько мне лет, где изучал китайский язык, давно ли работаю в Китае. Выслушав мои ответы, он, рассмеявшись, сказал: "Ты говоришь на пекинском диалекте, и тебя легче понять, чем меня с моим сычуаньским выговором".

Непосредственные встречи с китайскими деятелями давали возможность наблюдать их, так сказать, "с близкого расстояния". Это дополняло наши представления об этих людях, которые складывались в результате изучения их официальных заявлений и других публикаций в печати. Хорошо помню, с каким интересом мы, работники советского посольства читали доклад Дэн Сяопина на VIII Всекитайском съезде КПК 16 сентября 1956 года "Об изменениях в уставе партии". В докладе говорилось о том, что в КПК "часто возникали нарушения принципа коллективного руководства", что "культ личности", как общественное явление имеет длительную историю, и не мог не найти некоторого отражения в нашей партийной и общественной жизни...", что "...наша партия также отвергает чуждое ей обожествление личности...", что "11 лет отделяют VIII съезд партии от VII съезда, конечно, съезд созван с опозданием..."¹

Как видим, формулировки были очень осторожными. Эти слова, конечно, затрагивали Мао Цзедуна и хотя они сопровождались многочисленными оговорками и Дэн Сяопин не решился назвать его имя, тем не менее, надо было обладать незаурядным мужеством, чтобы сделать даже такое заявление.

Сотрудники Посольства СССР в КНР восприняли доклад Дэн Сяопина с удовлетворением. Вместе с тем у нас уже тогда возникли опасения, что этот доклад будет встречен Мао Цзедуном как направленный против него лично и приведет к ухудшению отношений между этими двумя деятелями. К сожалению, наши опасения оправдались.

Одна из запомнившихся встреч с Дэн Сяопином состоялась у меня в 1959 году, когда Н.С.Хрущев во главе правительственной делегации прибыл в КНР на торжества в связи с 10-летием образования Республики. Я находился среди сопровождающих лиц. Представляя Хрущеву членов руководства КНР и КПК, Мао Цзедун отметил, что хотя Дэн Сяопин и невелик ростом, он является восходящей звездой на китайском политическом небосклоне. Особенно высоко Мао оценил его организаторские способности. Дальнейшие события подтвердили эту оценку. Однако в тот момент Дэн держался как бы на заднем плане и в ходе острой и принципиальной полемики, возникавшей на переговорах советской и китайской сторон, активности не проявлял. Последующие переговоры делегаций двух стран на различных уровнях, в которых мне приходилось участвовать, показали, что такая сдержанность Дэна была вполне осознанной: понимая важность сохранения добрых отношений между КНР и СССР, проявляя при этом одновременно и гибкость, и последовательность, он избегал резких критических выпадов в адрес Советского Союза. Думается, что именно это обстоятельство, разумеется, среди прочих других, стало одной из причин того, почему во время "культурной революции" Дэн Сяопин был назван вторым после Лю Шаоци политическим деятелем, "идушим по капиталистическому пути".

В сентябре 1960 года я работал переводчиком на встрече представителей КПСС и КПК в Москве. Главой делегации КПСС был М.А.Суслов. Делегацию КПК возглавлял Лю Шаоци. Одновременно работала Редакционная комиссия по подготовке Заявления международного совещания коммунистических и рабочих партий, где я также был переводчиком. Делегации КПСС и КПК в этой комиссии возглавляли соответственно М.А. Суслов и Дэн Сяопин.

Дискуссии шли главным образом вокруг трех вопросов:

— возможно ли в условиях существования империализма избежать мировой войны;

— о возможности мирного сосуществования государств с различным социальным устройством;

— об отношениях СССР и США.

Позиция КПСС по этим вопросам состояла в следующем: изменение соотношения сил на мировой арене таково, что мировой войны можно избежать. Позиция Китая сводилась к тому, что империализм — это война, и пока существует империализм, мировая война неизбежна.

О мирном сосуществовании делегация КПСС высказывалась в том смысле, что сложившийся паритет сил между СССР и США делает мирное сосуществование неизбежным.

Советская сторона высказывалась за продолжение развития отношений между СССР и США на основе принципов мирного сосуществования. Китайцы выступали резко прогив развития советско-американских отношений на основе этих принципов.

Запомнился один эпизод. В ходе переговоров член делегации КПСС Ф.Р.Козлов в своем выступлении подробно остановился на вопросе о помощи СССР Китаю в создании мощной тяжелой промышленности, в том числе обо-

ронной отрасли. При этом он подчеркнул, что помощь СССР носила масштабный дружественный характер, а вы, китайцы, заметил он, “ловите мух”.

Я понял эти слова примерно так: СССР делает большое дело, а вы, китайцы, придираетесь к мелочам — и соответственно перевел их на китайский язык, не спросив Ф.Р.Козлова, какой смысл он вложил в сказанные слова. Козлов внимательно следил за реакцией китайцев и заметил, что когда он произнес эти слова, среди них возникла какая-то напряженность и некоторое замешательство. Во время перерыва он спросил меня, правильны ли его наблюдения. Я ответил, что в Китае в свое время проводилась кампания против “четырех зол”. Одним из зол были объявлены мухи. Поэтому Ваши слова, Фрол Романович, могли быть неправильно восприняты, и я перевел их: “придираетесь по мелочам” — пояснил я. Когда перерыв закончился, Ф.Р.Козлов попросил слова и сказал, что переводчик правильно понял и перевел слова “ловите мух”, как “придираетесь к мелочам”. В результате возникшая было напряженность была снята.

Лю Шаоци и Дэн Сяопин на встречах в редакционной комиссии, конечно, действовали в соответствии с данными им инструкциями. В этой связи привлек внимание тот факт, что с ними неотлучно находился главный куратор китайских спецслужб Кан Шэн.

С началом “великой пролетарской культурной революции” в 1966 г. Лю Шаоци и Дэн Сяопин исчезли с политической арены. Их заклеямили соответственно как “человека № 1 и человека № 2, идущих по капиталистическому пути”. Позднее стало известно, что Лю Шаоци находился в тюрьме в городе Кайфэне (провинция Хэнань), где заболел воспалением легких и умер, не получив никакой медицинской помощи.

Отношение к Дэн Сяопину было несколько иным. Ему были предъявлены более мягкие обвинения. После двух лет почти полной изоляции он был сослан в город Наньчан на юге Китая, где работал слесарем на заводе.

Насколько мне известно, Чжоу Эньлай сделал все от него зависящее, чтобы добиться политической реабилитации своего старого друга. Это диктовалось не только дружескими отношениями, но еще и тем, что врачи обнаружили у Чжоу Эньлая рак, и премьер хотел оставить своим преемником Дэн Сяопина. Когда в степях Монголии 13 сентября 1971 г. разбился самолет, в котором в СССР летел маршал Линь Бяо, Дэн Сяопин, узнав об этом, немедленно направил в ЦК КПК письмо, в котором поддержал борьбу против “антипартийной клики Линь Бяо” и просил пересмотреть его дело. В феврале 1973 года Дэн Сяопин получил письмо из ЦК КПК, в котором ему предлагалось вернуться в Пекин.

Здесь летом 1973 г. и случилась моя неожиданная встреча с Дэн Сяопином. В Доме народных собраний проходил прием, на который был приглашен посол СССР в Китае В.С.Толстикова. Однако он оказался занят каким-то срочным делом и поручил поехать на этот прием мне.

Приехав в Дом народных собраний, я обошел своих китайских знакомых и коллег-иностранных дипломатов. Неожиданно среди китайских участников приема я увидел человека очень похожего на Дэн Сяопина, одетого в выдавший виды френч из толстого сукна цвета хаки. На его лице лежала печать усталости, щеку подергивал сильный нервный тик.

Не поверив поначалу своим глазам, я какое-то время внимательно приглядывался к этому человеку. Почувствовав мой пристальный взгляд, он в знак приветствия кивнул головой. Тут я понял, что не ошибся.

Быстро подойдя к Дэн Сяопину, я поздоровался с ним и сказал, что очень рад вновь видеть его в Пекине живым и как будто в целом здоровым. Мы обменялись рукопожатиями. Дэн сообщил, что вернулся в Пекин и назна-

чен заместителем премьера Государственного Совета КНР Чжоу Эньлая. У меня мелькнула мысль, что его давний друг Чжоу Эньлай наконец-то сумел добиться политической реабилитации Дэн Сяопина, вызволить его из ссылки и сделать своим заместителем.

За годы работы в Пекине я отчетливо усвоил, что Чжоу Эньлай, выезжая из столицы или уходя в отпуск, обычно назначал Дэн Сяопина исполнять обязанности премьера Госсовета КНР. Видимо и на этот раз, подумал я, он будет вести дело к тому, чтобы, учитывая его серьезную болезнь, Дэн Сяопин стал фактическим руководителем Государственного Совета Китайской Народной Республики. Последующие события показали, что так оно и было...

Наш разговор привлек внимание многих иностранных дипломатов и журналистов. Вокруг нас собралось довольно много людей. Дэн Сяопин сказал, что теперь у нас будет больше возможностей чаще встречаться и беседовать. Однако на лице у него мелькнула тень озабоченности тем, что наша беседа привлекла к себе внимание. Я попрощался и отошел от Дэн Сяопина.

Вернувшись к активной политической деятельности, Дэн Сяопин вместе с Чжоу Эньлаем и другими ветеранами партии добились политической реабилитации многих старых кадровых работников. А затем, опираясь на этих людей, предприняли целую серию важнейших шагов, которые создавали условия для проведения нового политического и экономического курса. Так, были сняты с занимаемых постов и осуждены члены так называемой "банды четырех": Цзян Цин, Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань, Ван Хунвэнь. Эти люди активно противились проведению нового курса. Был снят с поста председателя ЦК КПК Хуа Гофэн, который имел неосторожность публично заявить, что намерен неукоснительно выполнять любые установки председателя Мао Цзэдуна. Было принято "Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР", в котором, в частности, говорилось, что в деятельности Мао Цзэдуна 70% — заслуги и 30% — ошибки.

Обращает на себя внимание, что Дэн Сяопин и многие другие ветераны КПК, подвергшиеся репрессиям со стороны Мао Цзэдуна, сумели встать выше жестоких личных обид, которые нанес им Мао, и дать его деятельности взвешенную оценку. Говоря в этой связи о Дэн Сяопине, следует отметить, что Мао Цзэдун и его сподвижники три раза снимали Дэна со всех постов, которые он занимал, и отправляли на низовую работу. Но большой авторитет Дэн Сяопина в партии и армии каждый раз вынуждал Мао Цзэдуна и его сторонников по разным соображениям восстанавливать его на прежних должностях.

Помню, мы в Посольстве СССР в КНР с уважением называли Дэн Сяопина "политическим ванькой-встанькой": его гнут, пригибают к самой земле, а он, как будто набирая силу от земли, выпрямляется и продолжает проводить свою прежнюю линию.

Дэн Сяопин и поддерживавшие его политически реабилитированные ветераны партии постепенно сменили внешнеполитические установки. О Советском Союзе в КНР больше не говорили как о "главной опасности" для Китая. Китайские деятели отказались от концепции неизбежности мировой войны пока существует империализм и заявили, что мир во всем мире возможно удастся сохранить. Пекин отказался от односторонней ориентации на сближение с США, которая наносила большой ущерб его репутации на международной арене. Китай пошел на развитие экономических и политических отношений с СССР, заявил о "стратегическом партнерстве" с нашей страной; пошел на создание "Шанхайской организации сотрудничества"; выступает вместе с Россией за сохранение многополярного мира.

Состоявшийся в декабре 1978 г. 3-й пленум ЦК КПК принял решение сконцентрировать усилия на модернизации страны, реформировать чрезмерно

централизованную экономическую систему, выправить допущенные на протяжении целого ряда лет диспропорции, развивать сельское хозяйство, упорядочить положение дел в партии, укрепить демократический централизм, социалистическую демократию и законность.

Главное внимание было уделено внедрению материальной заинтересованности, доходы были поставлены в зависимость от эффективности труда, во всем стали учитываться местные условия.

В сельском хозяйстве получил распространение "семейный подряд". Государство приняло важные меры, чтобы поддержать реформу сельского хозяйства. На 18 видов сельскохозяйственной продукции, включая пшеницу и хлопок, были повышены закупочные цены. В результате сельскохозяйственное производство выросло вдвое. Годовой урожай в стране превысил 400 млн тонн зерновых, жизненный уровень крестьян значительно повысился.

Вслед за реформой сельского хозяйства в стране началась реформа "городской экономической системы", которая готовилась несколько лет. Было принято решение о повышении самостоятельности предприятий, введении планирования, действующего на основе закона стоимости, сокращении государственных субсидий, создании рациональной системы цен, распределении по труду, расширении технико-экономических связей с зарубежными странами, подготовке нового поколения специалистов по управлению экономикой.

В результате реформирования "городской экономической системы" производство всех видов промышленных товаров ежегодно увеличивалось в среднем на 10-12%. Значительно вырос выпуск основных видов продукции: стали, стального проката, нефти, угля, хлопка, цемента и т.д.

Годы, прошедшие после поворотного пленума ЦК КПК 1978 г., подтвердили эффективность политики китайских реформаторов во главе с Дэн Сяопином. КНР развивается быстрыми темпами, уровень жизни народа значительно вырос. Дэн оказался достаточно прозорливым, чтобы понять, в чем состоят высшие национальные и государственные интересы его страны, и одновременно в равной степени гибким, чтобы использовать на благо Китая полезный мировой экономический опыт.

Состоявшийся в ноябре 2002 г. XVI Всекитайский съезд КПК обратил особое внимание на закрепление и дальнейшее развитие достигнутых успехов.

По объему валового внутреннего продукта Китай сейчас уже входит в первую десятку мощных экономических держав мира. При сохранении нынешних темпов развития народное хозяйство КНР по объему валового национального продукта может в течение ближайших 10-20 лет занять передовые рубежи в мире.

1. Материалы VIII Всекитайского съезда КПК, документы: Издательство литературы на иностранных языках. Пекин, 1956. С. 87, 111, 197, 205.

Современная внешняя политика Китая и китайско-российские отношения

© 2004

Лю Цинцай

Современная внешняя политика КНР

С наступлением XXI века во внешней политике КНР наступила новая эпоха. Правительство Китая разработало стратегию развития, девизом которой стало "мирное возрождение". Эта стратегия основывается на четком понимании Китаем своих внутренних задач и международной ситуации. Прежде всего китайское правительство исходит из того, что целью развития является повсеместное построение общества средней зажиточности (сяокан). Поэтому экономическое строительство занимает центральное место в стратегии "мирного возрождения". Предусматривается постоянное наращивание общественных производительных сил, продолжение политики реформ и расширение связей с внешним миром, совершенствование системы рыночной экономики, ускорение процесса модернизации, обеспечение устойчивого и здорового экономического развития и постепенное повышение уровня жизни населения. В соответствии с программой экономического развития, объем ВВП Китая к 2020 г. увеличится в четыре раза по сравнению с 2000 г., значительно укрепится комплексная мощь и международная конкурентоспособность страны. Кроме того, эта стратегия определяется международной обстановкой и процессом экономической глобализации. В Китае полагают, что после окончания "холодной войны" база для международного диалога и сотрудничества постоянно расширяется и угрозы возникновения мировой войны в обозримом будущем не существует. Поэтому для мирного возрождения Китая наступило время важных стратегических возможностей. КНР активно интегрируется в мировую систему в соответствии с процессом экономической глобализации. КНР официально вступила в ВТО в декабре 2001 г. Ее ВВП в 2003 г. достиг 11,67 триллионов юаней (1,4 триллиона долл. США). Объем внешней торговли значительно увеличился, составив 851,2 млрд. долл. (4-е место в мире). Объем фактически использованных инвестиций в 2003 г. достиг 53,5 млрд. долл. Валютные резервы страны в том же году равнялись 403,3 млрд. долл.¹. Эти данные показывают, что по мере экономического развития и расширения открытости внешнему миру взаимозависимость между Китаем и миром все более углубляется.

Основная идея, заложенная в стратегию мирного возрождения, предусматривает, что в результате усилий нескольких поколений китайского народа будет создано общество развитой демократии, культуры и благосостояния в сильной стране, которая будет развиваться мирным путем дальнейшого проведения реформ и открытости, в опоре на собственные силы будет осуществлять политику мира, развития и сотрудничества, ускорять собственное развитие в условиях мирной международной обстановки и поддержания мира путем собственного развития.

Стратегия мирного возрождения демонстрирует всему миру, что развитый и сильный Китай не будет представлять угрозы для региона и мира в целом. Между тем быстрое развитие китайской экономики вызывает опасения в некоторых зарубежных кругах, считающих, что КНР будет стремиться играть доминирующую роль в регионе и в мире, что это бросает вызов другим странам и что Китай может угрожать войной. Появилась даже концепция "китайской угрозы".

Однако вся практика китайской внешней политики убедительно доказывает нелепость утверждений о наличии опасности со стороны Китая. Правительство КНР активно выступает за демократизацию международных отношений, за расширение консультаций и сотрудничества в региональных и международных делах, выступает против монополии любой страны, против гегемонизма и политики силы в международных делах. Китай много раз заявлял, что ни сейчас, ни в будущем он не будет стремиться ни к мировой, ни к региональной гегемонии. Быстрое развитие китайской экономики способствует развитию и процветанию экономики в АТР. Любые же попытки ограничить и задержать экономическое развитие Китая являются нерациональными. Экономическое развитие и процветание КНР является гарантией ее стабильности и фундаментом стабильности региона. Экономическое развитие КНР будет содействовать миру и развитию АТР и всего мира. Активные усилия Китая модернизировать свою оборону направлены на повышение обороноспособности, на эффективное обеспечение государственного суверенитета и территориальной целостности. КНР никогда первой не прибегнет к силе или угрозе силой в отношении других стран.

Китайская стратегия "мирного возрождения" определяет и мирную внешнюю политику. В международных делах Китай будет проводить независимую, самостоятельную, мирную внешнюю политику в соответствии с его положением и возможностями. Целью такой политики является сохранение долгосрочной, мирной международной обстановки. В конкретном плане это означает: 1) *осуществление активной, мирной внешней политики и создание долгосрочной мирной международной обстановки для экономического развития, реформ и открытости внешнему миру, для модернизации страны.* Мирная внешняя политика не только предусматривает неприменение военной силы против любой третьей страны, но и активную роль в деле сохранения мира и безопасности в регионе и во всем мире. Китайское правительство выступает за то, чтобы каждая из великих держав не стремилась к военному превосходству, отказалась от политики военных союзов и прилагала усилия для утверждения всесторонней и всеобщей безопасности нового типа. В политическом отчете XVI съезда КПК говорится, что в сфере безопасности следует определять и осуществлять новую концепцию безопасности на основе взаимного доверия, взаимной выгоды, равенства и сотрудничества². Соответственно, Китай будет стремиться посредством сотрудничества и координации действий эффективно сохранять и расширять свои государственные и международные интересы, принимать активное участие в международных делах и деятельности международных организаций, а в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН в полной мере играть позитивную роль в отстаивании мира, справедливости и равноправия. 2) *Осуществление всесторонней внешней политики.* КНР будет активно развивать отношения с развитыми, сопредельными и развивающимися странами, поддерживать многосторонние дипломатические отно-

шения со всеми странами, вести многоотраслевой, многоступенчатый диалог и укреплять сотрудничество на основе пяти принципов мирного сосуществования. 3) *Создание нового международного порядка на основе общепринятых норм международных отношений.* Для этого необходимо способствовать установлению мультиполярной мировой структуры, осуществлять демократизацию международных отношений. Любая держава не должна стремиться к гегемонизму и проведению политики силы. Правительство КНР полагает, что ООН как универсальная международная организация должна продолжать играть ведущую роль в поддержании мира и развития во всем мире.

Фундаментальная политика Китая в отношении России

Внешняя политика КНР в настоящее время является политической основой развития китайско-российских отношений, она имеет важное основополагающее значение для их развития. Китайско-российские отношения проявляются как в двустороннем, так и в региональном и глобальном плане. Развитие стратегического партнерства между Китаем и Россией в XXI веке на основе равенства, доверия, взаимной выгоды и сотрудничества безусловно способствует проведению в жизнь стратегии "мирного возрождения" КНР.

На встречах между руководителями Китая и России в совместно подписанных документах и декларациях в перспективном и стратегическом плане КНР многократно заявляла о желании развивать китайско-российские добрососедские, дружественные отношения на основе равенства, доверия и взаимной выгоды.

Во-первых, имеется в виду активное углубление китайско-российского "стратегического партнерства" в XXI веке. Его целью является всестороннее развитие двусторонних связей, поддержание долгосрочного добрососедства и дружбы, содействие совместному развитию и процветанию двух стран, усиление координации и сотрудничества в международных делах, защита их национальных интересов на международной арене. Отношения между двумя странами отражают изменения международных отношений всемирного порядка после окончания "холодной войны" с учетом коренных интересов КНР и России. Эти отношения характеризуются неприсоединением к любым блокам, отсутствием антагонизма и ненаправленностью против любой третьей страны.

Во-вторых, имеется в виду энергичное углубление добрососедства и дружбы между двумя странами. Фундаментальной гарантией мирного развития Китая является активное развитие добрососедских отношений с сопредельными странами, создание позитивной среды в пограничных районах. Китайское правительство проводит политику добрососедства и дружбы с соседними государствами¹. Россия же является самым крупным соседом Китая, протяженность границы между ними превышает 4300 км. Активное развитие добрососедских отношений способствует стабильности и процветанию пограничных областей. "Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китаем и Россией" представляет собой программный документ, определяющий развитие отношений между ними в XXI веке. В данном документе выражено стремление "всегда дружить и никогда не враждовать". Договор заложил прочный правовой фундамент для здорового и стабильного развития китайско-российских добрососедских, дружественных контактов.

В-третьих, стороны полны решимости активно развивать взаимовыгодное сотрудничество. Экономика двух стран носит взаимодополняющий характер. Для укрепления двусторонней торговли и технико-экономического взаимодействия существует большой потенциал и географические преимущества. Легкая и электронная отрасли промышленности и сельское хозяйство сравнительно развиты в Китае, кроме того, он обладает богатыми трудовыми ресурсами. В высокотехнологичных отраслях, особенно в компьютерных технологиях.

и телекоммуникациях Китай уже достиг передового мирового уровня. Такие отрасли российской экономики, как металлургия, машиностроение, химическая и авиационная отрасли промышленности, космические технологии находятся на высокой стадии развития. Открыты широкие перспективы для активизации сотрудничества между КНР и Россией в сфере торговли, инвестиций, науки, образования, трудовых ресурсов и т.д., что благоприятствует совместному развитию и процветанию народного хозяйства обеих стран.

В-четвертых, в КНР и России планируется усиливать координацию и сотрудничество в международной сфере. После окончания "холодной войны" международные отношения претерпели значительные изменения. Однако мир и развитие по-прежнему не теряют своего актуального значения, поскольку из-за национальных, религиозных противоречий и территориальных споров непрерывно происходят региональные конфликты и локальные войны. Международный терроризм, сепаратизм и экстремизм стали новой серьезной угрозой для безопасности отдельных стран и мира в целом. Укрепление глобальной безопасности и мира, содействие мировому прогрессу и развитию — это общие задачи для всех стран. Китай и Россия являются великими державами и постоянными членами Совета Безопасности ООН. В международных делах и мировых вопросах они занимают сходные или идентичные позиции, выступают за мультиполярность мировой структуры, за усиление статуса и роли ООН в международных делах. Создание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) активно благоприятствует региональному сотрудничеству между Китаем и Россией. Усиление их координации и сотрудничества в международных делах способствует демократизации международных отношений, поддержанию мира и безопасности, содействует развитию и процветанию мира.

Перспективы развития китайско-российских отношений в XXI веке

После известных событий 11 сентября 2001 г., по нашему мнению, проявились некоторые изменения во внешней политике России. В связи с этими событиями она начала активно улучшать отношения с США, старательно избегать прямого противостояния с ними. Россия также стремится проводить сбалансированную политику в вопросах, касающихся международной и геополитической стратегии. В Москве спокойно реагируют на расширение НАТО на Восток, трезво оценивают заявление США о выходе из "Договора по ПРО". Во всем этом виден прагматизм и традиция европейской дипломатии (обмен интересов и поиск баланса интересов). Вместе с тем основной курс внешней политики России по-прежнему ориентирован на Европу. Президент Путин активно развивает российско-европейские отношения, усиливает сотрудничество с ЕС, выступает за создание единой Европы. В праздновании 300-летия основания Санкт-Петербурга отразилась историческая мечта России о возвращении в Европу.

Расположенная на Евразийском континенте Россия имеет важные экономические и геополитические интересы, а также интересы безопасности не только в Европе, но и в Азии. Практика показывает, что наряду с развитием отношений с США и Европой Россия также активно расширяет связи с государствами АТР, участвует в процессе интеграции этого региона и в его делах. Она также является деятельным членом АТЭС и регионального форума Ассоциации стран Юго-Восточной Азии, уделяет большое внимание развитию отношений стратегического партнерства с КНР и Индией, участвует в решении проблемы корейского ядерного кризиса, развивает контакты с государствами Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии.

В результате совместных усилий руководителей КНР и РФ китайско-российские отношения получают стабильное развитие в политической, экономической, военной, дипломатической, научной и культурной областях. Заклю-

чены соглашения об укреплении доверия и разоружении в военной области в районе границы, соглашение о демаркации в восточной и западной частях китайско-российской границы, подписан и ратифицирован договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, совместно образована ШОС. Все это заложило положительную основу для дальнейшего развития китайско-российских контактов.

В настоящее время стратегический курс и политические рамки наших отношений уже определены. На повестке дня стоит их углубление и обогащение путем практических действий и достижения конкретных результатов в политической, экономической, военной, дипломатической и культурной областях, укрепление материальной базы развития стратегического партнерства между КНР и Россией.

Во-первых, необходимо развивать и совершенствовать торговую и инвестиционную среду между двумя странами, обеспечивать устойчивое расширение торговли и экономического сотрудничества. В последние годы эта сфера находится в процессе постоянного развития. Торговый оборот в 2003 году составил 15,76 млрд. долл., что на 32,1% превышает показатели предыдущего года. Однако учитывая торговые потенциалы двух стран, можно сказать, что нынешний уровень торговли между ними еще не достиг надлежащего уровня. В торговле между КНР и Россией главным вопросом является создание благоприятной среды для торговых компаний и предприятий обеих стран, поскольку торговая деятельность двух стран еще находится в процессе нормализации. С начала 90-х гг. в двусторонней торговле произошел переход от обмена товарами (бартер) к валютным расчетам. В настоящее время в России существуют высокие таможенные тарифы и теневая таможенная пошлина, т.е. ограничен доступ китайских товаров на внутренний рынок России. Это в определенной степени влияет на расширение торговых контактов между двумя странами. Вышеперечисленные факторы являются основными причинами низкого объема торговли между КНР и РФ. Фактически он составляет лишь одну треть объема китайско-южнокорейской торговли и значительно уступает торговле КНР с США и Японией. В декабре 2001 г. Китай вступил в ВТО. Россия также находится на стадии подготовки к присоединению к этой организации. Китай желает успеха России в этом вопросе и стремится в ходе китайско-российских двусторонних переговоров по вступлению России в ВТО снять проблемы торговых ограничений, создать благоприятные условия для развития взаимной торговли и для устойчивого, нормативного развития торгово-экономических контактов.

Во-вторых, существуют перспективы сотрудничества в энергетической и трудовой сферах. Россия является одним из самых крупных экспортеров энергоресурсов в мире, Китай же стал одним из крупнейших импортеров энергоносителей. Объем импорта нефти Китая в 2003 г. превысил 100 млн. тонн. Усилению сотрудничества двух стран в области энергетики способствуют значительные географические преимущества. В настоящее время между КНР и РФ имеет место сотрудничество в области использования нефти, газа и атомной энергии. Расширение этого сотрудничества будет взаимовыгодным, т.к. не только частично решит проблему импорта нефти в КНР, обеспечит альтернативность источников ее нефтяного импорта, но и гарантирует России долгосрочную экономическую прибыль в результате экспорта энергоресурсов в Китай.

Открытие трудового рынка России также является важной частью развития технико-экономического сотрудничества. Россия обладает обширным рынком труда, испытывает острый дефицит трудовых ресурсов в Сибири и на Дальнем Востоке. Нехватка рабочей силы заметно ограничивает экономическое развитие этих регионов. Открытие российского трудового рынка, расширение сотрудничества в сфере труда между двумя странами имеют огромное значение для экономического развития Сибири и российского Дальнего Востока.

В-третьих, большие резервы таит в себе усиление доверия, содействие сотрудничеству на основе равенства и взаимной выгоды. На фоне устойчивого разви-

тия китайско-российских отношений между двумя странами существуют и известные деликатные проблемы, требующие нашего внимания. К примеру, некоторые в России проявляют беспокойство в связи с быстрым развитием китайской экономики, излишне чувствительно относятся к вопросу о нелегальной иммиграции, что приводит к распространению версии о "китайской угрозе". Эта псевдоугроза уже отражается на торгово-экономических связях между КНР и РФ. Например, самой большой преградой в налаживании сотрудничества в области трудовых ресурсов является озабоченность некоторых россиян тем, что появление большого количества иммигрантов из КНР чревато угрозой для России. Следует обратить внимание на эти проблемы, расширять контакты и сотрудничество, чтобы преодолевать сомнения и опасения, углублять взаимопонимание и взаимное доверие. Китайско-российские отношения базируются на национальных интересах двух народов. Мы должны поддерживать добрососедские, равноправные, взаимовыгодные связи, искать баланс интересов, расширять координацию и консультации, рассматривать развитие китайско-российских отношений под углом зрения долгосрочных, стратегических интересов. Необходимо прилагать усилия для дальнейшего углубления устойчивых связей между нашими странами.

В-четвертых, актуальный характер носит дальнейшая координация и сотрудничество КНР и РФ в международных делах. Нынешнее положение в мире является чрезвычайно сложным, международные отношения таят в себе множество факторов неопределенности, международная безопасность стоит перед новыми вызовами. Усиление координации КНР и РФ в международных делах имеет важное значение для поддержания всеобщего мира и безопасности, для достижения стабильности и процветания АТР.

В настоящий момент Китай и Россия активно сотрудничают в АТС, в региональном форуме ассоциации стран Юго-Восточной Азии и ШОС. Взаимодействие двух стран в этих организациях охватывает экономическую, политическую и гуманитарную сферы, а также область региональной безопасности. Это особенно касается Шанхайской организации сотрудничества, создание которой совместно инициировали КНР и РФ. Функции ШОС постепенно расширяются: на начальном этапе это было укрепление военного доверия, сокращение вооруженных сил и поддержание стабильности и безопасности в пограничных районах. Сегодня ШОС занимается борьбой против международного терроризма, налаживает экономическое сотрудничество субрегионов. Организация играет важную роль в обеспечении безопасности и развитии экономического сотрудничества между государствами-участниками.

КНР и Россия должны отстаивать статус и роль ООН в международных делах, содействовать установлению нового миропорядка, осуществлению демократизации международных отношений. В настоящее время особую важность приобретает необходимость масштабного сотрудничества между КНР и РФ в таких вопросах как ядерный кризис на Корейском полуострове, восстановление Ирака после войны, достижение региональной стабилизации на Ближнем Востоке. Необходимо постоянное взаимодействие двух стран в решении глобальных вопросов, в противодействии международному терроризму и в осуществлении устойчивого развития мира.

1. Гуанмин жибао. 2004. 17 марта.
2. Отчет XVI Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая: Жэньминь чу баньшэ. Пекин, ноябрь 2002. С. 43 (на кит. яз.).
3. Там же.

К вопросу об эволюции политической реформы в Китае

© 2004

К. Кокарев

В процессе модернизации Китайской Народной Республики важное место занимают проблемы совершенствования ее политической системы. На каждом съезде Коммунистической партии Китая (КПК), начиная с 3 пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва (1978 г.), обязательно обсуждаются вопросы политического реформирования, совершенствования деятельности властных структур и всего комплекса отношений, которые складываются в обществе по поводу осуществления политической власти.

Реформирование социалистической политической системы в Китае имеет свои особенности, которые связаны, в частности, с понятием политического режима и его динамикой в этой стране. В силу данного обстоятельства прежде чем говорить о главных направлениях и содержательной стороне политических преобразований на разных этапах модернизации КНР целесообразно кратко остановиться на категории политического режима и некоторой специфике его трактовки китайскими исследователями. На наш взгляд, это представляет интерес еще и потому, что в работах российских авторов данный вопрос пока обходят вниманием, хотя китайские ученые в последние годы все чаще оперируют понятием политического режима, изучая прошлое и настоящее внутренней и внешней политики государства, как главного субъекта социалистической политической системы.¹

Как известно, политическая система представляет собой "наиболее широкую научную категорию, охватывающую все типы и виды политических действий, институтов, механизмов, норм в их взаимодействии и взаимозависимости".² Непосредственное же развитие системы материализуется через эволюцию политического режима, который отражает реальный политический процесс, "наиболее существенные черты практики функционирования политической системы".³ Политический режим отличается большой подвижностью, постоянно изменяясь под воздействием многих внутренних и внешних факторов, преследуя цель обеспечить стабильность политической системы. Вследствие этого по сравнению с политической системой он обладает собственными временными параметрами, что делает возможным функционирование одной и той же политической системы в разных режимах, определяемых специалистами как "специфические периоды действия политической власти в рамках данной политической системы".⁴ Например, в рамках социалистической системы в КНР во время "культурной революции" (1966 — 1976 гг.) и в период модернизации (начиная с 1978 г.) функционировали разные политические режимы. Иными словами, политический режим выступает в качестве функционально-временного среза политической системы.

Следует отметить также, что эволюция политического режима отражает тенденции в развитии политической системы в целом, поскольку, например, количественные изменения в социально-экономической жизни, на которые режим реагирует незамедлительно, нередко приводят в конечном счете к изменению качественных показателей самой политической системы в виде большей или меньшей трансформации ее основ и главного содержания.

Указанные проблемы достаточно широко освещены в работах российских и зарубежных ученых.⁵ Их теоретические исследования в сочетании с анализом реального политического процесса в отдельных странах позволяют рассматривать политический режим как совокупность властных и иных структур, а также отношений между ними, которые существуют в обществе на конкретном временном этапе и функционируют, опираясь на определенный ресурсный потенциал (идеологический, материально-силовой), правовые и традиционные нормы, правила и методы, для решения поставленных правящей элитой задач в интересах обеспечения стабильности политической системы.

В Китае условно выделяют два этапа при изучении теории и практики политических режимов: первый — с 1949 г. до 1985 г., и второй — с 1985 г. до настоящего времени. В первый период, по существу, единая позиция китайских ученых сводилась к тому, что политическая система представляет собой "форму организации политической власти ("чжэнти") и ее соответствующие системы".⁶ Она рассматривалась также в виде "сочетания форм и способов управления, созданных и используемых господствующим классом для осуществления своей диктатуры".⁷ При этом политическая система ("чжэнчжи чжиду") отождествлялась с политическим режимом ("чжэнчжи тичжи"), который в тот период не выделялся в качестве самостоятельной категории.⁸

Впервые в Китае на официальном уровне термин "политический режим" был употреблен в сентябре 1982 г. на XII съезде КПК, где было сказано о "необходимости продолжать реформирование политического режима и руководства страной". Однако в теоретическом плане в тот период понятие политического режима не сопровождалось какими-либо конкретными разъяснениями. Лишь в августе 1985 г. в журнале "Говай чжэнчжисюэ" появилась статья Чжан Сяньяна, в которой автор акцентировал внимание на том, что политическая система и политический режим представляют собой самостоятельные понятия, каждое из которых несет свой смысл и содержание.⁹ При отождествлении политической системы с политическим режимом, по мнению автора, реформирование политического режима означало бы изменение и характера социалистической политической системы, что в Китае является принципиально недопустимым. В последующем большое внимание данному вопросу было уделено в работах китайских ученых Пу Синцзу, Се Цинкуя, Гао Минчжэна, Чжэн Чусюаня, Лю Шаочуня и др.¹⁰ Статьи по теории вопроса публиковались в ряде китайских журналов (например, "Говай чжэнчжисюэ", "Чжэнчжисюэ яньцзю"), а также в газете "Гуанмин жибао". Лейтмотивом исследовательских работ и публикаций в периодических изданиях был также вывод о том, что понятия политической системы и политического режима не являются идентичными, хотя и содержат много общего. В то же время среди китайских авторов, по их признанию, не было и до настоящего времени пока не существует единого мнения относительно конкретного содержания понятий политической системы и политического режима. Их позиции в специфической трактовке (в том числе, терминологического характера) данного вопроса, в основном, разведены по трем направлениям:

Во-первых, политическая система представляется как форма организации политической власти, которая обуславливает существование тех или иных способов и методов господства определенного класса в условиях конкретного

общества. Предложенное понимание политической системы было распространено в КНР преимущественно в дореформенный период и не содержало каких-либо дефиниций, имеющих отношение к политическому режиму.

Во-вторых, политическая система воспринимается в качестве категории, которая включает в себя "тип" государства ("го́ти"), форму организации политической власти ("чжэ́нти") и нормы политического поведения в обществе.¹¹ В свою очередь политический режим выступает в качестве "конкретной формы внешнего проявления" политической системы в заданных условиях и на определенном временном этапе. Его содержание составляют структура органов власти, "формы государственного управления" и практические меры, осуществляемые руководством в политических целях. Следовательно, данная трактовка предполагает, что политическая система является "базовой категорией, а политический режим — ее конкретным проявлением в процессе политической жизни". По сравнению с политической системой, как следует из китайских источников, "политический режим обладает большей подвижностью и оказывает непосредственное влияние на все стороны общественно-политической, экономической и культурной жизни страны".¹² Такой подход китайских авторов к пониманию категорий политической системы и политического режима в общих контурах совпадает с позицией российских и западных исследователей.

В-третьих, политическая система рассматривается как составная часть политического режима, закрепленная в проверенных и устоявшихся нормах и правилах. При этом политический режим выступает в роли своего рода "центра", "политического механизма", который занимается "распределением политической власти, управлением, принятием политических решений". Он имеет, как считается, более глубокое содержание и пределы влияния, чем политическая система и конкретные институты политической власти. Так, политический режим включает "политическую систему, политические функции, политический процесс и политическую культуру".

Среди перечисленных позиций самой распространенной в КНР является точка зрения, согласно которой под политической системой следует понимать категорию, соединяющую в себе тип государства (в КНР это — "демократическая диктатура народа", основу которой составляет союз рабочего класса и крестьянства при руководящей роли рабочего класса, реализуемой на практике коммунистической партией), форму организации политической власти (система собраний народных представителей — представительные органы власти), а также различные нормы и принципы политической жизни, придерживаться которых обязаны все субъекты политического процесса. Рассуждения сторонников данной, фактически официальной, позиции имеют ряд особенностей, на которых следует остановиться подробнее, поскольку они объясняют специфику подходов к политическому реформированию в Китае.

В понимании китайских исследователей политическая система содержит несколько подсистем, изображаемых в виде трех концентрических кругов. Так, тип государства образует "внутренний уровень" политической системы ("ядро"), содержащий положения и принципы, которые определяют, кому принадлежит вся полнота власти в стране. "Средний уровень" политической системы включает форму организации политической власти ("чжэ́нти"), форму организации государственного устройства (например, Китай является унитарным государством), а также основные принципы политической деятельности партий и отдельных граждан. "Внешний уровень" политической системы выражается в непосредственной деятельности политических субъектов в соответствии с установленными на данный момент времени нормами, правилами и иными условиями, вытекающими из складывающейся обстановки. Отношения между указанными уровнями таковы, что содержание и характер "внешнего

уровня" отражает сущностные характеристики "среднего уровня", который, в свою очередь, является формой выражения "ядра" политической системы. Одновременно каждый из этих уровней политической системы относительно друг друга оказывает сдерживающее влияние, обеспечивая стабильность системы в целом.

К числу так называемых "базовых" подсистем относят "внутренний" и "средний" уровни политической системы, а ее "внешний" уровень определяется как политический режим ("*чжэнчжи тичжи*"), который функционирует в качестве "конкретной политической системы" ("*цзюйти дэ чжэнчжи чжиду*"). Данное обстоятельство подтверждает, что китайские ученые, так же как и многие их коллеги в других странах, рассматривают политический режим в качестве "конкретного проявления" политической системы в реальных условиях и на конкретном временном этапе. Другой важный вывод, вытекающий из приведенной схемы рассуждений, состоит в том, что существуют определенные различия между политической системой и политическим режимом, хотя он и является составной частью этой системы, ее "внешней оболочкой". Следуя указанной логике, в Китае подчеркивают, что под осуществляемой в стране реформой политической системы следует понимать реформу ее "внешнего уровня", "конкретной политической системы", иными словами — политическо-го режима.¹³ При этом "ядро" и "средний уровень" политической системы, определяющие ее "социалистическую сущность с китайской спецификой", изменениям подвергаться не должны.

Далее, особо выделяется положение, согласно которому политическая система функционирует как в рамках формально-юридического поля, так и вне этого поля. Оно означает, что политическое поведение субъектов строится на основе таких критериев и норм, часть которых закреплена в официально действующих законах и юридических правилах, а другая — не содержится в правовых документах, однако существует и действует в реальной жизни в виде традиций, обычаев, привычек. В связи с этим употребляются такие понятия как "правовая система" ("*фанэй чжиду*") и "внеправовая система" ("*фавай чжиду*") политического поведения. Первая вырабатывается и устанавливается властными структурами и государственными учреждениями, а вторая складывается естественным путем в процессе жизнедеятельности общества. Однако нормы обеих систем являются обязательными (хотя и в силу разных причин) для исполнения всеми субъектами, поскольку выполнение норм позитивного права гарантируется деятельностью органов власти, а "внеправовых" правил — силой традиций, привычек, влиянием общественного мнения. При этом в Китае признают, что по степени устойчивости и воздействия "внеправовые" нормы порой обладают большим потенциалом, чем нормы, закреплённые в официальных юридических документах. Однако проблема таких норм является непростой, поскольку помимо "конструктивных" и лояльных режиму "внеправовых" норм объективно существуют и такие, которые с позиций данного политического режима можно оценить как "неконструктивные" или даже дестабилизирующие положение в обществе. Отчасти поэтому в правовом строительстве в Китае стимулируется процесс, осуществляемый под лозунгом "придания демократии системности" ("*миньчжу чжидухуа*") и законности ("*фалюйхуа*"). В ходе этой кампании по юридизации политической культуры власти стараются провести селекцию и систематизацию традиционных обычаев и правил поведения, закрепить отдельные из них в виде юридических норм, что, по замыслу, должно еще более усилить правовую составляющую политическо-го режима и повысить эффективность действующих в стране законов, норм и правил, поднятых до уровня сложившихся традиций, обычаев, привычек.

Китайские ученые также считают, что политическая система должна находиться в состоянии "подвижной стабильности" ("*дунтай вэньдин*"). Она

обеспечивается обязательностью выполнения законов и норм, которые по определению обладают достаточной устойчивостью. Упомянутый процесс "придания демократии системности", который избирательно по воле властей упорядочивает "неправовые" правила и нормы, также призван способствовать поддержанию системной стабильности. В то же время стабильность не означает полной неподвижности политической системы. Определенные изменения в ней могут и должны происходить как адаптивная реакция на воздействие внешней среды (социальной и внесоциальной). При этом, как отмечалось, самым устойчивым к изменениям должно быть "ядро" политической системы. Что же касается ее "внешнего уровня" (политический режим), то изменения в нем не только возможны, но и необходимы в рамках политической реформы. Более того, в Китае сегодня считают, что отсутствие на протяжении длительного времени должного внимания к проблеме совершенствования политического режима в КНР отрицательно сказывалось на раскрытии преимуществ народно-демократического строя, тормозило развитие социализма и даже привело к "серьезным ошибкам и беспорядкам".¹⁴ Реформирование политического режима должно способствовать разрешению "содержащихся в политической надстройке неантагонистических противоречий" и обеспечивать гарантии успешного проведения экономических преобразований в стране.¹⁵

С учетом сказанного о природе и содержании политического режима, его понимании российскими, западноевропейскими и китайскими исследователями кратко остановимся на основных этапах эволюции теории и тактики осуществления реформы политического режима после начала модернизации КНР в 1978 году. Эти преобразования должны были не только закрепить ликвидацию политического режима периода "культурной революции", но и сформировать такую "внешнюю оболочку" социалистической политической системы, которая была бы в полной мере адекватна требованиям модернизации Китая.

В середине 70-х годов Китай переживал глубокий политический и экономический кризис, который определял политическую систему в этой стране как сочетание тоталитаризма и разложения. "Разложение" явилось результатом так называемой "великой пролетарской культурной революции", которая привела к разрушению существовавших структур власти, подрыву единства китайской элиты и глубокому "кризису веры" в китайском обществе, особенно среди интеллигенции и молодежи. Это сочетание тоталитаризма и разложения делало политическую систему настолько неустойчивой, что с неизбежностью требовало политических реформ по существу сразу же после смерти Мао Цзэ-дуна (1976 г.).

После обнародования трагических последствий "культурной революции" для всех в Китае стало ясно, что прежние институты и методы руководства вряд ли способны составить серьезное препятствие для недопущения в дальнейшем аналогичных событий. Очевидным было и то, что в ситуации того времени для КНР оказался непригодным постепенный, естественно-эволюционный способ адаптации экономической и политической систем к новым требованиям и условиям. В связи с этим был взят курс на реформы — осуществление по инициативе центрального руководства комплекса мер, позволяющих в прогнозируемые сроки добиться следующих целей: не допустить повторения событий и действий, аналогичных тем, которые имели место в годы "культурной революции"; постепенно ликвидировать созданный в тот период ряд управленческих звеньев, заменив их властными органами, позволяющими стабилизировать режим на модернизированной идеологической, экономической и организационной основе; реанимировать экономику страны, вывести ее из состояния упадка и стагнации, создав экономические и политические условия для дальнейшего роста; мобилизовать активность населения путем демократизации

деятельности базовых структур и субъектов, связанных с экономическим и научно-техническим развитием китайского общества; пересмотреть политико-идеологические установки, увязав их с проблемами роста совокупного экономического потенциала, а также решением задач по укреплению национального единства и консолидации всех социальных слоев и групп населения страны.

Все эти меры предполагалось реализовать в рамках реформы политической системы, под которой понимались существенные коррективы действующего политического режима, состоявшие в устранении разного рода "ошибок" и "несоответствий", нарушающих стабильность социалистической системы. Реформа должна была "способствовать раскрытию преимуществ социализма", стимулировать "самосовершенствование" социалистической системы с китайской спецификой, исключая копирование способов и методов политического управления по образцу западных или других стран.¹⁶

Впервые в развернутом виде архитектор китайских реформ Дэн Сяопин обосновал необходимость политической реформы в августе 1980 г. на заседании Политбюро ЦК КПК (18-23 августа 1980 г.), где было решено приступить к реформированию в стране партийного и государственного управления.¹⁷ По существу, его выступление носило программный характер и содержало конкретные рекомендации по реформированию политического режима КНР после "культурной революции". В той или иной степени эти рекомендации в дальнейшем находили отражение практически во всех документах, принимавшихся в КНР в связи с преобразованиями политического характера. В связи с этим остановимся на них несколько подробнее.

Дэн Сяопин перечислил наиболее "важные противоречия", которые, по его мнению, мешали успешному развитию социалистического общества в Китае. К ним он отнес бюрократизм, патриархальные явления в общественной жизни, чрезмерную централизацию и концентрацию власти в руках отдельных лидеров, пожизненное пребывание в должности руководящих работников всех уровней, а также существование для них различных привилегий и льгот. По словам Дэн Сяопина, бюрократизм в Китае достиг того уровня и масштабов, которые уже вышли "за пределы терпения народа". Порожденные бюрократизмом негативные явления, по словам Дэн Сяопина, получили широкое распространение как "во внутренних делах, так и в отношениях Китая с другими странами".¹⁸ Необходимость проведения преобразований в управленческой сфере подтверждалась и результатами изучения общественного мнения. Так, опрос 2518 человек в 23 городах Китая показал, что в сложившихся условиях подавляющее большинство людей выражали недовольство распространенными фактами злоупотребления властью со стороны партийных и государственных чиновников, их коррумпированностью.¹⁹

Как признавал Дэн Сяопин, бюрократизм в условиях социализма и плановой системы в Китае связан с практикой управления экономикой, политикой, культурой и обществом из центра, где сосредоточена вся полнота власти. В реальной жизни эта власть находится в руках парткомов и их первых секретарей. В связи с этим, говоря о главных направлениях политической реформы в стране, Дэн Сяопин призвал в первую очередь отойти от чрезмерной концентрации власти в руках отдельных руководителей как в центре, так и на местах. Особо был затронут вопрос о недопустимости совмещения постов председателя партии и главы центрального правительства, руководящих должностей в партийных органах и должностей заместителя премьер-министра Государственного совета. На указанном заседании Политбюро ЦК КПК Дэн Сяопин заявил, что сосредоточение в прошлом огромных властных полномочий в руках отдельных лидеров в Китае как раз и явилось одной из основных причин, приведших к произволу во времена "культурной революции". В результате преоб-

разований управленческий процесс должен был стать более демократичным, хотя западные наблюдатели в тот период высказывали предположение о том, что якобы “реформаторы намереваются восстановить внутри господствующей элиты комплекс правил, которые позволят им вести привычную игру в менее рискованных условиях”.²⁰

Сторонники политической реформы предлагали приступить к “разделению партии и правительства” с целью устранения практики, при которой “партия подменяет правительство”. Такое “разделение” должно было позволить руководителям партийных органов сосредоточить усилия на вопросах управления компартией, выработке и осуществлении “линии и курса” КПК, а руководителям правительственных структур — на управлении исполнительными органами. Весьма важным было высказывание Дэн Сяопина о том, что, “реформируя систему партийного и государственного руководства, запрещается использовать методы политических кампаний, массовых пропагандистских движений, обращать острие борьбы с недостатками против кадровых работников и широких народных масс”. Таким образом, речь шла о пересмотре методов осуществления функций политического режима в условиях модернизации страны.

В качестве важного направления деятельности партии и правительства Дэн Сяопин определил изменения и в сфере рекрутирования кадров нового режима, постепенную передачу руководящих полномочий более молодому поколению китайских лидеров. Он потребовал активно привлекать в управленческий процесс “кадры молодые, образованные, имеющие специальные знания”. Эта задача была названа им стратегически важной для страны, так как ее успешное решение было призвано обеспечить преемственность и стабильность “правильного партийного руководства и государственного управления путем выдвижения на первые посты более молодых руководителей, которые должны работать, пользуясь советами, рекомендациями и поддержкой старших товарищей”.²¹ Решение данной задачи увязывалось с постепенным устранением традиционной практики пожизненного занятия руководящих должностей. В связи с этим было предложено дополнить уже принятое по названному вопросу решение 5-го пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва (23-28.02.1980 г.) положениями, предусматривающими “выборы руководителей, процедуру сдачи ими соответствующих экзаменов для допуска к руководящей работе, ротацию кадровых работников, порядок подачи жалоб”.²²

На заседании Политбюро ЦК КПК было также предложено рекомендовать внести в Конституцию КНР дополнения, направленные на более четкую регламентацию прав граждан в управлении государственными организациями, предприятиями и иными структурами; обеспечение реального самоуправления на территориях проживания национальных меньшинств; совершенствование системы собраний народных представителей; недопущение чрезмерной концентрации власти в руках отдельных руководителей.

Наряду с созданием при партийных комитетах комиссий по проверке дисциплины было рекомендовано сформировать и комиссии советников. При этом оба института, имея определенные обязанности и права, должны были способствовать, с одной стороны, использованию в государственных интересах опыта и знаний руководителей-ветеранов, а с другой стороны — стимулировать постепенное омоложение руководящих звеньев всех уровней, делая их повседневную работу более эффективной.

Принятые в ходе заседания Политбюро ЦК КПК рекомендации ориентировали на укрепление правительственных структур, придание им большей самостоятельности при одновременном повышении ответственности за принимаемые решения и их исполнение. Отмечалось, что по вопросам, относящимся к компетенции исполнительных органов власти, не должно приниматься допо-

лнительных решений и указаний от имени партийных комитетов, включая ЦК КПК. Однако в то же время подчеркивалось, что вся "работа правительства должна осуществляться под руководством КПК".

Предлагалось постепенно реформировать действующую под руководством парткомов систему ответственности руководителей и управляющих хозяйственно-экономическими и иными субъектами. Смысл этого реформирования состоял в том, чтобы отвести парткомы от вмешательства в повседневные дела предприятий и дать возможность партийным органам сосредоточить усилия на идейно-политической работе, выполнении общих организационных и контрольных функций. С этой целью планировалось сделать руководителей ответственными не перед партийными комитетами, а перед управленческими советами (комитетами) или правлениями субъектов хозяйственно-экономической деятельности. При этом руководители на предприятиях должны "овладевать техническими знаниями, учиться науке управления, а не пропадать на различных собраниях".²³ Рекомендовалось принять практические меры по формированию в ведомствах, учреждениях, на предприятиях и иных производственно-экономических структурах собраний (советов) представителей рабочих и служащих, имеющих право обсуждать важные производственные вопросы, выбирать определенную категорию руководителей, а также направлять в вышестоящую инстанцию предложения о замене административного руководителя, если он не справляется со своими обязанностями. Решение по важным вопросам должно приниматься только по результатам коллективного обсуждения, и после одобрения большинством оно становится обязательным для исполнения всеми, в том числе и лицами, которые при голосовании были против такого решения. В процедуре голосования должно действовать правило "один человек — один голос", даже если этот "голос" принадлежит секретарю партийного комитета.

Указанное выступление Дэн Сяопина представляется важным и по ряду сделанных им замечаний теоретического характера. Так, например, он пояснил, что "базовая система" (*цзибэнь чжиду*) и "конкретная система" (*цзюйти чжиду*) имеют существенные отличия. И если первая после победы революции в Китае, по его словам, была установлена относительно быстро, то вторая отличалась наличием многих недостатков, которые не позволяют успешно использовать и развивать преимущества социалистической системы. Иными словами, в реформировании нуждается политический режим (или, как говорил Дэн Сяопин, — "конкретная система").

Как видно из сказанного, в Китае уже на начальном этапе реформ имелось вполне конкретное представление о содержании необходимых политических преобразований. Однако сложная внутривластная обстановка и борьба между различными группами на уровне центрального и местного руководства по поводу содержания и тактики преобразований привели в итоге к тому, что практически все предлагавшиеся в 1980 году мероприятия в тот период оказались невыполненными. Комментируя ситуацию, Дэн Сяопин отмечал, что "осуществлять системную реформу нелегко; мало кто открыто выступает против реформ, но как только на практике задевают интересы тех или иных людей, так они вместо содействия реформам начинают им мешать". Немало высокопоставленных руководителей (среди которых был и Чэнь Юнь, являвшийся в тот период первым секретарем Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины) считали, что "политическая система в основном отвечает потребностям экономических преобразований в Китае и только некоторые ее элементы требуют совершенствования".²⁴

К середине 1980-х гг. китайское руководство было вынуждено вновь вернуться к теме реформирования политического режима. В апреле 1986 года

на совещании с руководителями провинций Дэн Сяопин впервые после 1980 года вновь вынес на обсуждение проблему политического реформирования в стране, призвав, в частности, к "ограничению вмешательства КПК в работу правительства и хозяйственных субъектов", а также "внедрению персональной ответственности директоров предприятий на базовом уровне". Далее последовал ряд его других выступлений, в которых подчеркивалась необходимость и важность проведения политической реформы, зависимость от нее всех остальных преобразований в стране, в том числе преодоление коррупции и иных негативных явлений.²⁵ В частности, на заседании политбюро ЦК КПК 28 июня 1986 года Дэн Сяопин предложил начать реформирование политического режима с разделения функций партийных и правительственных органов и передачи полномочий низовым структурам. Он рекомендовал секретариату ЦК КПК в течение года тщательно продумать и предложить конкретные мероприятия, имея в виду, что реформы в политической и экономической областях должны быть "связаны, дополняемы и взаимозависимы".²⁶

Отдел пропаганды ЦК КПК призвал ученых-обществоведов "покончить с молчанием по теоретическим вопросам и заняться проблемами политической и экономической реформы". В центральной партийной печати разъяснялось, что участие в дискуссиях, в ходе которых излагаются различные взгляды по политическим вопросам, является "священным и нерушимым правом каждого гражданина, закрепленным в Конституции".²⁷ При официальной поддержке весной-осенью 1986 года в стране было проведено несколько крупных конференций, посвященных обсуждению политической реформы. Например, во время выступлений на семинаре в партийной школе ЦК КПК предлагалось даже учредить многопартийную систему и распустить первичные партийные организации КПК, так как они являются "продуктом эпохи гражданской войны и их существование не отвечает требованиям нового времени". К тому же, было заявлено, что они создают дополнительные препятствия для проведения реформ в стране.²⁸ Распространенным было мнение единомышленников Су Шаочжи (в тот период — директора Института марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна), которые считали, что экономическая реформа обязательно должна осуществляться одновременно с "модернизацией политической системы, культуры и идеологии" с тем, чтобы "способствовать дальнейшему развитию и консолидации китайского общества".²⁹ По их убеждению, трудности экономической реформы были связаны не с введением рыночного механизма, а с отсутствием гарантий прав граждан на реальное и активное участие в политическом процессе, а также с сохраняющимся влиянием феодализма и слабостью демократических традиций в стране.

Среди недостатков действующего политического режима участниками дискуссий назывались чрезмерная централизация политической власти; неограниченный контроль партии над парламентом, правительством и судебной системой; отсутствие возможностей и механизма контроля за деятельностью политического руководства; бюрократизм и неэффективная работа правительства; вмешательство партии в работу правительства, с одной стороны, и вмешательство правительства в работу предприятий, с другой, — что в итоге тормозило осуществление экономических реформ; отсутствие у людей возможности реально и в полном объеме пользоваться конституционными правами и свободами (например, свободой слова, прессы, проведения собраний и демонстраций, создания объединений); отстранение народа от участия в принятии политических решений; слабость контрольных функций законодательных органов в отношении деятельности исполнительных органов власти; недостаточные возможности судебных органов по контролю за деятельностью законодательных и исполнительных органов.

Для устранения изъянов и реформирования политического режима в ходе обсуждений предлагалось предоставить реальные гарантии свободы слова, закрепив их в соответствующих законах; обеспечить гражданам право на участие в дискуссиях по политическим вопросам, а также возможность свободной публикации статей и других материалов по проблемам политического характера; создать условия, при которых средства массовой информации могли бы полнее и глубже осуществлять "критическое наблюдение" за работой партийных и правительственных органов; четко разграничить задачи и функции на всех уровнях между партией и правительством, а также между партией и законодательными органами; разделить функции между правительством и предприятиями; осуществить децентрализацию полномочий по принятию политических решений; создать условия, гарантирующие глубокую научную проработку принимаемых политических решений с привлечением для этого соответствующих экспертов и ученых; усилить роль собраний народных представителей и их постоянных комитетов, как органов, контролирующих правительство; усилить под руководством КПК деятельность демократических партий; упростить структуру управления, сократить количество административно-управленческих звеньев и их штатную численность; усовершенствовать правовую систему; поднять уровень независимости судебной власти, гарантировать ее "непартийность" и действительное равенство всех граждан перед законом; разработать административный кодекс, административно-процессуальное законодательство, учредить систему административных судов.³⁰ Изложенное показывает, что в ходе обсуждений предлагались меры, которые напрямую касались не только "внешней оболочки", но и самого "ядра" политической системы, что могло, как полагали в китайском руководстве, нарушить ее стабильность.

Обсуждение политической реформы приобрело дополнительную остроту в декабре 1986 года, когда в 13 городах Китая прошли многочисленные студенческие демонстрации с требованием предоставить народу больше демократии и свободы. В западных источниках в этой связи высказывалось даже предположение, что "за спиной демонстрантов в тот период стояли реформаторские силы внутри КПК, которые намеревались "с улицы" оказать давление на консервативные силы в партийном руководстве".³¹

Радикализация "дискуссии" внесла определенные коррективы в содержание и методы планировавшихся политических преобразований в Китае. Дэн Сяопин был вынужден признать, что "содержание политических реформ еще только обсуждается", а при их проведении "надо проявлять величайшую осторожность, определить границы реформы, наметить и осуществить сначала одно-два дела, избегая поспешных и крупных перемен, которые могли бы вывести процесс преобразований из-под контроля и ввергнуть страну в состояние хаоса и беспорядка". Группа влиятельных деятелей в китайском руководстве (Ван Чжэнь, Бо Ибо, Сун Жэньцун, Ху Цяому, Дэн Лицунь) оценила демонстрации и требования студентов как "идеологическую линию, направленную на буржуазную либерализацию общества, тотальную вестернизацию страны, отмену социалистической политической системы и введение вместо нее капиталистической системы".³²

В результате отношение к реформе стало более сдержанным из опасений, что поспешность и слабая подготовленность мероприятий может дестабилизировать обстановку в стране, подорвать основы социалистической политической системы. Партийная пресса подчеркивала, что реформа политической системы является более сложным делом, чем реформа экономики, она требует усилий не одного поколения, а при ее осуществлении необходимо опираться на "четыре главных принципа" (демократическая диктатура народа; марксизм-ленинизм, идеи Мао Цзэдуна; построение социализма; руководство коммуни-

стической партии), сохраняя единство и стабильность в стране.³³ Состоявшийся осенью 1986 г. 6-й пленум ЦК КПК двенадцатого созыва ограничил дискуссию по проблемам политической реформы исключительно рамками научных исследований, по существу запретив обсуждение данной темы вне пределов партийных организаций и научной среды. В утвержденном на пленуме "Решении об основных принципах строительства социалистической духовной культуры" говорилось о том, что "идеология и общественная система капитализма должны быть категорически отвергнуты, осуществление буржуазной либерализации противоречит фундаментальным интересам народа, идет вразрез с историческим развитием".³⁴

Тем не менее, с поправкой на более "взвешенный" подход к детализации теоретических проблем и осуществлению ряда практических мероприятий политической реформы в Китае под руководством компартии продолжалась работа по накоплению необходимого опыта и его обобщению преимущественно в сфере административного управления.

В результате проделанной специалистами работы был подготовлен проект общих предложений по проведению реформы политической системы в Китае. Он состоял из десяти частей: цели политической реформы; разделение партийных и правительственных функций; партийное строительство; передача полномочий нижестоящим структурам; реформа учреждений; реформа кадровой системы; создание системы общественных консультаций; совершенствование основ социалистической демократии; усиление правового строительства; принципы осуществления политических преобразований. В октябре 1987 года указанный проект после его одобрения членами политбюро ЦК КПК был передан на обсуждение 7-го пленума ЦК КПК двенадцатого созыва. В итоге утвержденные на пленуме "Общие предложения по проведению политической реформы" были включены в доклад ЦК КПК XIII съезду КПК.

Обострение внутривнутриполитической ситуации (в частности, борьба с "буржуазной либерализацией" в 1987-1988 гг., выступления студентов и массовые беспорядки с их участием в ряде городов Китая в июне 1989 г.), которое последовало вскоре после утверждения на XII съезде КПК тезисов политического реформирования в Китае, по существу, приостановило намечавшиеся преобразования. Произшедшие события и усилия стойких марксистов в правящей элите убедили китайское руководство, что к политическим преобразованиям, и в первую очередь к пересмотру места и роли коммунистической партии в обществе, следует подходить крайне осторожно и постепенно, не подвергая угрозе устойчивость политического режима в стране. В связи с этим изменения политического свойства в последующем происходили в рамках постепенного и назревшего упорядочения конкретных политических институтов и процедур и исключительно в целях их более полного соответствия потребностям и запросам экономической реформы.

На XIV съезде КПК (1992 г.) ближнесрочные задачи политического реформирования в Китае были сформулированы, исходя из особенностей текущей обстановки в стране и в соответствии с требованием построения социалистической рыночной экономики. В частности, в течение 3-5 лет предлагалось сконцентрировать усилия на том, чтобы, во-первых, продолжать совершенствование деятельности китайского парламента — Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), развивать сотрудничество квазидемократических партий и системы политических консультаций (в рамках Народного политического консультативного совета Китая — НПКСК) под руководством и контролем КПК, а также продвигать вперед социалистическое правовое строительство в Китае, ориентированное преимущественно на обеспечение рыночных преобразований и социально-политической стабильности. Кроме того, предлагалось осуществить структурно-функциональную реформу администра-

тивного управления, в ходе которой пересмотреть полномочия ведомств, сократить и качественно улучшить аппарат, повысить эффективность всей управленческой работы. Вопросы же разделения функций партийных и правительственных органов были изъяты из программы реформирования политического режима.

На XV съезде КПК (1997 г.) была поставлена задача модернизации режима политической власти в стране в направлении, обеспечивающем создание и совершенствование "социалистической политической системы с китайской спецификой". Это означало преемственность определенного предыдущим партийным съездом курса, нацеленного на дальнейшее развитие демократических форм управления с китайской спецификой (опора на ВСНП и НПКСК при дальнейшем усилении руководящей роли КПК), укрепление законности, разделение функций в сфере административно-исполнительной власти, дальнейшее сокращение управленческого аппарата, совершенствование различных сфер контрольной деятельности, а также поддержание стабильности и единства в обществе. Вопросы совершенствования форм демократической жизни были ограничены рамками "базового уровня" и сводились к тому, чтобы в поселках и деревнях "больше заниматься демократизацией избирательной системы, более открыто вести административные и финансовые дела, создавать условия для широкого участия населения в обсуждении актуальных проблем местного значения. В этих целях канцелярии ЦК КПК и Госсовета КНР в совместном документе, принятом 18 апреля 1998 г. (опубликован 11 июня 1998г.), конкретизировали некоторые вопросы, связанные с демократическим управлением на уровне деревень.³³

В материалах XV и XVI съездов КПК (2002 г.) вновь подчеркивается важность постепенного и упорядоченного осуществления политической реформы. При этом развитие демократии призвано в первую очередь обеспечивать и защищать общественный порядок, стабильность, оно должно подчиняться интересам экономического развития страны и осуществляться под руководством Коммунистической партии Китая. Демократизация в обязательном порядке должна быть увязана с совершенствованием социалистического права в КНР.

Реформа политического режима в КНР определена XVI съездом КПК как "способ самосовершенствования и развития социалистической политической системы". Она должна способствовать укреплению партии, усилению мощи государства, развитию особенностей и преимуществ социалистической политической системы; в полной мере регулировать активность и творчество народных масс; оберегать единство государства, национальную сплоченность, социальную стабильность; способствовать экономическому развитию и всестороннему общественному прогрессу. При этом подтверждается категорическое неприятие копирования "образцов западных политических систем". Сказано и о том, что социалистическая демократизация с китайской спецификой предусматривает "четкую организацию, регламентацию и порядок".

Реформирование политического режима в Китае предложено и дальше осуществлять в направлении развития системы собраний народных представителей и совершенствования деятельности их постоянных комитетов; укрепления "многопартийного" сотрудничества под руководством КПК, придерживаясь курса на "длительное существование, взаимный контроль, искренние взаимоотношения, поровну делить славу и позор" (чнци гунцунь хусян цзяньду ганьдань сяньчао жунжу юйгун); расширения демократии на базовом уровне (цзицэн миньжу). К 2010 г. должна быть создана "система законов социализма с китайской спецификой", которая наряду с решением других задач должна стать надежным заслоном на пути регионализма и местничества.

XVI съезд КПК особо подчеркнул важность работы по совершенствованию руководящей деятельности партии в новых условиях. КПК должна осуще-

ствлять комплексное политическое, идеологическое, организационное руководство, вырабатывать основной политический курс, вносить законодательные предложения, выдвигать кадры на руководящую работу. Партия должна наблюдать и контролировать всю обстановку в стране в целом, в том числе работу законодательных и правительственных органов, общественных структур. Основные усилия режима следует сосредоточить на построении в Китае общества среднего достатка (сяокан), что должно гарантировать стабильность политической системы через укрепление ее материальной составляющей.

Таким образом теория и опыт политических преобразований в Китае обуславливают существование на продолжительную перспективу такого режима, который будет гарантировать сохранение и совершенствование социалистической политической системы с китайской спецификой. Реформирование политического режима, выступающего в качестве ее "внешней оболочки", строго ограничено рамками правового обеспечения экономических реформ, сохранения стабильности и общественного порядка, особенно на фоне углубляющейся дифференциации в обществе, и расширения социальной базы КПК в условиях модернизации КНР.

1. Пу Синцзю. Чжунхуа жэньминь гунхэго. Чжэнчжи чжиду [КНР. Политическая система]. Шанхай, 1999; Ши Цзюцин. Дандай чжунго чжэнчжи юньсин цзичжи [Политический механизм современного Китая]. Цзинань, 2002 и др.
2. Ильинский И.П., Мишин А.А., Энтин Л.М. Политическая система современного капитализма. М., 1983. С.15.
3. Егоров К.А. Китайская Народная Республика. Политическая система и политическая динамика. М., 1993. С.9, 10.
4. Barnes J.F., Carter M., Skidmore M.J. The World of Politics. A Concise Introduction. Second ed. N.Y., 1984. P.204.
5. Хрусталеv М.А. Теория политики и политический анализ. М., 1991; Бурлацкий Ф.М. Ленин. Государство. Политики. М., 1970; Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан. Очерки политической социологии капитализма. М., 1985; Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М., 1995; Зеленцов А.Б. Основы общей теории политики. М., 1995; Громыко А.Л. Политические режимы. М., 1994; Brzezinski Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. N.Y., 1965; Burns J.P. China's "Leviathan" // The Asian Wall Street Journal (Hong Kong). 16 March 1998; Bustello Pablo. Economic Development and Political Transition in Taiwan and Spain: A Comparative Analysis // Issues and Studies. Vol. 28. No.4. April 1992, Taiwan, Taipei и др.
6. Цыхай. Шанхай, 1980. С. 1466.
7. Фасюе цыдянь. Шанхай, 1984. С. 674.
8. Шэхуэй чжуи чжэнчжисюэ [Социалистическая политология] / Под ред. Юнь Гуана: Жэньминь чубаньшэ, 1985. С. 88.
9. Говай чжэнчжисюэ. Пекин, 1985. № 4. С. 29, 38.
10. Се Цинкуй. Дандай чжунго чжэнфу [Правительство современного Китая]: Ляонин жэньминь чубаньшэ, 1992; Гао Минчжэн. Чжунго чжэнфу юй чжэнчжи [Политика и правительство Китая]: Хуанхэ чубаньшэ, 1993; Чжэн Чусюань, Лю Шаочунь. Дандай чжунси чжэнчжи чжиду бицзяо [Сравнительный анализ политических систем современных западных стран и Китая]: Гунадун жэньминь чубаньшэ, 2002.
11. Лю Хань. Вогодэ готи хэ чжэнти [Тип государства и форма организации политической власти в Китае] // Жэньминь жибао. 1982. 24 мая.
12. Чжэнчжисюэ цыдянь. Чэнду, 1986. С. 434.
13. Ху Вэй. Чжэнфу гочэн [Правительственный процесс]. Ханчжоу, 1998. С. 124-126.
14. Ши Цзюцин. Дандай чжунго чжэнчжи юньсин цзичжи [Политический механизм современного Китая]. Цзинань, 2002. С. 1.
15. Чжэнчжисюэ цыдянь. Чэнду, 1986. С. 434.
16. Гуаньюй чжэнчжи тичжи гайгэ вэньти [По вопросу реформы политической системы] // Дэн Сяопин вэньсюань [Дэн Сяопин. Избранные произведения]. Пекин,

1993. Т. 3. С. 178; Дан хэ гоцзя линдао чжидудэ гайгэ [Реформа системы партийного и государственного руководства] // Дэн Сяопин вэньсюань [Дэн Сяопин. Избранные произведения]. Пекин, 1994. Т.2. С. 322.
17. Дан хэ гоцзя линдао чжидудэ гайгэ [Реформа системы партийного и государственного руководства] // Дэн Сяопин вэньсюань [Дэн Сяопин. Избранные произведения]. Пекин, 1994. Т. 2. С. 320-341.
18. Дан хэ гоцзя линдао чжидудэ гайгэ [Реформа системы партийного и государственного руководства] // Дэн Сяопин вэньсюань [Дэн Сяопин. Избранные произведения]. Пекин, 1994. Т.2. С. 327.
19. Stavits B. China's political reforms. N.Y., 1988. P.17.
20. Leys S. Is there Life after Mao? Sydney, Quadrant. Vol.30. No.223. 1986. P.56.
21. Not reforming the political structure will hamper the development of productive forces // Beijing review. May 18, 1987. №20. P.15.
22. Гуаньюй даннэй чжэнчжи шэнхөдэ жогань чжуньцзэ [О некоторых нормах внутрипартийной политической жизни] // Жэньминь жибао. 1980. 15 марта.
23. Дан хэ гоцзя линдао чжидудэ гайгэ... С. 340. Следует отметить, что данный тезис (под номером 4) не был опубликован в 1980 г., и впервые появился в том варианте выступления Дэн Сяопина, который был помещен в газете "Жэньминь жибао" лишь 1 июля 1987 г.
24. Cheng Xiang. News from Beidaihe // Wenweibao. Aug. 8, 1986. P. 2; Чэнь Ицзы. Китай: десятилетие реформ. (Перевод Ю.М.Галеновича) // Информационный бюллетень. М.: ИДВ РАН, 1996. № 10. Ч. 1. С. 131.
25. Выступление в ходе заслушивания отчетов об экономическом положении // Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М., 1988. С. 176-177; Цзай тинцю цзинци цинкуан хуэйбаоши таньхуа [Выступление на заслушивании доклада по экономической ситуации 10 июня 1986 г.] // Дэн Сяопин вэньсюань. Пекин, 1993. Т.3. С. 160; Выступления Дэн Сяопина на заслушивании руководящей группы ЦК КПК по финансово-экономическим вопросам 13 сентября 1986 г., на встрече с японской делегацией 3 сентября 1986 г. // Дэн Сяопин вэньсюань. Пекин, 1993. Т. 3. С. 176, 177; Zhengming. (Hong Kong). 1986. September. P. 8.
26. Гуаньюй чжэнчжи тичжи гайгэ вэньти [К вопросу о реформе политической системы] // Дэн Сяопин вэньсюань [Дэн Сяопин. Избранные произведения]. Пекин, 1993. Т. 3. С. 164, 177, 178; Дэн Сяопин чжэнчжи тичжи лилуньяньцзю [Исследование теории политической системы Дэн Сяопина]. Под ред. Ли Цзинчжи. Пекин: Изд-во Народного университета Китая, 1999. С. 97.
27. См. статью "Можно обсуждать политические вопросы" // Жэньминь жибао. 1986. 30 августа.
28. Zhengming (Hong Kong). December 1986. С. 10.
29. Жэньминь жибао. 1986. 15 августа.
30. Гуанмин жибао. 1986. 14 июля; Жэньминь жибао. 1986. 1,15,30 августа; Wen Hui Bao (Shanghai). 1986. 8 августа; Wen Hui Bao (Hong Kong). 21, 22 July 1986.
31. China aktuell. Dezember 1986. S.751.
32. Жэньминь жибао. 1986. 29 декабря.
33. Жэньминь жибао. 1986. 7,8,13,23,25 декабря.
34. Жэньминь жибао. 1986. 29 сентября.
35. China aktuell. Juni 1998. S.595.

Военные специалисты США об актуальных проблемах Корейского полуострова

© 2004

К. Асмолов

В сентябре-декабре 2003 г. автор этих строк прошел специальный 12-недельный курс обучения в США, в колледже Центра исследований безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Asia-Pacific Center for Security Studies. — APCSS), расположенной в Гонолулу полувоенной организации, тесно связанной с военным ведомством, в особенности — с его Тихоокеанским командованием (PACOM) и руководимой генерал-майором в отставке Хэнком Стэкпоулом.

Этот курс был посвящен актуальным проблемам международной безопасности, в том числе связанным с Корейским полуостровом. Значительное внимание уделялось и так называемому "северокорейскому ядерному кризису" — как в рамках лекций и семинаров основного курса, так и на дополнительных спецсеминарах, один из которых, руководимый доктором Александром Мансуровым, был специально посвящен Корее.

Корейская проблема занимала достаточно места и на проведенной Центром 2-4 декабря 2003 г. конференции "Russia and Russian Far East: Transnational Security and Regional Cooperation", посвященной проблемам российского Дальнего Востока. Заседание, на котором рассматривались вопросы взаимодействия России и Кореи, фактически было посвящено тому, что происходит на Корейском полуострове, и какую роль в урегулировании проблем там может сыграть Россия.

Во время пребывания в Центре я имел возможность формально и неформально общаться с представителями военных кругов США различного ранга и статуса: от помощника министра обороны Ричарда Лоулесса, ответственного за формирование американской политики в области безопасности в АТР, или главнокомандующего PACOM четырехзвездного адмирала Томаса Фарго до офицеров в чине полковника или подполковника, чей род занятий или военная карьера имеют отношение к актуальным проблемам Корейского полуострова.

Помимо этого, в подготовке данной статьи использованы материалы заседания Круглого стола по мерам укрепления доверия, которое проводилось в рамках основного курса обучения и на котором с подробным докладом выступал представитель РК.

Все это дало возможность собрать достаточно интересный материал, позволяющий проанализировать взгляд на актуальные проблемы Корейского полуострова "с той стороны". Это весьма важно, так как, относительно хорошо

представляя себе точку зрения властной группировки, находящейся сегодня у руля США, мы не всегда знаем как альтернативные точки зрения на проблему, так и позицию руководителей среднего эшелона.

Общие положения и взгляд на политику США

Большая часть контактировавших со мной американцев не имела предвзятых и не испытывала предубеждений по отношению к России. Понятно, однако, что, даже не соглашаясь с действиями своей администрации, они верят в то, что цели президента США благородны и действительно направлены на решение общемировых проблем, а не установление мирового господства.

Стратегические принципы американской политики нам предпочитали объяснять через цитаты (как риторические, так и весьма откровенные), из которых я обратил внимание на три. Больше всего понравилась цитата из с. Хантингтона, который остается светилом американской геополитики: главные цели состоят в том, чтобы а) сохранить статус США как мировой супердержавы; б) предотвращать возникновение иных военно-политических гегемоний в Евразии; в) защищать интересы страны в "третьем мире", в особенности в Центральной Америке и на Ближнем Востоке. Никаких упоминаний о ценностях!

На втором месте — высказывание Дж. Буша о том, что "мы стремимся сделать мир не просто безопаснее, но лучше". На третьем — заявление К. Пауэлла о том, что "мы не империалисты, так как не стремимся к территориальным захватам". Забавное заявление, так как его автор старательно не учитывает, что теперь для того, чтобы присвоить продукты, производимые на некоей территории, прямой контроль над ней уже не нужен.

В Центре, однако, имперскую модель не поддерживали и, сдержанно относясь к нынешней политике Буша, предпочитали ей принцип гегемонии, вкладывая в это понятие несколько иное содержание, чем то, которое принято у нас.

Концепция гегемонии в трактовке специалистов Центра подразумевает добровольное следование окружающих стран курсу, который выбирает и указывает гегемон. При этом, в отличие от имперской модели, его власть (не забудем, что власть трактуется как способность навязать свою волю) строится не столько на давлении, сколько на личном примере и таком превосходстве в экономическом и социальном развитии, которое просто не вызывает у окружающих стран вопроса о приемлемости иного пути развития. По мнению руководителя Центра, США не столько пытаются навязать третьему миру американскую модель, сколько пытаются помочь: генерал уверен, что все страны в той или иной степени движутся к демократии — просто с разной скоростью.

Заметим, что когда во время дискуссии я развил этот тезис посылок о том, что в таком случае попытки использовать прямое силовое давление могут быть расценены как признак слабости страны-гегемона, у которого не хватает "духовных заслуг" на то, чтобы вести людей за собой, со мной согласились.

Правда, мера отличия империи от гегемонии понимается ими своеобразно. На семинаре я минут десять расписывал понимание их стратегии "у нас", включая систему "недоразвитых стран", которым не дают превратиться в развитые и "сбрасывают вниз", если надо; управление посредством "создания контролируемой нестабильности" (впервые придуманное англичанами в Индии и Палестине); использование глобализации как механизма навязывания правил игры и набора ценностей, и получил в ответ, что даже это — еще НЕ имперская модель, так как в ней США не столько мировой полицейский,

сколько гарант, функция которого — поддерживать выгодный статус-кво, а не навязывать миру нечто еще более демократическое.

Следует учитывать и “призму 11-го сентября”, через которую американцы воспринимают теперь многие события, и достаточно сильные изоляционистские настроения. Цена, которую народ вынужден платить за курс Буша, кажется ему слишком высокой. На те средства, которые тратятся на поддержание интересов Америки за ее пределами, можно решить массу более важных растущих внутренних проблем.

По мнению американских респондентов, международные обозреватели недостаточно учитывают то, насколько Америка всегда была и остается изоляционистской и нетолерантной страной. Просто теперь гетто окружили флажками, и когда его обитатели (неважно, негры, геи или кто-то еще) пытаются за них выйти, их прижимают не менее быстро и жестко, чем когда “большинство” начинает лезть за флажки и нарушать их *privacy* со своей стороны. Малая группа имеет свое представительство во власти на определенном уровне, но именно на определенном! Ни более, ни менее. Города — это, конечно, витрина, но американская глубинка, которая начинается за любой кольцевой дорогой, имеет совсем иной уровень толерантности.

Политику Буша поддерживают далеко не все, и поэтому мне не раз говорили, что ситуацию с Ираком не стоит воспринимать как непремennую модель американской политики на ближайшее будущее. С другой стороны, признают, что, начнись война, каждый будет честно выполнять свой долг перед страной. Я спросил, не в том ли дело, что профессионалы знают цену крови куда лучше, чем политики, представляющие себе войну по ТВ, но, по их мнению, дело не только в этом. Военная бюрократия, которой полно и в армии США, и бремя ответственности ведут к тому, что на вершину военной пирамиды поднимаются только люди искушенные и осторожные. Тех, кто привык действовать в стиле *shoot from a hip*, обычно увольняют. Между тем у политиков/гражданских такой отбор делается менее тщательно и потому среди поднявшихся наверх гораздо больше сторонников стрельбы с бедра.

С другой стороны, когда надо переходить к решительным действиям, американские дипломаты, отвечающие за внешнюю политику, нередко колеблются между Сциллой “последствий Мюнхенскогоговора” и Харибдой “вьетнамского синдрома”. Обе ситуации вызывают одинаково негативную реакцию общественного мнения, что подрывает престиж власти.

Естественно, есть и иная точка зрения. Представителей “ястребов” я слышал, в основном, на торжественном мероприятии, посвященном Дню ветеранов. Наиболее интересным было выступление командующего войсками морской пехоты на Тихом океане. Так как церемония Дня ветеранов 2003 года была посвящена не только этому ежегодному празднику, но и 50-летию со дня окончания Корейской войны 1950-1953 гг., генерал попытался связать прошлое и будущее.

Получилось вот что: “Корейская война еще не закончилась. Это — *thing that should be done and soon will be done*. Война, многие уроки которой мы понимаем только сейчас”. По мнению выступавшего, именно она была первым столкновением США с международным терроризмом и ограниченной войной, когда США защищали интересы чужого государства (ООН не была упомянута вообще) и не выбирали себе противника. Как и Корейская война, нынешняя война с терроризмом будет долгой и будет вестись везде, где террористы выют гнезда. И если многие сомневаются или волнуются за судьбу страны, он — НЕТ. Наше дело правое, и “мы победим, как победили в Корее”.

Впрочем, есть и еще одна точка зрения, которая сводится к тому, что пока КНДР еще нужна Америке: если бы Соединенные Штаты действительно придерживались цели “задушить КНДР экономически”, они сделали бы это достаточно быстро, эффективно и невзирая на какие бы то ни было протесты со стороны негосударственных организаций или гражданских групп. По их мнению, США не хотят уничтожения режима (зачем - иной вопрос) и потому были основным источником помощи стране в голодные 1996-1998 гг. Представляется, что такая позиция характерна для военных, склонных преувеличивать возможности государственной машины своей страны.

Северокорейский ядерный кризис

Эта тема безусловно была самой волнующей, но если суммировать все то, что мне говорили, то можно сделать вывод о том, что единого подхода к северокорейской проблеме у американцев нет, причем, чем дольше и глубже тот или иной специалист изучал корейский вопрос, тем менее его точка зрения похожа на ту, которую мы привыкли слышать из уст представителей американской администрации.

Анализ позиций хочется начать с точки зрения руководства Центра, высказанной его начальником на одной из вступительных лекций.

Выступление генерала было лишено привычной нам риторики, адресованной “террористическим государствам” или “странам-изгоям”. КНДР упоминалась в перечне прочих проблем, и генерал отметил, что “мы” боимся не столько ее бомбы самой по себе, сколько того, что эта бомба или иные ядерные материалы могут утечь в руки третьих лиц (читай — более враждебных Америке). Задача США — создать благоприятную обстановку, при которой ситуация была бы урегулирована (заметим, что пассаж “благоприятной обстановки” почти точь в точь повторяет высказывания ряда представителей КНР).

Что же до обвинений Пхеньяна в нерациональном поведении, генерал привел высказывание из такого известного 82-летнего исследователя КНДР, как Роберт Скалапино, который в последнем интервью сказал: “Действия Пхеньяна безусловно рациональны — с точки зрения феодального государства XVII века. Но время-то на дворе иное!”

Вполне адекватен был по поводу КНДР и адмирал Фарго, приветствуя решение о проведении второго раунда переговоров в Пекине и не видя особенной угрозы в самом Ким Чен Ире. По мнению адмирала, Пхеньян волнует собственная безопасность и он хорошо понимает, что нападение на РК для него самоубийственно. Гораздо более Фарго беспокоит то, что по бедности или иной причине бомбу могут кому-то продать.

Американских военных особенно пугает перспектива наличия ядерного оружия в руках негосударственной организации (НГО), так как этот факт разрушит сложившуюся систему ядерного сдерживания, ибо не имеющая своей территории НГО может не опасаться ответного удара, на страхе перед которым построен существующий миропорядок.

Бывший российский ученый, доктор Александр Мансуров, ведущий специалист Центра по корейской проблематике, считает, что в ядерном вопросе достаточно темных моментов. Во-первых, кризис начался с того, что господин Келли обвинил КНДР в производстве обогащенного урана. Но сейчас все говорят только о плутонии. К чему бы это?

Во-вторых, американцы упорно начинают отсчет кризиса с того, что Север выслал из страны специалистов МАГАТЭ, забывая про то, что США не выполнили свою часть рамочной договоренности, которую Америка стремится

позиционировать как полноправное соглашение, нарушенное режимом Ким Чен Ира. Между тем, подобным образом Северную Корею обводят вокруг пальца не первый раз. В 1985 г. Ким Ир Сен вошел в ДНЯО в обмен на три реактора, которые должен был построить СССР, но после развала Советского Союза и последующего курса Ельцина, который прямо сказал, что “о Ким Чен Ире и слышать не желает”, все формы сотрудничества между СССР и КНДР прекратились. Тем не менее, в 1994 г. в связи с рамочной договоренностью, Пхеньян заморозил все ядерные программы, которые были известны американцам.

В-третьих, много вопросов остается в связи с заявлениями северян в настоящее время. Есть ли у них иные объекты кроме комплекса в Енбене, который, невзирая на имеющийся в КНДР опыт строительства секретных объектов под землей, выстроен так, что его видно с воздуха? Когда успели смонтировать новое оборудование? Когда и на чем переработали отработанные стержни и откуда взялись еще 8 тысяч стержней, которыми перезарядили реактор, так что он работает (этот факт подтверждает аэрофотосъемка)? Если у Пхеньяна есть ядерное устройство, то на каком технологическом уровне оно находится: собрали опытный образец, уменьшили до размеров современного боеприпаса, запустили в серию, поставили на ракеты?

Хочется напомнить, что по итогам работы группы независимых американских экспертов, которая посетила Пхеньян зимой 2004 г., ситуация по-прежнему неясная. Северокорейцы продемонстрировали им только образец материала, похожего на плутоний, и руководитель делегации Льюис З. Хекер склоняется к тому, что технология у КНДР есть, но оружие пока не создано, и до этого еще достаточно далеко.

В связи с этим А. Мансуров полагает, что КНДР гораздо больше работает на сдаче ядерной программы, нежели на ее применении. Иными словами, если бомбу продадут, то не Бен Ладену, а Бушу. Тем более что, по его словам, северокорейский представитель в ООН интересовался деталями гарантий (своей стране в этом случае) еще в декабре 2003 г. — это можно было трактовать и как готовность пойти на условия США, и как проверку того, насколько предложение США действительно искреннее, честное и подготовленное. Он возлагает надежды на новую команду переговорщиков, в которой не будет Келли (хотя, как мы видим, он-таки продолжает возглавлять делегацию США) и предлагает американцам ничему не верить и требовать от КНДР конкретных доказательств вместо риторики.

Большое место корейская тема занимала на курсе по переговорному делу и разрешению конфликтов. Преподаватель Карл Бейкер, ведущий этот курс, участвовал в событиях 1993–1994 гг. и вел в Центре курс по Корее до А. Мансурова. С точки зрения профессионального переговорщика, корейский случай чрезвычайно сложен. Так, многие проблемы переговорного процесса связаны с тем, что американская и северокорейская стороны придерживаются принципиально разных стратегий, однако ни та, ни другая не направлена на поиск совместного решения общей проблемы.

Американцы применяют “стратегию торга”, в рамках которой переговоры не сильно отличается от перепалки с продавцом на рынке — обе стороны стоят на неких позициях и стремятся продвинуть свою точку зрения с учетом того, что полный компромисс, скорее всего, недостаточно выгоден обеим сторонам. У каждой стороны есть тот рубеж, до которого она готова уступать, равно как и планка реалистичной и не обязательно полной победы. В этом пространстве и происходит своего рода “армрестлинг”, сдвигающий соотношение своей и чужой выгоды в ту или иную сторону.

Такая модель идеально накладывается на американскую культурную модель, в которой все имеет свою цену, а мир есть Рынок. Однако в основном она сводится к искусству использования силы, не создает дополнительных альтернатив и является чистым примером ситуации, в которой выгода одного всегда означает поражение другого (так называемая игра с нулевой суммой).

КНДР же держится иной стратегии, которую можно условно назвать "подтверждением принципа", и которая, по мнению преподавателя, была весьма популярна на Дальнем Востоке и отчасти в СССР. В ней переговаривающиеся стороны начинают с того, что вместе устанавливают некое принципиальное положение наподобие "Нам нужен мир", "Китай — Один" (база переговоров КНР и Тайваня) или "Три принципа объединения Севера и Юга", а затем начинают как бы оговаривать его детали и дополнительно разбираться с тем, как стороны понимают этот лозунг. Это очень похоже на конфуцианскую привычку вести дискуссии, когда каждая из сторон пыталась убедить другую в том, что ее комментарий классика более точен и верен.

Этот метод направлен на установление полного взаимопонимания и часто работает при встрече людей с похожими подходами. Однако его канон предполагается, что обе стороны уважают друг друга. Да и вообще роль неформальных отношений и стиля общения становится очень важной. Понятно, что взаимодействие двух столь разных стратегий в сочетании с набором культурных различий и сильным взаимным предубеждением, когда любое предложение другой стороны в первую очередь воспринимается как провокация или поиск скрытой выгоды, не ведет к установлению продуктивных контактов.

Кроме того, американской стороной не совсем правильно выделены суть проблемы и ее масштаб. Участниками конфликта, безусловно, являются не только КНДР и США, но все участники шестисторонних переговоров, так что проблема является как минимум региональной. Что же до сути проблемы, то, несмотря на внешнюю несочетаемость принципиальных позиций, которая наблюдается пока в американо-северокорейских переговорах, ряд преподавателей Центра считает, что противоречие это не настолько непримиримое, и опыт Кэмп-Дэвидского соглашения в отношении Синайского полуострова может быть хорошим примером правильной тактики в этом вопросе. Кэмп-Дэвидские соглашения при этом трактуются так: Картер сумел убедить обе стороны, что их позиции не взаимоисключающие (Египту Синайский полуостров был нужен как принадлежащая ему земля, Израиль же был озабочен проблемами безопасности и нуждался в прикрытии своих границ). В итоге Египту отдали полностью демилитаризованный Синай, который в глазах Израиля вполне выступал в роли буфера. Волки сыты, овцы целы...

Естественно, все эти выкладки чего-то стоят, если американская сторона действительно нацелена на решение проблемы, а не имитацию переговорного процесса с целью его срыва и перехода к иным вариантам. Но как я уже говорил, в Центре деятельность своего правительства считали искренней.

На том же курсе была интересно развита проблема взаимных угроз. Известно, что угрожающая риторика применяется обеими сторонами, но "ритуальные выражения", в которых это делает КНДР и которые весьма напоминают российскому читателю конец 30-х годов в СССР, в современной обстановке не только выглядят анахронизмом или моветоном, но и нередко некритично принимаются на веру. В результате "ядерная угроза КНДР" превратилась в своего рода брэнд.

Тема КНДР затрагивалась и на лекции по правовым аспектам ядерного вооружения, где нам разъяснили, почему на нее давят сильнее, чем на Паки-

стан, Индию или Израиль. Дело в том, что эти три страны- бомбовладельца, подписав в свое время ДНЯО, так и не ратифицировали его. КНДР же это сделала и потому вроде бы является официальным нарушителем закона. Конечно, в результате получается, что с точки зрения бюрократической квази-логики было выгоднее в договор не вступать (ибо выходит, что Индия и Пакистан “ничего не нарушили”), но формально, с точки зрения международного права, “вина” Северной Кореи больше.

Также, кроме Договора о нераспространении ядерного оружия, выход КНДР из которого еще может быть оправдан, существовала и совместная Декларация о денуклеаризации Корейского полуострова, официально принятая по результатам переговоров 1990-1991 гг. между премьер-министрами КНДР и РК. Вот ее Север и нарушил.

Правда, при этом выпускается из виду как статья ДНЯО, согласно которой страна имеет право выйти из него в случае угрозы ее национальной безопасности, так и то, что ни на Индию, ни на Израиль не очень-то надавишь.

Классический взгляд на КНДР как на опасного врага, с которым в последнее время начали цацкаться, среди коллег по курсам встретился только у одного респондента. Это неудивительно, так как данный подполковник морской пехоты США долго служил в РК, где сначала был рейнджером, потом руководил отделом специальных операций, непосредственно имея дело с проявлениями северокорейской активности, а затем — отделом внешних связей войск морской пехоты США в РК.

Сходной точки зрения придерживался и Ричард Лоулесс. В ответ на мой вопрос он ответил, что принимал участие в первом раунде шестисторонних переговоров в качестве эксперта и абсолютно уверен в том, что КНДР имеет и возможности для изготовления бомбы, и сильное желание ее изготовить. Сделав, по его мнению “неверные” оргвыводы из индо-пакистанского опыта, КНДР решила мобилизовать свои ресурсы на обретение ядерного оружия в качестве способа повышения своего статуса путем асимметричного ответа.

Как было заявлено ему на переговорах, КНДР “готова продемонстрировать свои ядерные возможности”, и, по мнению Лоулесса, неважно, есть ли у нее бомба, а важно то, что ее могут сделать — технологии строительства реакторов или обогащения урана у северян есть. Следовательно, вполне можно предположить, что Север будет экспортировать если не бомбу, то ядерные технологии, которые рано или поздно могут попасть в руки международных террористов.

Впрочем, в источниках встречается информация, что во время инициировавших кризис событий слово “бомба” произнесено НЕ БЫЛО. Северокорейцы сказали Келли буквально следующее: “У нас есть право на то, чтобы иметь оружие более мощное, чем вы можете себе представить”. Последующее развитие событий можно, таким образом, отнести за счет непонимания, предубеждения, намеренной подмены понятий или сознательного желания спровоцировать новое обострение ядерной проблемы.

Различные взгляды на проблему были продемонстрированы и на конференции 2-4 декабря 2003 г. Так как это мероприятие проходило до того, как стало окончательно ясно “зависание” второго раунда шестисторонних переговоров, ее участники были настроены достаточно оптимистично.

Отмечалось, что на изменение ситуации повлияли, скорее всего, следующие факторы. Во-первых, США увязли в Ираке, вынуждены держать там значительный воинский контингент и тратить на эту страну свои ресурсы, что сковывает их действия на других фронтах. Во-вторых, произошло изменение

внутренней политики Японии в сторону усиления консерватизма. В-третьих, президентские выборы в РК прошли под знаком националистической эйфории, причем национализм существенно преобладал над любыми другими элементами идеологии, включая стремительно теряющий свои позиции антикоммунизм. На этом фоне наблюдается ослабление связей США и РК. В-четвертых, растет взаимное доверие между Севером и Югом и вера в то, что Китай и Россия поддержат процесс межкорейского диалога. На этом фоне Северная Корея старается поддерживать контакт с Югом, но в отношениях с Америкой немного затягивает время, рассчитывая на благоприятный для нее исход президентских выборов 2004 г.

В Южной Корее с интересом следят за развитием событий в Ираке. По мнению Сеула, США выиграли войну, но потеряли мир. С другой стороны, теперь они будут менее активно "насаждать мир и демократию по всему земному шару", как бы "сдав" межкорейские дела РК и не вмешиваясь в то, что она делает. Чем больше США будут связаны на иных театрах военных действий, тем менее активны они будут на корейском направлении.

Единой точки зрения о том, есть ли у Северной Кореи ядерное оружие, не было. Однако выступавший на конференции 2-4 декабря "эксперт" по северокорейской ядерной программе Дж. Молтц полагал, что КНДР обманывает мировое сообщество, и был обеспокоен тем, что после изгнания инспекторов МАГАТЭ мир потерял контроль над происходящим там.

Хотя господин Молтц является экспертом по проблемам нераспространения ядерного оружия, он не занимается Кореей профессионально, но его общеполитические оценки были менее предвзятыми, чем могли бы быть. В своем выступлении он отметил, что пока два основных участника переговорного процесса не понимают основных целей друг друга. В КНДР уверены, что главная цель США — это смена существующего режима, и все заявления о ядерном оружии или о чем-то еще являются набором поводов, оправдывающих силовые действия. В Америке же уверены в том, что главная цель КНДР — создание ядерного оружия, назначение которого идентично назначению ядерного оружия в военной доктрине США, а разговоры про энергетический кризис лишь призваны оправдать ведение разработок в ядерной области.

Кеннет Квинонес, бывший сотрудник Госдепартамента США и автор идеи рамочного соглашения и политики вовлечения вообще, сразу же отметил, что конфликт на полуострове не двухсторонний, так как проблема является межнациональной. Несмотря на малый размер КНДР, Ким Чен Ир сумел сделать ее "пороховым погребом Азии" и стратегической точкой напряженности на карте мира. Понимая, что международное признание зависит от признания США, Пхеньян завел свое ядерное оружие как единственный козырь и средство сдерживания Америки. Точнее, для того, чтобы в переговорах с Северной Кореей Вашингтон был вынужден действовать более рационально, не ограничиваясь одним силовым давлением. Вторая причина появления северокорейского ядерного оружия (ЯО) — желание иметь свой ядерный зонтик взамен потерянного советского и, в меньшей степени, китайского.

Конечно, многосторонние переговоры на самом деле многосторонними не будут. Существует два противоположных мнения, но каждая из сторон стремится присоединить несколько дополнительных голосов в поддержку своего мнения, обеспечив себе этим стратегическое преимущество. Такой тактикой беззастенчиво пользуются обе стороны.

План нынешней администрации США ставит себе целью "эвтаназию" северокорейского режима, и каждой из стран региона в нем отведена опреде-

ленная роль. Китай должен стать своего рода молотом и главным средством давления, РК — демонстрировать озабоченность ситуацией и полную поддержку США, Япония — находиться между Сеулом и Вашингтоном и “изображать колебания”, а Россия — присоединиться к общему хору, напоминая одновременно о своей “немаргинальности”.

Стратегия КНДР отталкивается от идеи большой Америки, которая обижает бедную маленькую страну. Если спроецировать ситуацию на схватку двух бойцов, то это будет похоже на бой большого и сильного борца сумо с маленьким и вертким специалистом по айкидо, который уворачивается от ударов своего большого противника и выжидает благоприятного момента, в то время как его враг расходует силы. Конструктивный выход из ситуации сегодня не ищет никто, но преимущество Пхеньяна в том, что он рассматривает остальных участников шестистороннего переговорного процесса как равных, а не как “скрипки в американском оркестре”. Этим, как считает Квинонес, Пхеньян фактически добился сочувствия Сеула и нейтралитета Токио, общественное мнение которого расколото на две почти равные части. В результате процесс окончательно остановился, и ситуация очень опасна, так как на капитуляцию ни одна из сторон не пойдет, а конфронтация может обернуться непредсказуемыми последствиями. Один из путей решения этой проблемы — заново оценить силу России и ее влияние на полуострове.

Эта концепция была развита другими авторами: шесть стран — это не шесть стран сами по себе, а “три + два + один”, то есть Америка и ее союзники + Пекин и Москва + КНДР. Доклад Квинонеса как человека, который в свое время был первым представителем Госдепа, определившим Северную Корею как государство не коммунистическое, но конфуцианское, вызвал оживленное обсуждение, однако на мои отчасти риторические вопросы о том, “как укрепить доверие между сторонами” (после заявлений Галуччи и курса Буша) и “какие юридические формы будут иметь гарантии безопасности” (при том, что пакт о ненападении безусловно НЕ будет ратифицирован, не говоря уже об ином варианте договора), ответа так никто и не дал.

Зато выяснились некоторые детали отношения к Рамочной договоренности, противоречащие принятой с подачи Галуччи точке зрения, что ее не собирались выполнять с самого начала. По словам Квинонеса, на момент подготовки соглашения, когда Ким Ир Сен был еще жив, такой идеи ни у кого из американцев не было. Более того, и это даже подтвердил генерал Стэкпуол, тогда ощущения военных и госчиновников напоминали те, которые испытывали их старшие коллеги или они сами во время Карибского кризиса. Но когда Ким Ир Сен умер, а потом начался неурожай, возникли мысли о том, что страна вот-вот развалится, и соблюдать договор нет смысла...

Кроме того, изначально мысли категории “мы все равно не будем его выполнять” были связаны не с нежеланием, а с тем, что, несмотря на наличие президента-демократа, большинство в конгрессе оставалось республиканским и было настроено против диалога с КНДР. А это значило, что даже если бы Рамочная Договоренность была полноценным договором, ее бы все равно не ратифицировали. Поэтому Галуччи несколько переписывает историю в угоду текущему моменту.

Не было единого мнения и по вопросу о том, будет ли объединенная Корея ядерной державой. Точнее, унаследует ли Юг бомбу Севера. Прагматики считали, что унаследует, однако большинство представителей РК на конференции выступало против этой идеи, считая, что объединенная Корея будет

безъядерной страной, лишенной внешних амбиций, крепким и стабильным “игроком второй лиги” вроде Швеции, Австралии или Канады.

Так как конференция была посвящена не столько Корее, сколько России, суть большинства сообщений сводилась к тому, какой политики в ядерном кризисе следует придерживаться РФ. Отмечалось, что сейчас России слаба, так как, не имея возможности помогать КНДР по экономическим причинам, она утратила рычаги влияния на страну, и сейчас, несмотря на всю активность Путина в политической сфере, в Пхеньяне понимают, что экономическую помощь от Москвы ожидать не следует.

Неоднократно подчеркивалось то, что Россия “должна быть мудрой”, хотя вкладывался ли в такие разговоры о мудрости подтекст, призванный подтолкнуть РФ к принятию американской точки зрения, зависело от личности высказывающегося.

По мнению Молтца, Россия должна вести себя по отношению к КНДР более твердо. Не должно быть и снисходительно-покровительственного отношения. С другой стороны, на фоне взаимного непонимания между США и КНДР Россия может оказаться своего рода третьей силой, не ассоциированной с одной из сторон и потому способной донести до каждой из них реальное положение дел, что может способствовать взаимопониманию. Северная Корея интересуется российским опытом диалога с США, а американские консерваторы вроде Джона Болтона, вероятность ведения диалога которых с КНДР равна нулю, вполне в состоянии выслушать мнение представителей Российской Федерации.

Молтц выступает за прямой /двусторонний диалог, считая многосторонние переговоры только лишней тратой времени, однако, с его точки зрения, Россия может помочь интеграции Северной Кореи в международное сообщество посредством развития там транспортной сети и неядерной энергетики. Отмечая, что приоритеты в российско-северокорейских отношениях давно сменились с идеологических на экономические, Молтц высказывал идею о том, что Россия может стать для КНДР источником опыта построения взаимоотношений с США.

Вызывали интерес и иные выкладки господина Молтца. На конференции он ссылаясь на некие личные источники информации на российском Дальнем Востоке, которые говорили о том, что ряд представителей местной элиты (в том числе военных), очень серьезно озабочен северокорейским ядерным оружием. В случае атомной войны на территории КНДР при стандартной розе ветров радиоактивное облако достигнет Владивостока за два часа. За это время невозможно провести планомерную эвакуацию и поэтому данные представители рассматривают варианты пресечения конфликта любой ценой.

В докладе Молтца отмечались как упомянутые в российской прессе учения МЧС в Приморье и на Дальнем Востоке, на которых отрабатывались действия подразделений министерства в случае ядерного конфликта в непосредственной близости от российских границ, так и военные учения российской армии, одним из элементов которых был перехват вражеского судна с ядерным оружием на борту. Эти мероприятия он рассматривает как демонстрацию властями региона своей озабоченности проблемой и готовности принимать меры, в том числе — и выходящие за рамки традиционного паттерна взаимоотношений между Россией и КНДР.

Этот “выход за рамки” оказался достаточно значительным: со ссылкой на публикацию в “Независимой газете” (материал принадлежал собственному корреспонденту “Известий” Олегу Жунусову), докладчиком было приведено даже (личное) мнение неназванного российского морского офицера, который сказал, что лучший способ решить проблему — атаковать корейские ракетные

установки крылатыми ракетами с борта российского ракетного крейсера "Варяг". Такое заявление вызвало оживленную дискуссию, которая стала развиваться в двух направлениях: насколько процитированное мнение выражает общую тенденцию и насколько этим лицам понятно, что результат подобной превентивной атаки имеет гораздо больший шанс вызвать ядерный взрыв.

Подводя итоги, можно сказать, что профессионалы из числа военных специалистов США хорошо понимают опасность военного конфликта на Корейском полуострове и настроены решать проблему дипломатическим путем, создав там такую среду, при которой КНДР изменит свою позицию (свою они, естественно, менять не намерены). При этом, с их точки зрения, опасность представляет не столько северокорейское ядерное оружие само по себе, сколько гипотетический шанс того, что это оружие или технологии его производства через Северную Корею могут попасть в руки лиц или организаций, настроенных по отношению к США гораздо более враждебно.

Революция в военном деле и изменение стратегий на Корейском полуострове

Наиболее подробный анализ современной американской военной политики в Корее был представлен в лекции адмирала Фарго. По его мнению, осенние переговоры в РК в 2003 г. и их итог, в том числе выведение американских войск из Сеула можно рассматривать как быстрый старт того процесса, в который США входит сейчас со всеми своими союзниками, пересматривая свои нынешние взаимоотношения и формулируя свою политику на следующие 50 лет в духе новых требований времени, одним из которых является доктрина "места вместо баз".

Суть ее в том, что новый вид войны предполагает большую мобильность войск. Существующие средства доставки крупных воинских соединений на поле боя и тенденция к сокращению роли линейных частей армии в захвате неприятельской территории делают военные базы с постоянным гарнизоном ненужными. В них, включая базы во внешнем периметре, уже нет необходимости. Перебросить в критическую точку войска можно менее чем за сутки после времени "Ч" с любого плацдарма, а с учетом быстроты войны такая база, которая находится в зоне вероятного удара противника, скорее станет мишенью для врага, чем успеет выполнить боевую задачу.

Для новой войны, где удары будут наносить группы меньшего числа, но большего умения и технической оснащенности, проще иметь "аэродромы подскока" и инфраструктуру, предназначенную для развертывания сил, а не постоянные гарнизоны.

Нынешняя армия РК уже достаточно хорошо подготовлена и оснащена, чтобы взять на себя часть новых обязанностей, заменив американские войска в ДМЗ. В дополнение к этому в течение 3-4 лет на ее дальнейшее вооружение и тренировку Америка выделит 11 млрд, а РК, отчасти в обмен на это, посылает в Ирак свой контингент.

Вообще, сокращение прямого американского военного присутствия в РК связывается также с тем, что американская армия уже не выполняет функции "заградотряда перед Сеулом". Вооруженные силы РК в состоянии выполнить основную часть боевой задачи, и, по словам президента Ро Му Хена, через 10 лет РК сможет защитить себя самостоятельно.

Здесь, пожалуй, стоит сделать отступление о военных ресурсах Севера и Юга. По обе стороны ДМЗ, длина которой составляет 135 миль, находится почти 1,5 млн. военнослужащих обоих корейских государств. В стокилометро-

вой зоне к северу от ДМЗ дислоцируется 75% северокорейской армии. Можно сказать, что наблюдается классическая “дилемма безопасности”, при которой комплекс мер, направленных на повышение безопасности своей страны, начинает восприниматься как угроза безопасности ее соседями, что создает порочный круг гонки вооружений и роста международной напряженности. Ни у Севера, ни у Юга, в оборонной стратегии нет концепции самодостаточности. Обе стороны считают, что наилучшим вариантом обороны является упреждающий удар.

Север обгоняет Юг по мощи артиллерии, численности пехоты и качеству спецназа, но техническое оснащение войск РК, а также мощь ее авиации и флота безусловно преобладают над их аналогами на Севере. За 10 лет армия РК сделала феноменальный рывок, и сейчас поддержка США нужна этой стране только на воде и в воздухе. Север имеет меньше ресурсов, как технических или энергетических, так и моральных (дух, уверенность в победе и т. п.), не говоря уже о проблемах со снабжением северокорейских войск, вызванных экономическим кризисом. Отсюда упор на пересмотр традиционной стратегии с учетом максимального использования оставшихся у КНДР преимуществ и перехода к так называемой тактике асимметричного ответа.

Термин “асимметричный ответ” применяется сейчас в США весьма часто и отражает новые тенденции использования военной стратегии, построенные на том, что более слабая сторона должна не столько копировать сильную, сколько пытаться использовать альтернативные варианты ответа. Малая (партизанская) война и даже терроризм (точнее, массированное использование диверсий) есть типичные примеры этой тактики. Кроме того, тактика асимметричного ответа позволяет в значительно меньшей степени втягиваться в гонку вооружений, ибо дорогостоящая гонка сама по себе может служить средством сокращения противника, высасывая из него средства и подтачивая его экономический потенциал.

Одним из классических учебников по асимметричной войне является книга двух китайских офицеров-политработников Цяо Ляна и Ван Сянсюя “Unrestricted warfare”, в которой не только рассматриваются тенденции революции в военном деле, но и расписана стратегия асимметричной войны, в которой диверсионные действия, хакерские атаки, финансовое мошенничество и информационная война являются частями общего плана.

Под этим углом зрения внимание, которое в КНДР уделяется работе со спецназом, объяснимо: на подготовку бойца-диверсанта, который “бегает сам по себе”, требуется значительно меньше топлива, электроэнергии или амуниции, чем, например, для подготовки танкиста аналогичного уровня. Между тем в случае массовой инфильтрации северокорейских командос, ущерб, который они могут принести стране-противнику, весьма велик.

Впрочем, данные о возможностях северокорейских спецназовцев и их умении ориентироваться в повседневной жизни РК несколько преувеличены. Известно, что одного из северокорейских командос сумели задержать потому, что, когда он остановился на ночлег в отдаленном доме, перерезал там телефонные провода и запер хозяина в одной из комнат, он не учел, что домовладелец может иметь сотовый телефон, по которому и вызвали помощь.

В настоящее время американцы пытаются понять, когда Северная Корея перешла к этой новой стратегии, осознав, что на дворе не 1950 г. и возможность захвата ею РК стандартным образом уже в прошлом. Одни считают, что это случилось после развала СССР, другие — что после смерти Ким Ир Сена, третьи связывают это с серией неудачных диверсионных акций, прошедших с использованием малогабаритных подводных лодок.

Представители южнокорейской армии, в отличие от своих американских коллег, не считают армию КНДР угрозой. Подобные заявления вызвали на курсе дискуссию о том, может ли армия РК выиграть войну с Севером без какой-либо американской помощи. Совокупное мнение военных специалистов свелось к тому, что, хотя южнокорейская армия все больше превращается в самостоятельную силу и уже сейчас способна вести военные действия "на земле", поддержка с моря и с воздуха ей еще нужна. Кроме того, в случае ведения наступательной войны успех может быть достигнут чрезвычайно высокой ценой. Особенности корейского рельефа, из-за которых атаки с воздуха будут малоэффективными, и воевать придется "по старинке", "на земле", а также тотальный характер войны, приведут к большим потерям, в том числе — среди гражданского населения.

Надо отметить, что географическое положение Сеула, находящегося слишком близко от гипотетической линии фронта, делает его заложником ситуации. В условиях, когда столица Республики Корея может стать мишенью даже не ракет, а обычной дальнобойной артиллерии, вероятность инициирования конфликта Югом чрезвычайно мала, так как вероятность нанесения стране серьезного вреда в случае начала межкорейской войны не очень уменьшилась.

Учтем и то, что военные, в том числе и сторонники решительных действий (факт наличия которых признается) находятся под контролем гражданских специалистов из министерства обороны.

Таким образом, передислокация американских войск на Корейском полуострове объясняется не столько тактическими причинами (вывод своих солдат из зоны действия вражеской артиллерии), сколько стратегическими последствиями революции в военном деле. Но все это можно понимать и так, что США уже испытывают проблемы и не могут в один присест "проглотить все надкушенные куски". Добавим к этому и то, что в обществе сильно выросла цена отдельной жизни. Каждая смерть, о которой сообщено (особенно, по телевидению), вызывает определенный общественный резонанс, вследствие чего когда число таких смертей превысит некий порог, победа станет считаться пирровой вне зависимости от того, насколько была выполнена поставленная задача и как велики были потери противника.

Конечно, этим продиктована вся современная американская стратегия уничтожать врага ракетно-бомбовыми ударами, переложив на плечи союзников наиболее чреватый потерями личного состава наземный этап операции), но и враги не стоят на месте, а уничтожать противника с первого удара обычно не получается даже у сверхдержавы. Естественным следствием этого является "вьетнамизация" войны там, где это возможно, и стягивание собственно своих войск на ключевые, но безопасные позиции. Начнись война на полуострове, всю грязную и наземную работу придется делать южанам.

Что же касается места американских войск на полуострове вообще, то наш преподаватель по переговорному делу привел интересную информацию. Еще в 1996-1998 гг. представители КНДР заявляли ему, что они могут допустить присутствие американских войск на территории полуострова, если это будут нейтральные миротворцы ООН и "честные брокеры" между Севером и Югом. То же самое северяне, вроде бы, говорили в 2000 г. Ким Дэ Чжуну во время саммита.

В связи с этим вопрос о том, что будет, если войска США выведут с полуострова полностью, особенно не обсуждался, за вычетом ряда дальних прогнозов, говорящих о том, что исчезновение американского контингента может усилить некоторые региональные противоречия, а также привести к превращению Японии в ядерную страну.

Общее положение дел в РК

В американо-южнокорейских отношениях проявляется определенная тревога по поводу роста антиамериканских настроений, которые кажутся представителям США искусственно взвинчиваемыми в политических целях. Однако гораздо больше их волнует начинающееся отчуждение в отношениях между США и РК. Складывается впечатление, что в организации межкорейского диалога Сеул стремится сделать из Америки своего рода "пугало для Севера" с тем, чтобы Пхеньян более активно сотрудничал с Югом. Внешне это похоже на игру в хорошего и плохого полицейского, но параллельно с этим разыгрывается тема "плохой Америки", которая думает только о военном решении вопроса и вообще использует корейскую карту в глобальной геополитической игре. Это ведет к падению престижа Америки как на Севере, так и на Юге. И, как сказал один из американских офицеров, "нашими руками Сеул пытается таскать каштаны из огня".

В частных беседах американские коллеги неоднократно упоминали об интересной тенденции. На словах выступая против давления США, в кулуарах представители РК просят продолжать это давление, так как это вынуждает Север идти на предложения Юга. Так, есть основания полагать, что после ареста Ян Биня и некоторого ослабления дружбы с КНР права на экономическую зону в Синьджу отдадут РК. Кроме этого, на фоне подобного давления у Ким Чен Ира появляется стимул "вертеться" и делать что-то для разрешения проблемы.

Получается парадоксальная ситуация. Чем сильнее США давят на Север, тем быстрее они могут потерять Юг, и потому такие кулуарные разговоры являются главным источником рассуждений о стремлении руководства РК заставить Америку таскать для нее каштаны из огня.

С другой стороны (такая точка зрения тоже есть и встречается среди корееведов), если для администрации США корейская тема — пешка в глобальной игре, для РК — вопрос внутренний, важный и животрепещущий.

Отмечают и тенденцию Ро Му Хена демонстративно выказывать неуважение представителям американской армии, вплоть до ситуации, когда президент посетил какую-то конференцию по вопросам безопасности и сотрудничества, однако ряд ее делегатов не пригласили на последовавший за этим прием и встречу с президентом только потому, что они являлись военными в отставке.

Особенно сильно американцев задела кампания, связанная с ДТП с участием американской бронемашины, в котором погибли две корейские школьницы. Хотя, до какой степени действительно были виноваты оправданные американским судом механик-водитель и командир БТР, неясно, американцев поразила неадекватность реакции. В свое время РК пошла на проведение совместных военных маневров, четко осознавая опасность коммунистической угрозы. Жертвы во время них, включая смерть гражданских лиц, случались достаточно часто и раньше, но общественное мнение как бы вписывало их в ту цену, которую РК платит за свободу своей страны и спокойствие на своих границах.

Тем более что неделю спустя после истории с погибшими девочками, имена которых теперь знает вся страна, произошел пограничный инцидент, в ходе которого северяне вторглись в воды РК и убили 5 солдат береговой охраны. В эфир это фактически не попало, и имена пятерых погибших оказались неизвестны народу. В результате даже возникла курьезная ситуация, когда во время встречи со своими южнокорейскими коллегами Кондолиза Райс знала эти пять имен, а корейцы не знали.

Ответ американских военных на антиамериканские настроения в РК накладывается и на изоляционистские тенденции, которые хорошо выражает

фраза одного из респондентов: “Если они хотят вывести наши войска, фиг с ними! Те деньги, которые мы тратим на их содержание, потратим на себя. Войска уведем на Гуам или Гавайи, откуда при современных средствах связи их можно быстро доставить обратно, а заодно посмотрим, как они будут управляться без наших ребят и куда покатится их экономика!”

С большой тревогой наблюдают в США и за изменением внутренней структуры Республики Корея. В частности, за возвышением Совета национальной безопасности (СНБ) и снижением престижа Министерства иностранных дел. Отмечая, что Совет Национальной Безопасности стал “решающей” структурой при Ким Ен Саме (не забудем, что Ро Му Хен длительное время работал в администрации Кима), американские специалисты полагают, что новый президент, не имеющий поддержки “традиционных государственных структур”, пытается возвысить СНБ как лояльный по отношению к нему лично элемент системы, насыщенный его доверенными лицами и в значительной степени дублирующий функции кабинета министров. В связи с этим даже вспоминают историю о том, как Ли Хве Чхан потерял свой пост премьер-министра при Ким Ен Саме потому, что требовал от министров сначала отчитываться перед ним как перед непосредственным начальником и лишь потом что-то докладывать СНБ.

Южнокорейский дипломат, единственный представитель РК среди учащихся на курсе, развил эту тему, рассказав о том, что происходит сейчас внутри южнокорейского МИДа. По его словам, там имеет место серьезный конфликт между кадровыми дипломатами, придерживающимися традиционных взглядов, и назначенцами Ро Му Хена, не занимавшимися когда-либо дипломатической деятельностью и относящимися к специальной группе, которую называют “поколением 386” (речь идет о модели компьютеров, за которыми они выросли). Эти относительно молодые люди родились в 1960-е, получили образование в 1980-е, что, кстати, предполагает хотя бы минимальный опыт противостояния властям в студенческую пору. Отчасти их можно сравнить с “завлабами” горбачевской перестройки в их желании кардинально видоизменить ситуацию согласно своей концепции при отсутствии у них практического опыта. Их отличают априорная конфронтация со старой бюрократией, которую они считают придерживающейся морально устаревших моделей, и желание очистить общество от остатков военной культуры.

В результате большая часть атташе внутри посольств — не мидовцы, а представители министерств. 20% послов — также не дипломаты, однако критика общественного мнения и негосударственных организаций по-прежнему направлена в адрес МИДа, а не СНБ. Все это подрывает престижность дипломатической службы и вынуждает стариков-профессионалов уходить в отставку.

Такое соперничество накладывает и на конфликт поколений. Во-первых, тем, кто привык к конфуцианской системе иерархии, психологически трудно подчиняться более молодым. Во-вторых, молодежь относится к США со значительно меньшим пиететом, в то время как дипломаты старой школы (особенно американисты) воспитаны в духе “служения старшим”. Отметим, что содержание моих бесед на эти темы отражало ситуацию, еще не усугубленную известными событиями начала 2004 г., в том числе — отставкой министра иностранных дел РК, не сумевшего подавить внутриминистерскую оппозицию и допустившего “вынос сора из избы”.

Впрочем, “поколение 386” сейчас правит бал в РК вообще. Его представители являются опорой Ро Му Хена и размещены им на ключевых постах в СНБ, суде и прокуратуре. Как сказал южнокорейский участник конференции

доктор Чан Чжэ Гук, сейчас в РК быть консерватором не менее рискованно, чем в свое время диссидентом. Те, чья точка зрения не отвечает генеральной линии нынешнего президента, подвергается существенному давлению.

Естественно, в связи с этим многие специалисты задаются вопросом, чего же хочет Ро Му Хен. По мнению упоминавшегося выше представителя РК, Ро Му Хен сначала хотел прозрачности, ввести в бюрократию рационализм и логику, институционализировать новые веяния и тенденции. Это желание продолжает доминировать, однако, став президентом, он вынужден подчиняться объективным законам, согласно которым функционирует административная система и устроена корейская власть. По мнению ряда американских слушателей, Ро — чистой воды популист, попавший во власть относительно случайно, не имеющий позитивной программы и занятый в основном разрушением традиции, что опасно.

Общее отношение американских респондентов к южнокорейской внешней политике также можно свести к высказыванию одного из слушателей: “Конечно, эта политика независима, но должна быть в гармонии с интересами США”.

Ситуация в КНДР

Отдельно затрагивался момент, касающийся неядерных аспектов деятельности КНДР в качестве “страны-изгоя”. Здесь каждый преподаватель имеет свою точку зрения, но на лекции, посвященной международной преступности, нас пытались убедить в криминальной активности КНДР, проходящей с разрешения ее высшего руководства. Упомянулся некий мифический 39-й отдел ЦК ТПК, который зарабатывает на продаже героина или амфетамина более полумиллиарда долларов США в год, а равно вовлечение ТПК в контрабанду, похищения людей и подделку документов. О том, что КНДР “осуществляет государственную торговлю наркотиками”, упоминал в своем выступлении перед нами и Ричард Лоулесс.

Однако пресловутый эпизод с “задержанием северокорейского судна с грузом наркотиков”, по поводу которого в демократической российской и зарубежной прессе был поднят изрядный шум, вызывает много вопросов. Задержанное судно было зарегистрировано в Пхеньяне (на волне попыток зарабатывания денег на раздаче оффшоров, адресов юридических лиц и т. п.), но куплено на Тайване — при том, что между двумя странами нет никаких отношений. Команда судна действительно говорила по-корейски, но состояла из корейских беженцев в Китай (готовых за незначительную оплату подрядиться на любую работу), а следовало оно из Бирмы в Малайзию: этот маршрут мало связан с КНДР, но хорошо накладывается на трассы вывоза наркосырья из стран Золотого треугольника. Что же до обнаруженного на борту партбилета на имя чуть ли не члена Политбюро, то это указывает на очень грубую провокацию с еще большей определенностью — личные документы такого рода и перед выходом в море корейские моряки всегда сдают (как в недавнем прошлом и советские моряки). Скорее, все это может говорить о том, что КНДР используется международными преступными группировками как страна-транзит (подобно роли, которую играет Мексика в поставке наркотиков из стран Латинской Америки в США) или своего рода прикрытия, используемое втемную.

Что же до “похищения людей”, то, как я понял из дальнейшей дискуссии, речь шла о случаях похищения граждан Японии северокорейской разведкой, имевших место еще при жизни Ким Ир Сена и признанных Ким Чен Иром во время визита в Пхеньян японского премьер-министра Коидзуми.

Что же касается более общих рассуждений, то хочется уделить особое внимание точке зрения Александра Мансурова, отличающейся и от классической американской, и от классической нашей (той, к которой я привык), и от точки зрения наших “демократов”.

Кратко же ее можно охарактеризовать так. Перемены в КНДР идут, и это видно, особенно если смотреть между строк и не привязываться к внешней мишуре и риторике, которая всегда меняется не в первую очередь. Демонизированный взгляд на страну (являющийся в США общепринятым) позиционирует ее как СССР времен Сталина, но в действительности это СССР времен Черненко (если не раннего Горбачева) — а это кардинально меняет систему принятия решений и статус командно-административной системы вообще (насколько она монолитна, насколько поражена коррупцией и двоемыслием, насколько волю вождя можно видеть в каждом поступке отдельного функционера).

“Ползучая перестройка” в КНДР уже началась и продвинулась достаточно широко и глубоко, напоминая наше начало горбачевской оттепели, когда в открытую особо никто ни о чем не говорил, но многое уже делалось. Во всяком случае, уже несколько раз, когда Ким Чен Ир мог оборвать контакты и вернуться к старому курсу, он этого не сделал.

При этом новый курс Ким Чен Ира встречает серьезное противодействие. А. Мансуров уделяет внимание смерти Ким Ен Суна, который вроде бы скончался от последствий автомобильной аварии, но учитывая положение дел в КНДР, такая катастрофа не была случайной. Особенно если наложить ее на подобный случай с женой Ким Чен Ира Ко Ен Хи (на момент написания статьи в прессе активно циркулировала информация о ее смерти в автокатастрофе) и то, что оба попавших в аварию были сторонниками расширения международных связей (Ким Ен Суна вообще называли одним из отцов межкорейского диалога), и членами ближнего круга Ким Чен Ира, чье влияние на него было не столько институциональным, сколько неформальным (Ен Сун, которого считали любовником сестры Ким Чен Ира, тоже был почти членом клана).

Трактуя эти смерти как политические убийства (с его точки зрения, в Северной Корее просто невозможны две “случайные автокатастрофы” подряд, в результате которых погибли лица столь высокого ранга), А. Мансуров делает вывод о том, что в руководстве КНДР идет достаточно сильная внутренняя борьба между высокими армейскими чиновниками, традиционно ориентированными на Китай, ближним окружением Ким Чен Ира, которое более или менее вынужденно (насколько вынужденно — отдельный вопрос) проводит курс реформ, и спецслужбами, которые превратились в полусамостоятельную структуру, более других озабоченную переменами в стране.

Изменения в конституции и организационные перестановки тоже можно трактовать и так, что контроль Ким Чен Ира над происходящим в стране не является абсолютным. Традиционную командно-административную систему, исключая вариант нелояльности к власти одного из структурных подразделений, постепенно заменяет система сдержек и противовесов, в рамках которой функции управления часто дублируются, а одной спецслужбе противопоставляется другая.

Перспектива объединения страны

Понятно, что объединение воспринимается всеми как поглощение Севера Югом, и прогнозы касаются деталей процесса и сроков полного слияния двух структур.

Версия скорого объединения в результате форс-мажорных обстоятельств поддержкой не пользуется. Мечты о “бархатной революции” или народ-

ном восстании, которое сметет режим Ким Чен Ира, относили к области фантастики. Как заметил Кеннет Квинонес, на коллапс режима рассчитывать нельзя, ибо образующийся на его месте политический вакуум может стать источником не меньших, если не больших, проблем.

Нет поддержки и у варианта объединения по немецкому образцу. В отличие от Германии, объединение не произойдет спонтанно или внезапно хотя бы потому, что к нему давно готовятся обе стороны. Корею отличает от Германии и более глубокая разница между Севером и Югом, и историческая память, вскормленная Корейской войной. Ее очень хорошо помнит старшее поколение и на Севере, и на Юге, подсознательно воспринимая другую сторону как врага. Это напоминает подобное отношение к немцам россиян старшего поколения, переживших войну. Более молодые, включая южнокорейское "поколение 386", уже лишены такой памяти.

Кроме Германии, в Корею достаточно часто поминают неудачный опыт Йемена, когда объединение двух не готовых к нему государств привело к кровопролитию и затяжному кризису.

В связи с этим интересна перспектива, предполагаемая преподавателем по переговорному делу. Через 10 лет на Корейском полуострове наступит полное примирение, которое необязательно будет сопровождаться фактическим объединением страны. Развивая эту тему, можно представить себе своего рода "внутренний протекторат" Юга над Севером, существующий де-факто, но не де-юре. В этом случае Южная Корея фактически прибирает к рукам северо-корейскую экономику, а также получает возможность мониторинга процесса принятия политических решений. Ким Чен Иру остается ограниченный суверенитет и своего рода "золотой мост". Такое положение может продлиться достаточно долго, вплоть до срока жизни одного поколения. К этому времени Север будет относительно "подтянут" до уровня Юга, большинство противников объединения на южнокорейских условиях состарится и умрет (такая перспектива может ожидать и Ким Чен Ира), а то поколение, которое придет им на смену, будет иметь уже иной набор ценностей. На фоне некоторого "полевения" Юга эти процессы могут коснуться и жителей РК, старшее поколение которой еще хорошо помнит Корейскую войну и воспринимает Северную Корею скорее как врага.

В случае более скорого объединения, как сказал один из преподавателей Центра, через 50 лет Объединенная Корея может стать державой уровня Китая или Японии с единственным условием — она должна благополучно пережить первые 5-10 лет. На заседании Круглого стола, посвященном мерам укрепления доверия, были приведены данные журнала Wall Street Journal о том, во что обойдется объединение страны. По выкладкам американских экономистов, оно будет стоить 1,5 триллиона долларов, что составляет валовой национальный продукт РК за три года. Понятно, что сейчас такой расход страна не вынесет и неясно, сколько еще лет потребуется для того, чтобы такую сумму можно было выделить из бюджета Юга без серьезных внутренних потрясений и резкого снижения уровня жизни. Вопрос о кредите на эти нужды не рассматривается, поскольку, с одной стороны, после кризиса 1997 г. у населения РК сложилось вполне определенное негативное отношение к МВФ, а с другой — неясно, даст ли сейчас МВФ деньги РК, и если даст, то что потребует взамен.

Роль и место Китая

Этот вопрос рассматривался в меньшей степени во многом из-за того, что на данном курсе Китай представляли тайваньцы, а не КНР (стремясь под-

держивать отношения и с теми, и с другими, руководство Центра приглашает их по очереди), и возможности услышать точку зрения Пекина у меня не было.

Разговоры о Китае в связи с Кореей сводились к обсуждению темы "Сдаст Китай Северную Корею или нет?", и если "нет", то до какой степени он может довести свою конфронтацию с Америкой в этом вопросе. Точка зрения участников дискуссии со стороны США скорее сводилась к тому, что в настоящее время Китай еще не готов вступить с Америкой в серьезную схватку.

По мнению экспертов, несмотря на стремительный рост Китая, который так пугает алармистов, у Пекина достаточно проблем: есть свои террористы и сепаратисты на западных окраинах; Индия и Вьетнам, которые один раз уже были объектом китайской агрессии, скорее всего не будут рады излишнему усилению Китая даже с поправкой на определенную либерализацию; у Китая нет возможности вести войну на море, а рост рождаемости уже сейчас стал источником некоторых проблем с обеспечением всех пресной водой; США слишком хороший партнер, чтобы идти с ними на конфронтацию, и КНР с Америкой скорее нажмут на Ким Чен Ира, нежели поссорятся из-за него — не та ситуация и не тот повод, чтобы идти на принцип.

С точки зрения некоторых военных, прагматичное руководство Китая может найти определенные выгоды в исчезновении КНДР. Решится проблема беженцев и связанного с ней криминала, не будет обременительной помощи, а большой объем китайско-южнокорейской торговли является главной гарантией того, что китайские интересы на полуострове сохранятся. Резкие изменения курса северокорейского руководства или его иррациональные действия могут прервать эту тенденцию, и потому китайскому руководству следует присоединиться к США и решить проблему сейчас.

Однако пока КНР придерживается иной точки зрения. Как отмечалось на конференции, Китай перехватил инициативу Путина, который имел опыт переговоров по корейскому вопросу и хотел сделать местом их проведения Москву.

Суммируя все вышесказанное, можно коротко подвести итоги. Изнутри Америка менее монолитна, чем кажется нам на первый взгляд, и среди специалистов среднего звена там достаточно компетентных профессионалов, оценивающих ситуацию более или менее трезво и способных отделять стратегические интересы от сиюминутных политических. Позиции некоторых из них гораздо ближе точке зрения России или КНР, нежели администрации в Вашингтоне, и упрочение контактов с тем, кто придерживается этих точек зрения, может стать важным решением в укреплении международного сотрудничества.

Отношения Республики Беларусь с государствами Северо-Восточной Азии

© 2004

В. Мацель

В многовекторной внешней политике Республики Беларусь, нацеленной на создание благоприятных внешних условий для поступательного развития и подъема экономики страны, особая роль отводится Азиатскому региону и в первую очередь Северо-Восточной Азии (СВА). Реализация приоритетных задач "Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001-2005 годы" — наращивание экспорта товаров и услуг, активизация инвестиционной и инновационной деятельности — в немалой степени будет зависеть от умения руководства Беларуси использовать богатый потенциал СВА, особенно в качестве емкого рынка для экспорта белорусской продукции.

После дезинтеграции СССР существенное влияние на процесс становления внешней политики независимой Беларуси оказывали международные факторы, связанные с распадом Советского Союза и глубокой трансформацией всей системы международных отношений. В то же время формирование основных направлений внешней политики Республики Беларусь во многом обуславливалось внутренними причинами. Здесь уместно вспомнить, что накануне распада Советского Союза Беларусь была одной из самых развитых в экономическом и социальном плане советских республик и по праву именовалась "сборочным цехом" страны. Однако при ограниченности собственных топливно-сырьевых ресурсов и одновременной нацеленности на массовый выпуск конечной продукции, в незначительных масштабах потребляемой в самой республике, Беларусь объективно была сориентирована на внешние рынки как в отношении сбыта своей продукции, так и обеспечения экономики природными ресурсами. Указанные выше причины, геополитическое положение, а также открытость национальной экономики обусловили приоритет внешнеэкономической деятельности Республики Беларусь после обретения ею суверенитета.

Весной 2004 г. исполнилось 12 лет со дня установления дипломатических отношений между Республикой Беларусь и государствами СВА. И хотя по историческим меркам 12 лет — небольшой отрезок времени, однако он интересен для исследователей тем, что именно в этот период закладывались основы отношений Республики Беларусь с государствами региона.

Сегодня в пределах СВА Беларусь имеет свои посольства — в Китае, Японии, Республике Корея, при этом Посол Республики Беларусь в КНР по совместительству представляет интересы белорусского государства в Монголии. В свою очередь, интересы государств СВА в Беларуси представлены по-

сольствами КНР, Японии, Республики Корея, торговым представительством КНДР.

Традиции общения народов Беларуси и стран СВА насчитывают не одно десятилетие, а истоки дружбы белорусского, китайского, японского и монгольского народов берут начало в XVII веке.

Архивные данные свидетельствуют, что в составе русского посольства, пытавшегося в 1608 г. добраться до Китая из Томска, был белорус Григорий Литвин — выходец из Великого княжества Литовского¹. Весомый вклад в изучение Китая, Японии и Монголии в первой половине XIX — начале XX вв. внесли известные белорусские востоковеды О.М. Ковалевский (1801-1878), — “отец отечественного монголоведения”, который с августа 1830 г. по сентябрь 1831 г. в составе Российской духовной миссии работал в Китае, а позже избрался деканом и ректором Казанского университета и И.А. Гошкевич (1814-1875), с 1839 г. по 1849 г. работавший в Пекине в составе Российской духовной миссии, а затем с 1858 г. по 1865 г. служивший первым генеральным консулом Российской империи в Японии (г. Хакодате)². Их имена выдающийся русский китаевед, академик С.Л.Тихвинский назвал среди имен наиболее известных деятелей Российской духовной миссии в Пекине, благодаря трудам которых российская и мировая общественность познакомилась с историей и культурой народов Китая³. К сказанному следует добавить, что И.А. Гошкевич был не только талантливым дипломатом, но и выдающимся лингвистом. По его инициативе при помощи японца Татибана в 1867 г. в Петербурге был издан первый в России японско-русский словарь, за что впоследствии И.А.Гошкевич был удостоен медали Петербургской академии наук и Демидовской премии⁴.

Заметный след в истории дружбы белорусского, китайского и японского народов оставил видный белорусский революционер-народник, ученый-энциклопедист Н.К. Судзиловский-Руссель (1850-1930). В течение 1905-1911 гг. Н.К.Судзиловский вел переписку с лидером революционного движения Китая, впоследствии первым президентом Китайской республики доктором Сунь Ят-сеном, а в ноябре 1906 г. в японском городе Нагасаки состоялась их личная встреча⁵. Умер Н.Н.Судзиловский в 1930 г. в китайском городе Тяньцзине, где и был кремирован.

Позже, в первой половине XX в., народы Азии в ходе борьбы за свою независимость пользовались поддержкой народов бывшего Союза ССР. Пример тому — активное участие во второй половине 1930-х гг. в освободительной борьбе китайского и монгольского народов против японских милитаристов летчиков-белорусов. Из 14 советских летчиков, защищавших небо Китая в 1937-1939 гг. и удостоенных высокого звания Героя Советского Союза, два летчика-добровольца — А.С. Благовещенский и Е.М. Николаенко были белорусами⁶. Храбро сражались воины-белорусы в составе многонациональной Советской Армии, сыгравшей решающую роль в разгроме милитаристской Японии и освобождении Северо-Восточного Китая и Кореи. Из 87 советских воинов, удостоенных высокого звания Герой Советского Союза за участие в боях по освобождению Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая, пятеро были выходцами из Беларуси. Это — М.В. Барташов, Г.С. Зданович, В.А. Кот, Н.А. Лоскунов, Т.А. Почтарев⁷.

Позже, в 1950-1980-х гг. Советский Союз последовательно поддерживал народы стран Азии в их борьбе за укрепление государственной независимости и суверенитета. Важную роль в борьбе за предоставление Китайской Народной Республике ее законных прав в Организации Объединенных Наций сыграла белорусская делегация в ООН, возглавляемая министром иностранных дел Белорусской ССР К.В. Киселевым⁸.

Связи между Белорусской ССР и странами региона активизировались в последние годы существования Советского Союза. Значимым событием, в частности, стал первый официальный визит в Японию делегации Белорусской ССР во главе с председателем Совета Министров БССР В.Ф.Кебичем, состоявшийся 25 февраля — 4 марта 1991 г. Интересная деталь организации визита: принимая во внимание факт существования Советского Союза, японская сторона пригласила главу белорусского правительства в качестве “гостя министра иностранных дел Японии”⁹. Целью визита были активизация гуманитарной помощи японской общественности белорусскому народу по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС и установление прямых контактов Белорусской ССР с деловыми, научными и общественными кругами Японии. Эти вопросы детально обсуждались во время встреч председателя Совета Министров БССР В.Ф.Кебича с премьер-министром Японии Т.Кайфу, министром иностранных дел Т.Накаямой, министром здравоохранения и социального обеспечения С.Симодзе, руководством крупнейшего в Японии благотворительного фонда — Фонда здравоохранения Сасакавы¹⁰.

Активно развивалось в эпоху существования СССР сотрудничество Беларуси с государствами СВА в гуманитарной сфере, особенно в 1980-1990-е гг. Так, в мае 1985 г. в рамках Дней СССР в Японии в городах Токио и Сендай прошли гастроли артистов белорусского фольклорно-хореографического ансамбля “Хорошки”; в 1990 г., прошедшем под знаком празднования белорусским и другими славянскими народами 500-летия со дня рождения выдающегося деятеля белорусской культуры Франциска Скорины, в Китай, ряд других стран Азии было отправлено большое количество информационных материалов, касавшихся деятельности великого белорусского гуманиста, в том числе и копия документального фильма “Франциск — сын Скорины”¹¹.

В центре сотрудничества Беларуси и государств СВА в конце 1980-х — начале 1990-х гг. были вопросы оказания помощи белорусскому народу в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Все государства региона были в числе более 120 государств-соавторов известной резолюции ООН 45/190 “Международное сотрудничество в деле смягчения и преодоления последствий аварии на Чернобыльской АЭС”, принятой на 45-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 21 декабря 1990 г. Япония, Китай, Монголия, другие страны региона выступили в числе 56 государств-членов ООН как соавторы резолюции “Укрепление международного сотрудничества и координации усилий в деле изучения, смягчения и минимизации последствий чернобыльской катастрофы”, принятой 18 декабря 1991 г. на 46-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. При этом следует особо подчеркнуть роль Японии по оказанию гуманитарной помощи Беларуси в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Это вполне закономерно: народ, переживший ужасы ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, располагавший уникальным опытом решения проблем, связанных с радиоактивным заражением людей и местности, не мог оставаться безучастным к трагедии, постигшей Беларусь. Так, в конце 1990 г. правительство Японии приняло решение о выделении по линии Всемирной организации здравоохранения 20 млн. долл. США в качестве благотворительного вклада для оказания помощи народам БССР, УССР и РСФСР в ликвидации последствий Чернобыльской аварии¹².

После распада СССР и обретения Беларусью суверенитета государства СВА были первыми, кто признал независимость Республики Беларусь и установил с ней дипломатические отношения. Так, уже 26 декабря 1991 г. о признании независимости Республики Беларусь заявило правительство КНДР, 27 декабря — Китайской Народной Республики, 28 декабря — Японии, 30 декабря — Республики Корея¹³. Динамично шел процесс установления дипломатиче-

ских отношений Республики Беларусь с государствами региона. 20 января 1992 г. Беларусь установила дипотношения с Китаем, 24 января — с Монголией, 26 января — с Японией, 10 февраля — с Республикой Корея. В этой связи следует подчеркнуть, что на начальном этапе становления двусторонних связей со странами СВА руководство Республики Беларусь уделяло должное внимание вопросам формирования отношений с ведущими государствами региона. Убедительное доказательство этому: после распада СССР первым среди лидеров стран СНГ официальный визит в Китай и Монголию уже в январе 1992 г. нанес премьер-министр Республики Беларусь В.Ф. Кебич¹⁴.

В то же время следует отметить, что в 1991—1994 гг. четкой, продуманной стратегии и тактики сотрудничества Республики Беларусь с государствами СВА у тогдашнего руководства страны не было. В проекте концепции внешнеполитической деятельности Республики Беларусь, подготовленном МИД Беларуси в конце 1992 г. и предварительно обсужденном в начале 1993 г. на заседании Президиума Верховного Совета Республики Беларусь, крупнейшие государства Азии Китай и Индия в перечне стран, с которыми Беларусь намеревалась в первую очередь развивать двусторонние отношения, заняли соответственно только 9 и 10-е места, уступив таким странам, как Израиль и Швеция. При этом Республика Корея оказалась в третьем десятке стран указанного перечня, а Япония совсем не была упомянута¹⁵. Это было связано главным образом с тем, что Беларусь, обретя независимость, стремилась в первую очередь наладить дружественные связи со своими соседями, — государствами бывшего СССР, составлявшими теперь “пояс добрососедства” Беларуси: Украиной, государствами Балтии, а также с Польшей. Естественно, что одним из основных направлений внешней политики Беларуси на том этапе было также установление политических и экономических отношений с ведущими государствами мира — США, Германией, Великобританией, Францией и другими. Тот факт, что в указанном выше перечне Швеция и Израиль оказались в более приоритетном положении, нежели ведущие государства СВА, во многом объясняется, по нашему мнению, завышенными оценками руководством Беларуси роли и значения благоприятных перемен в международной обстановке после завершения холодной войны и распада СССР. Это привело к появлению необоснованных иллюзий относительно быстрого перехода Беларуси к партнерским отношениям с государствами Запада.

Наиболее интенсивно Республика Беларусь начала развивать всестороннее политическое и экономическое сотрудничество с государствами СВА с середины 1990-х гг. При этом в отдельных публикациях белорусских ученых и экспертов появились даже утверждения о “перекосе во внешней политике Беларуси восточного вектора в ущерб западному”. Однако этот “перекос” был вполне оправданным. Начавшийся процесс интеграции Беларуси и России, в котором Запад увидел опасность реставрации СССР, привел к значительному ухудшению отношений Беларуси с западными государствами, в том числе и в торгово-экономической сфере. Отношения Беларуси с Западом еще более осложнились после резко негативной реакции Минска на процесс расширения НАТО на Восток. Это стало одной из причин активизации поиска Минском перспективных политических и экономических партнеров на других континентах, в первую очередь, в Азии.

Взаимный интерес к расширению связей Беларуси и государств СВА обуславливается рядом политических и экономических факторов. Среди политических факторов следует выделить близость подходов сторон к решению многих проблем глобального и регионального масштаба. Так, наблюдается совпадение взглядов Беларуси и государств региона относительно повышения роли и эффективности ООН в вопросах поддержания мира и международной бе-

зопасности. Близки наши подходы в понимании того, что односторонние силовые акции, проводящиеся отдельными государствами или блоками государств в обход Совета Безопасности ООН, ведут к дестабилизации обстановки в отдельных регионах и в мире в целом. В этой связи представляет интерес оценка событий в Югославии. Беларусь вместе Россией и Китаем осудила действия НАТО в Югославии как вмешательство во внутренние дела и как акт агрессии против суверенного государства. Совпадают оценки Беларуси и Китая в отношении политики "расширения НАТО на Восток"¹⁶. В интересах собственной национальной безопасности Беларусь и страны СВА намерены более активно сотрудничать в борьбе с угрозой международного терроризма, этнических конфликтов, религиозного экстремизма, распространением наркотиков, загрязнением окружающей среды. Следует отметить, что подобное совпадение или сходство взглядов служит прочной основой конструктивного взаимодействия Беларуси и стран региона на международной арене: в рамках ООН, Движения неприсоединения, других международных организаций.

Свидетельством высокого уровня двусторонних отношений и взаимной заинтересованности Беларуси и стран региона явились визиты на высшем уровне. Так, Китай с официальными визитами трижды (январь 1995 г., апрель 1997 г., апрель 2001 г.) посещал Президент Беларуси А.Г. Лукашенко, в апреле 1997 г. глава белорусского государства посетил с официальным визитом Республику Корея, а в 1998 г. состоялся рабочий визит президента Беларуси в Японию. Эти визиты наглядно показывают, что с момента прихода к руководству страной глава белорусского государства уделяет пристальное внимание ведущим странам СВА. Не случайно одним из самых первых зарубежных визитов А.Г. Лукашенко в качестве Президента Беларуси стало посещение им в январе 1995 г. столицы КНР. В свою очередь руководители государств СВА также посетили Республику Беларусь с официальными ответными визитами. Состоялись визиты в Минск Председателя КНР Цзян Цзэминя (2001 г.), Заместителя Председателя КНР (ныне главы китайского государства) Ху Цзиньтао (2000 г.). В 1995 г. в качестве Премьера Госсовета КНР и в 2000 г. в качестве Председателя Всекитайского собрания народных представителей в Беларуси побывал Ли Пэн.

Показателем высокого уровня политических отношений Беларуси и стран региона является активное межпарламентское сотрудничество. Наиболее динамично оно развивается с высшими законодательными органами Китая и Японии. Минск и Пекин активно сотрудничают в рамках Межпарламентского союза. Поддержка Китаем, имеющим большой авторитет среди развивающихся стран, позиции Беларуси на Ассамблеях Межпарламентского союза в апреле 1997 г. в Сеуле и в сентябре 1997 г. в Каире способствовала восстановлению членства парламента Беларуси в рядах этой авторитетной международной организации¹⁷.

Интенсифицируется межпарламентское сотрудничество Беларуси и Японии. В начале 2000 г. в парламенте Японии была создана группа японо-белорусского межпарламентского сотрудничества, куда вошли представители правящей Либерально-демократической партии страны. Члены группы не раз официально заявляли, что они готовы содействовать активизации двустороннего взаимодействия во всех сферах, в первую очередь в торгово-экономической и инвестиционной. В мае 2000 г. по приглашению белорусского парламента состоялся первый визит в Минск представителей этой группы, а в октябре 2000 г. по ее инициативе два японских парламентария посетили Беларусь для наблюдения за ходом выборов депутатов в Палату представителей Национального собрания республики. В апреле 2001 г. по приглашению упомянутой группы состоялся ответный визит в Японию делегации Совета Республики Национального собрания Беларуси.

Не умаляя роли политических отношений в налаживании связей Беларуси со странами СВА, следует подчеркнуть, что их значимость для белорусского государства определяется прежде всего экономическими интересами. Проводя политику широкомасштабного международного сотрудничества и экономической интеграции, руководство Беларуси связывает подъем национальной экономики, в первую очередь, с наращиванием экспортного потенциала, и северо-восточный регион Азии может стать для Беларуси емким рынком. Важной составляющей наших отношений со странами СВА является также военно-техническое сотрудничество. Одновременно Беларусь заинтересована в импорте отдельных товаров и продуктов из указанного региона, главным образом, товаров "критического" импорта, без которых невозможно нормальное функционирование отдельных отраслей народного хозяйства Беларуси.

Кроме этого, важным элементом взаимного притяжения является взаимодополняемость экономик Беларуси и стран региона. Например, решая продовольственную проблему, миллиардный Китай особенно заинтересован в импорте белорусских калийных удобрений, а также продукции машиностроения.

В то же время усиливающаяся в условиях глобализации конкуренция вынуждает азиатские фирмы и компании искать новые рынки сбыта в тех регионах, где можно было бы получить экономическую выгоду. И в этом плане Беларусь, расположенная на перекрестке путей между Западом и Востоком, является достаточно привлекательной для предпринимателей и инвесторов из стран СВА. Фактором, способствующим привлечению иностранных инвестиций в Беларусь, является наличие здесь шести свободных экономических зон, а также высокообразованной и сравнительно недорогой рабочей силы, обладающей хорошими техническими навыками и опытом работы на современных предприятиях.

Анализируя состояние и перспективы развития торгово-экономических связей Беларуси со странами СВА, следует отметить, что Минск поддерживает отношения практически со всеми странами этого региона. На протяжении всего периода становления и развития двусторонних торгово-экономических отношений с ними прослеживается тенденция постоянного роста взаимной торговли. При этом отличительной особенностью торговли Беларуси со странами региона является сохраняющееся на протяжении последних лет превышение белорусского экспорта над импортом. Так, например, в 2001 г. объем товарооборота Беларуси со странами СВА, по данным министерства статистики и анализа Республики Беларусь, составил 274,5 млн. долл. (удельный вес региона в общем объеме товарооборота Беларуси с Азией составил 43,8%) и увеличился по сравнению с 1995 г. в 2,3 раза. При этом объем белорусского экспорта в СВА в 2001 г. составил 170,3 млн. долл. или увеличился по сравнению с 1995 г. в 2,7 раза. Важным представляется и рост сальдо в пользу белорусской стороны: в 2001 г. оно составило 66,1 млн. долл. и увеличилось по сравнению с 1995 г. в 11,5 раза¹⁸. И в последующие годы в торговле Беларуси со странами СВА сохранялась динамика роста торговых связей. Так, по итогам 2003 г. общий объем товарооборота Беларуси с государствами региона достиг 352,8 млн. долл., или увеличился по сравнению с 2001 г. на 12,8%, при этом сохранилось положительное для белорусской стороны сальдо взаимной торговли. В 2003 г. белорусский экспорт в страны СВА достиг 200,5 млн. долл. (что составило более 55,7% общего объема экспорта в страны АТР), импорт из стран СВА — 152,3 млн. долл., при этом положительное сальдо внешней торговли достигло 48,1 млн. долл. Характерно, что за период 2001-2003 гг. выросла доля товарооборота Беларуси с государствами СВА в общем объеме торговли со странами АТР. Если в 2001 г. объем товарооборота Беларуси со странами СВА в общем объеме торговли с государствами АТР составлял 55,1%, то в 2003 г. этот показатель вырос до 61%. Подобная тенденция прослеживается и в отношении бе-

лорусского экспорта в регион: если в 2001 г. его доля в общем объеме экспорта в АТР составляла около 48,9%, то 2003 г. этот показатель вырос до 55,8%¹⁹.

Основными торговыми партнерами Беларуси в СВА являются Китайская Народная Республика, Республика Корея и Япония, однако бесспорное лидерство среди названных государств принадлежит Китаю. По итогам 2003 г. объем белорусского экспорта в КНР составил 162,2 млн. долл., (или 81,1% всего белорусского экспорта в регион), китайский импорт в Беларусь достиг 71,7 млн. долл., общий объем товарооборота составил 234 млн. долл., а положительное для белорусской стороны сальдо составило 90,4 млн. долл. На втором месте среди стран региона по объему двусторонней торговли идет Япония. В 2003 г. объем белорусско-японской торговли составил более 41 млн. дол., однако сальдо в объеме 36 млн. долл. сложилось в пользу японской стороны. На третьем месте по объему торговли среди стран СВА находится Республика Корея: объем двустороннего товарооборота в 2003 г. составил 33,5 млн. долл., практически не изменившись по сравнению с 2001 г., однако и здесь сальдо не в пользу белорусской стороны (минус 13,8 млн. долл.). Небольшими объемами характеризуется торговля Беларуси с Монголией и КНДР, составляя ежегодно в последнее время 2-5 млн. долл.

Следует подчеркнуть, что 2003 г. в силу ряда объективных причин оказался не самым простым для деятельности белорусских субъектов хозяйствования в регионе. Нарастание напряженности вокруг ядерных программ КНДР, а также эпидемия атипичной пневмонии в КНР вызвали снижение интенсивности политических и экономических контактов Беларуси со странами региона. Это привело к тому, что ряд достигнутых ранее договоренностей остался нереализованным. Однако, несмотря на указанные причины, Беларуси удалось в целом выдержать положительную динамику двустороннего сотрудничества с основными торговыми партнерами в СВА. Об этом свидетельствуют, в частности, статистические данные белорусско-китайской торговли. Так, если в 2002 г. объем белорусско-китайской торговли равнялся 263,8 млн. долл., то в 2003 г. он несколько уменьшился, составив 234,0 млн. долларов. В то же время существенного падения объемов белорусской торговли со странами СВА не произошло: если в 2002 г. объем торговли со странами региона составлял 359,4 млн. долл., то в 2003 г. — 352,8 млн. долл. Таким образом, можно говорить об относительной стабильности торгово-экономических связей Республики Беларусь с государствами региона.

Лучше уяснить ситуацию, складывающуюся в торговле Беларуси со странами СВА, позволит анализ структуры белорусского экспорта. К сожалению, следует констатировать, что в большинстве стран Азии белорусская торговля представлена в основном двумя-тремя «монотоварами», в первую очередь минеральными удобрениями, а также продукцией Белорусского металлургического завода. Именно за счет этих товаров в конце 1990-х гг. формировалась структура белорусского экспорта в СВА. Складывающаяся ситуация настораживала: негативные изменения конъюнктуры на мировом рынке минеральных удобрений могли обвалить белорусский экспорт в страны региона. Кстати, именно по такому сценарию развилась ситуация с белорусским экспортом в Японию, который основывался главным образом на поставках калийных удобрений. После передачи Международной калийной компанией японского рынка минеральных удобрений исключительно российским производителям, объем белорусского экспорта в Японию сократился до самых минимальных размеров, — 1,8 млн. долл. в 2001 г. и 1,48 млн. долл. в 2002 году²⁰. Следует отметить, что по подобному сценарию вполне могла развиваться ситуация с белорусским экспортом в Китай, основу которого также составляли поставки калийных удобрений, превышавшие во второй половине 1990-х гг. 70% его объе-

ма. Однако усилиями правительства республики, министерства иностранных дел, посольства Беларуси в Пекине, других органов государственного управления страны ситуация начала выправляться, и номенклатура белорусского экспорта была существенно расширена. Особенно активно работа по расширению номенклатуры белорусского экспорта в КНР проводилась в 2002 г. Так, из 62 основных наименований белорусских товаров, поставлявшихся в Китай, 27 или более 40% экспортировались впервые. Стоимость таких поставок на китайский рынок составила 35,2 млн. долл., или 16,1% общей стоимости белорусского экспорта. Среди новых экспортных товаров следует выделить в первую очередь полуфабрикаты из углеродистой стали, трубы и профили пустотелые из черных металлов, топографические и навигационные приборы и инструменты²¹. Необходимо отметить, что расширение номенклатуры экспорта при одновременном наращивании поставок наших традиционных товаров привело к сокращению доли калийных удобрений в общем объеме белорусского экспорта в КНР с 77,3% в 2001 г. до 55,6% в 2002 г. (хотя их было поставлено в 2002 г. на 10,3 тыс. тонн больше, чем в 2001 г.). При этом, несмотря на сокращение доли калийных удобрений в общем объеме белорусского экспорта в Китай в 2002 г., экспорт вырос по сравнению с 2001 г. на 52% и составил 217,4 млн. долл.²².

Характерной чертой белорусско-китайского сотрудничества в экономической сфере в последние годы стала проработка и реализация совместных проектов на территории Китая. Яркий пример этому — деятельность совместного предприятия “Санцзян-Волат” по производству тягачей специального назначения, созданного с участием Минского завода колесных тягачей. Большое внимание белорусскими товаропроизводителями уделяется вопросам расширения в Китае собственной товаропроводящей сети, которая в настоящее время представлена дилерами ПО “Беларуськалий”, государственного предприятия “Минский завод колесных тягачей”, ПО “БелАЗ”, научно-производственного объединения “Интеграл”. Системно работают по расширению своего присутствия на китайском рынке крупнейшее в Беларуси и СНГ производственное объединение “БелАЗ”, РУП “Белорусский металлургический завод”, белорусская авиакомпания “Трансавиаэкспорт”²³.

Анализ сотрудничества Республики Беларусь со странами Северо-Восточной Азии, свидетельствует, что этому важному и перспективному региону руководство страны придает важное значение. Результатом проделанной работы стал высокий уровень отношений между Беларусью и государствами СВА в сфере политического, научно-технического и гуманитарного сотрудничества. Хотя в развитии торгово-экономических связей наблюдается положительная динамика, однако в этой сфере остается еще немало проблем. Так, до настоящего времени не произошло перелома в диверсификации структуры белорусского экспорта, а нынешний объем товарооборота не соответствует потенциальным возможностям участвующих в нем сторон. При этом надо иметь в виду, что в условиях жесткой международной конкуренции ведущие государства региона — Китай, Республика Корея, не говоря уже о Японии, тоже не стоят на месте, совершенствуют технологии и повышают качество производимой продукции. Здесь важно не опоздать.

Опыт свидетельствует, что резервы для дальнейшего роста товарооборота Беларуси со странами региона имеются: это уже упоминавшаяся диверсификация структуры товарооборота, в первую очередь, экспорта, повышение конкурентоспособности и качества белорусской экспортной продукции, активное участие Беларуси в международных выставках и ярмарках, создание совместных производств, расширение дилерской сети и системы сервисного обслуживания. Только кропотливая, наступательная и системная работа по реа-

лизации вышеуказанных резервов создаст благоприятные условия для закрепления белорусских товаропроизводителей на рынках региона.

Важная роль в этой работе отводится министерству иностранных дел и загранучреждениям Республики Беларусь. Им предстоит активизировать деятельность в регионе по поиску новых торговых партнеров для белорусских предприятий-экспортеров, более активному участию белорусских субъектов хозяйствования в тендерах, выставках и ярмарках, проводимых в государствах СВА. Также большую работу следует провести по продвижению перспективных совместных проектов развития инфраструктуры в странах аккредитации белорусских посольств, разработке совместных наукоемких проектов с использованием передовых белорусских наукоемких технологий. Многие необходимо сделать по систематизированному информационному обеспечению внешнеэкономической деятельности, включая проведение маркетинговых исследований и изучение конъюнктуры рынков АТР. Принимая во внимание удаленность рынков СВА, для более активного продвижения экономических интересов Беларуси в этом регионе следует активизировать взаимодействие МИД Беларуси, других заинтересованных министерств и ведомств с МИД России и российскими загранучреждениями, Комиссиями Российской Федерации по делам АСЕАН и АТЭС.

История развития отношений Беларуси с государствами СВА свидетельствует, что задача дальнейшего наращивания белорусского товарооборота с ними вполне достижима. Яркий пример тому: решение задачи, поставленной лидерами Беларуси и Китая Президентом А.Г.Лукашенко и Премьером Госсовета КНР Ли Пэном во время визита главы китайского правительства в Минск летом 1995 г., — об увеличении объема белорусско-китайского товарооборота с 50 до 100 млн. долларов. В результате по итогам 1999 г., двусторонний объем товарооборота составил 200 млн. долл.²⁴, а по итогам 2002 г. достиг рекордной цифры — 263,89 млн. долл. Во время визита в Минск в июле 2001 г. Председателя КНР Цзян Цзэминя, главы Беларуси и Китая высказали уверенность, в том, что в ближайшие годы объем торговли двух стран может быть доведен до 500 млн. долл.²⁵.

Говоря о перспективах развития отношений Беларуси с государствами СВА, следует отметить, что восточный и западный векторы во внешней политике белорусского государства — это не конкурирующие, а взаимодополняющие друг друга направления. Более того, отсутствие каких-либо политических проблем и противоречий в отношениях между Беларусью и государствами СВА, совпадение позиций по ключевым вопросам мировой политики позволяют прогнозировать дальнейшую активизацию всего комплекса отношений нашей страны с государствами этого региона. Можно с большой долей уверенности говорить о следующей тенденции развития торгово-экономических отношений Беларуси с государствами СВА: в условиях растущей глобальной конкуренции, при четко сложившейся системе раздела рынков Европы на сферы влияния между США и промышленно развитыми европейскими государствами, с учетом имеющихся проблем во взаимоотношениях Беларуси со странами Европы, а также состоявшегося 1 мая 2004 г. расширения Европейского союза за счет ближайших соседей Беларуси — Балтийских стран и Польши, при некотором технологическом отставании Беларуси от западных стран — в ближайшей перспективе рынки государств СВА станут еще более привлекательными для экспорта белорусских товаров, а сами страны этого региона — источником роста валютных поступлений для Республики Беларусь.

1. Грицкевич В.П. От Немана к берегам Тихого океана. Минск, 1986. С.33.

2. Архив Министерства иностранных дел Республики Беларусь (в дальнейшем Архив МИД РБ). Фонд И.А.Гошкевича, д. 1, л. 2-6.

3. История Российской духовной миссии в Китае. Сб. статей. М., 1997. С.5

4. Власюк В. Первый консул // Беларусь—Япония. Материалы II межд. чтений. Минск: Белор. книгосбор, 2003. С.48.
5. Хейфец А.Н. Революционные связи народов России и Китая в начале XX века // Вопросы истории. М. 1956. № 12. С.96-98.
6. Мацель В.М. Становление и развитие дружественных белорусско-китайских отношений. Барановичи, 2004. С.19.
7. Белорусская энциклопедия (на бел. яз.). Минск, 2002. Т.14. С.65.
8. Киселев.К.В. Записки советского дипломата. М.: Политиздат. 1974. С.366-367.
9. Архив МИД РБ, ф. 907, оп. 2, д. 71, л. 55.
10. Там же, л.32.
11. Архив МИД РБ, ф. 907, оп. 2, д. 59, л. 4-5.
12. Архив МИД РБ, ф. 907, оп. 2, д. 52, л. 116.
13. Архив МИД РБ, ф. 907, оп. 2, д. 84, л. 85.
14. Советская Белоруссия. 1992. 23, 25-26 января.
15. Приоритеты внешней политики Республики Беларусь. Материалы "круглого стола". Минск, 2001. С.82.
16. Вестник Министерства иностранных дел Республики Беларусь. Минск, 2000. № 3. С.38; Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А.В.Торкунова. М., 2000. С.82.
17. Бабак И.Н. Белорусско-китайское сотрудничество в международных организациях // Вестник посольства Республики Беларусь в КНР.— Пекин, 2003. № 4. С.40.
18. Подсчитано автором по: Внешняя торговля Республики Беларусь в 1995-2000 гг. Минск, 2001; Конкурентоспособность национальной экономики. Внешняя торговля: состояние и перспективы //Право и экономика. Минск: Нац. акад. наук Беларуси, Институт экономики Нац. акад. наук Беларуси. 2002. С.49.
19. Подсчитано автором по данным текущего архива МИД Республики Беларусь.
20. Мацель В.М. Беларусь в Азиатско-тихоокеанском регионе // Проблемы управления. 2003. № 3(8). С.99
21. Там же. С.100.
22. Русакевич В.В. Развитие белорусско-китайских отношений в 2002 году // Вестник посольства Республики Беларусь в КНР. Пекин, 2003. № 6. С.23.
23. Русакевич В.В. Указ. соч. С.24.
24. Вестник Министерства иностранных дел Республики Беларусь. Минск, 2000. № 3. С.39.
25. Советская Белоруссия. 2001. 20 июля.

Общество

Наркомания и китайская молодежь

© 2004

О. Почагина

Распространение и употребление наркотиков стало в конце XX века глобальной проблемой человечества. Наркомания поразила как развитые, так и развивающиеся страны. По данным ООН, в мире в настоящее время употребляют марихуану почти 142 млн. человек, амфетамины и синтетические наркотики — 30,5 млн., кокаин — 13,4 млн., героин и опиаты — 8 млн. человек¹. Таким образом, жертвами наркомании, в соответствии с этими данными, являются около 200 млн. человек. Однако, согласно мнению некоторых экспертов, есть все основания полагать, что реальная численность наркоманов в мире может более чем в 10 раз превышать зарегистрированную².

Первая в истории эпидемия наркомании³ поразила Китай в XIX в., когда англичане и голландцы стали в огромных количествах ввозить опиум из Индии. В 40-е годы XIX в. английский экспорт опиума в Китай составлял 2500 тонн. После поражения во второй опиумной войне китайцам пришлось подписать договор, по которому ввозимый опиум почти не облагался налогом. В 1880 г. в Поднебесную поступало уже более 6500 тонн опиума. Миллионы китайцев стали жертвами пагубного пристрастия к опиуму, ситуация в стране начала выходить из-под контроля властей. В 1906 г. ввоз опиума был запрещен, что спровоцировало, однако, культивирование опиумного мака практически на всей территории Китая. Это резко снизило его стоимость, сделав опиум доступным для всех слоев населения, включая беднейшие. С 1913 г. курение опиума было запрещено указом президента Китайской республики, но запреты проблемы не сняли⁴. За сто лет наркомания пустила глубокие корни, став подлинным социальным бедствием. Таким образом, китайский народ уже в XIX в. испытал на себе разрушительные последствия массового употребления наркотиков.

Антинаркотическая политика в КНР.

Народное правительство КНР сразу же после прихода к власти в 1949 г. разработало ряд жестких мер по искоренению наркомании: было запрещено опиекурение, уничтожены посевы опиумного мака, организовано принудительное лечение наркозависимых граждан, разработаны и запущены в произ-

Почагина Ольга Валерьевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

водство антинаркотические препараты, наркоторговля стала караться смертью (по официальным данным, в начале 1950-х гг. было арестовано 80 тыс. чел., многие из которых были казнены). Развернулась широкая антинаркотическая кампания. Комплексный и жесткий подход в короткие сроки дал положительные результаты. Несмотря на тот факт, что на юго-западе КНР граничит с т.н. “золотым треугольником” — одним из крупнейших районов производства наркотиков — до 80-х гг. XX в., согласно официальным источникам, Китай страдал в основном из-за транзитной контрабанды наркотических средств. Наркомания же как таковая не являлась серьезной проблемой.

Ситуация изменилась с началом курса “реформ и открытости”. В распространенных в декабре 2001 г., материалах пресс-канцелярии Госсовета КНР “Борьба с наркотиками в Китае” особо подчеркивалось, что “с конца 70-х гг. XX в. поветрие наркомании и наркобизнеса стало давать о себе знать и в Китае, вновь ожила преступная деятельность, связанная с транзитной контрабандой наркотиков через китайскую границу. Неуклонно растет число наркоманов, а также количество уголовных дел, связанных с наркотиками”⁵.

В настоящее время в КНР реализуется жесткая стратегия подавления наркобизнеса (смертная казнь с конфискацией имущества за 50 грамм героина) и обязательного принудительного лечения наркоманов в наркологических диспансерах. Антинаркотическая политика в КНР представляет собой комплексную государственно-общественную программу, в основу которой положен запрет наркотиков и решительная борьба с их производством и распространением⁶. Руководство страны рассматривает борьбу с распространением наркотиков как “сложную общественную системную и стратегическую задачу”, при решении которой необходимо мобилизовать юридические, административные, экономические, культурные, образовательные и медицинские методы и средства. Наркомания и наркоторговля расцениваются как факторы, наносящие значительный ущерб экономическому развитию и социальной стабильности в стране. Борьба с наркотиками включена в программы социально-экономического развития, создана система оперативной ответственности правительств всех уровней.

В 1990 г. правительство КНР создало Государственный комитет по борьбе с наркотиками (ГКБН), в который вошли представители 25 министерств и ведомств, включая министерства общественной безопасности и здравоохранения. Для усиления борьбы с наркобизнесом и преступлениями, связанными с наркотиками, в 1997 г. в ходе пересмотра Уголовного кодекса КНР было сохранено главное содержание “Постановления о борьбе с наркотиками”, внесены важные поправки и дополнения в статьи, квалифицирующие преступления, связанные с наркотиками. Тем самым было усилено уголовное законодательство в этой области. При министерстве общественной безопасности в 1998 г. создано Управление по борьбе с наркотиками.

Кроме того, в середине 1990-х гг. в КНР была разработана и развернута кампания за создание “квартала без наркотиков”. В ее основу была положена система ответственности по выявлению наркоманов и оказанию им помощи по месту жительства с привлечением уличных, волостно-поселковых комитетов и широкой общественности. Такого рода структура позволила, с точки зрения китайских властей, повысить эффективность социального контроля на местах. В 1999 г. после изучения результатов реабилитации наркоманов в г. Баотоу (Внутренняя Монголия), ГКБН принял решение о популяризации этого опыта и развертывании работы по созданию “кварталов без наркотиков” в общенациональном масштабе.

В настоящее время при всех правительствах провинций, автономных районов и городов центрального подчинения созданы и успешно функционируют комиссии по борьбе с наркотиками. Средства на эти цели выделяются из бюджетов правительств разных уровней. Кроме того, в 1998 г. был создан Фонд борьбы с наркотиками, который использует и общественные средства. С 1998 г. в КНР издается ежегодник "Борьба с наркотиками"⁷. Населению предоставляется консультативная помощь, открыты "горячие" телефонные линии, издаются журналы, созданы информационные сайты в Интернете.

Госсовет КНР и провинциальные правительства приняли серию постановлений, ужесточающих борьбу с наркопреступлениями. Законодательные органы провинций Юньнань, Гуйчжоу, Сычуань, Гуандун, Ганьсу, Шэньси, Хэйлунцзян, Цзянсу и Нинся-Хуэйского автономного района, исходя из актуальности проблемы и своих реальных условий, разработали местные нормативные акты в сфере борьбы с наркотиками. С января по июнь 2002 г. в Китае раскрыто 45378 преступлений, связанных с изготовлением, транспортировкой и продажей наркотиков. По данным ГКБН, общее число преступников, арестованных полицией в ходе операций по борьбе с наркобизнесом, превысило 38 тыс. человек.

Однако несмотря на все предпринимаемые властями усилия, на протяжении последних двадцати лет в КНР наблюдается тенденция устойчивого роста численности наркоманов. В 1980-е гг. всплеск наркомании был зафиксирован в юго-западных провинциях Китая: Юньнани, Гуйчжоу, Сычуани, затем в Шэньси, Ганьсу и Внутренней Монголии. В 1990-е гг. наркомания стала стремительно распространяться по всей стране. Говоря о тенденциях распространения наркомании, необходимо отметить следующие: 1) из сельских районов в города; 2) из юго-западных провинций в северо-восточные; 3) из приграничных во внутренние районы страны. Имеют место и региональные различия в употребляемых типах наркотических средств.

Более 70% наркоманов в КНР употребляют героин. Более 95% героина поступает из района "золотого треугольника", с которым граничит провинция Юньнань⁸. Китайские власти считают "айс" (кристаллический метамфетамин) вторым по распространенности наркотиком после героина. Наиболее распространенными наркотиками амфетаминового ряда, оказывающими стимулирующее действие на центральную нервную систему, являются амфетамин, метамфетамин и "экстази". Следует отметить, что Китай является одним из основных производителей этой группы наркотиков в АТР и во всей Азии, а его внутренний рынок — основным рынком сбыта⁹. В стране имеется хорошая производственная база для производства эфедрина и псевдоэфедрина, которые служат сырьем для изготовления ряда синтетических наркотиков¹⁰. В последние годы в северо-восточных провинциях Китая было выявлено большое число преступлений, связанных с хищением, нелегальной торговлей и необоснованным употреблением меперидина и других наркотических лекарств¹¹.

Синтетические наркотики в форме таблеток, капсул и порошка производятся не только в многочисленных подпольных лабораториях восточных и юго-восточных прибрежных провинций, но также на обычных предприятиях под видом легальных товаров и лекарственных средств. Наркодельцы организуют утечки химических веществ из сферы законного фармацевтического или химического производства, или находят компании, которые идут на незаконное изготовление психоактивных веществ. И это несмотря на то, что в КНР осуществляется строгий контроль за 118 наркотическими и 119 психотропными веществами.

По мнению международных экспертов, ситуация с изготовлением, продажей и потреблением метамфетамина вряд ли изменится в ближайшем будущем, поскольку, в отличие от растительных наркотиков, его производство не зависит от сезонности, не требует большого количества рабочих рук, чрезвычайно привлекательно и прибыльно для инвесторов. Кроме того, этот тип наркотиков сложно контролировать, т.к. его производство можно наладить без особых затрат и в короткие сроки при наличии необходимых химических веществ в небольших и достаточно мобильных лабораториях.¹²

В конце 1995 г. ГКБН обнародовал следующие цифры: зарегистрировано 520 тыс. чел. употребляющих наркотики, в 1994 г. их насчитывалось — 380 тыс., в 1993 г. — 250 тыс., в 1991 г. 148 тыс. человек. Были отмечены случаи продажи и потребления наркотиков в 1600 субъектах административного деления до уровня уезда¹³. На конец 2002 г. в КНР было зарегистрировано уже 1 млн. наркоманов, прирост по сравнению с 2001 г. составил 11%, случаи употребления и продажи наркотиков зафиксированы в 2148 субъектах административного деления.

В Гонконге в 2002 г. наиболее распространенными наркотиками были: героин — 74,2%, кетамин — 16,9%, триаололам/мидаололам — 7,5%, каннабис (марихуана и гашиш — это продукты, получаемые из растения каннабис сатив) — 8,1%, “экстази” — 8,6%, “айс” — 3,8%, другие психотропные вещества — 35%. При этом каждый пятый наркоман употреблял несколько наркотиков. Героин, как известно, вводится путем инъекций, другие типы наркотиков вдыхают — 70%, вводят инъекционно — 25%, курят — 12%¹⁴.

Наряду с ростом количества людей, употребляющих психоактивные вещества, наблюдается тенденция омоложения наркоманов. По именуемым данным, на 1998 г. наркоманы в возрасте до 17 лет составляли в пров. Юньнань 4% , 18-25 лет — 16,5%. В 2000 г. доля наркоманов до 17 лет возросла до 26,2%, 18-25 лет до 54,2%. Обследования в г. Ланьчжоу (пров. Ганьсу) выявили аналогичную тенденцию: наркоманы в возрасте до 29 лет составляли 91,4%. В г. Шэньчжэнь (специальная экономическая зона в пров. Гуандун) в 1994 г. наркоманы в возрасте 16-20 лет составляли 40%, а 21-25 лет — 37,4% от общей численности зарегистрированных наркоманов¹⁵. В Гонконге в 2002 г. наркоманы до 21 года составляли 16,6%, от 21 до 30 лет — 32%¹⁶. По официальным данным на конец 2002 г., доля молодежи и подростков составляла 74% от общей численности наркоманов, от передозировки наркотиков в последние годы скончалось более 25 тыс. чел¹⁷.

Эксперты ООН подчеркивают, что “классические наркотики” в мире постепенно “выходят из моды” и все большую популярность, особенно среди молодежи, приобретают синтетические наркотики. Так, В 2000—2001 гг. потребление “экстази” возросло на 70% по сравнению с 1995—1997 гг.¹⁸. В Китае в соответствии с мировыми тенденциями также идет переориентация с традиционных видов наркотиков растительного происхождения, таких как героин и кокаин, на синтетические, производство которых получило широкое распространение в последние два десятилетия.

В молодежной городской КНР наибольшее распространение получили таблетки “экстази” или по-китайски “яотоувань”, а в Гонконге молодежь отдает предпочтение порошку кетамина, который вдыхают¹⁹. Следует подчеркнуть, что “экстази” — необычный наркотик, поскольку продолжает оказывать нарастающее воздействие на мозг даже после прекращения приема и его выведения из организма. У принимавших “экстази” развивается депрессия, беспокой-

ство, раздражительность, серьезные нарушения сна, наблюдается значительное ухудшение памяти и снижение умственной активности в целом.

Антинаркотическая кампания, развернутая в стране в феврале 2002 г., была направлена на осуществление особого контроля за дискотеками, ночными клубами, другими местами, где молодежь проводит свой досуг, поскольку именно там собирается основная масса наркоманов и наркодельцов. Кампания дала как положительные, так и отрицательные результаты: молодые люди, употребляющие наркотики, и наркоторговцы стали более осторожными, ушли в подполье, что стало фактором спровоцировавшим всплеск преступности²⁰. Число преступлений, связанных с наркотиками, в 2002 г. достигло 110 тыс. Правоохранительные органы Китая в том же году конфисковали 9,29 тонн героина, 1,21 тонн опиума, 3,19 тонн метамфетамина, 1,3 тонн марихуаны, более 3 млн. таблеток “экстази” и 300 тонн других наркотических веществ²¹.

Несмотря на все предпринимаемые меры и регулярные показательные казни наркоторговцев ситуация с распространением наркотиков в Китае оценивается официальными лицами как “серьезная”. Министр общественной безопасности КНР Бай Цзинфу, назвал ее “тяжелой”. По оценкам некоторых зарубежных экспертов, численность наркоманов в КНР значительно превышает цифры официальной статистики и составляет около 7 млн. человек²².

Социально-экономические и психологические причины распространения наркомании среди молодежи.

Сегодня уже нет особой необходимости доказывать, что переходные периоды в истории любой страны, порождающие значительные изменения в различных сферах жизни общества, обостряют проблемы социализации молодежи. Изучение отклоняющегося поведения, особенно его асоциальных форм, бесспорно имеет большую социальную значимость. Во всем мире отмечается устойчивый рост агрессивных форм поведения, безразличия и жестокости, алкоголизма, наркозависимости, самоубийств. Данные тенденции характерны и для Китая, где традиционные и многие социалистические ценности, моральные и поведенческие стереотипы частично утратили свою значимость и актуальность, где жизненные ориентиры молодого поколения, родившегося после начала модернизации, находятся в процессе формирования и становления. В КНР наметились новые тенденции в самоидентификации личности, значительно усилилось влияние западных стандартов и стереотипов на молодое поколение. Сложившаяся ситуация создала условия, а в ряде случаев и стала причиной асоциального поведения подростков и молодых людей, в силу своих психологических особенностей особенно остро реагирующих на быструю социокультурную и экономическую трансформацию общества.

В последней четверти XX в. изменились условия семейной социализации, что связано прежде всего со значительной трансформацией структуры и функций института семьи. Особенно важны в контексте рассматриваемой проблемы следующие изменения:

1) нуклеаризация семьи привела к снижению контроля за подростками, их предоставленности самим себе в условиях многоэтажных кварталов городов, отчужденности от семьи и как следствие к формированию у них чувства одиночества. В связи с этим в последние два десятилетия значительно возросло влияние групп сверстников, СМИ и поп-культуры на процесс социализации детей и молодежи;

2) трансформация и усложнение отношений между родителями и детьми, между личностью и семьей. Родительские установки по отношению к детям стали иными. Нарушения межличностных отношений родителей и детей являются одной из основных причин асоциального поведения последних;

3) занятость женщин в общественном производстве в условиях рыночной экономики значительно сократила время, уделяемое воспитанию детей, общению с ними, осуществлению контроля за их учебной и досуговой деятельностью;

4) снижение стабильности института семьи в целом, повышение уровня внутрисемейной конфликтности и психологической напряженности, появление значительного количества неполных семей, что обусловлено быстрыми и кардинальными экономическими и социальными переменами, идущими в стране.

В Китае, как и в других странах мира²³, наркомания молодежи является результатом сложного взаимодействия большого количества биологических, психологических и факторов.

В современном китайском обществе интенсивно идет процесс социальной дифференциации, что приводит к формированию малообеспеченных слоев населения. В условиях рыночной экономики, когда достаточно остры проблемы безработицы, определенная часть населения испытывает трудности в оплате за обучение своих детей, в обеспечении их всем необходимым. Обнищание, естественно, сказывается на здоровье и психологическом состоянии детей из таких семей. Известно, что у подростков с ослабленным здоровьем и иммунитетом чаще возникают проблемы с освоением школьной программы, бывают нервные срывы, возникают конфликты. Все это ведет к возникновению психологической напряженности и депрессивным состояниям, что в целом и может спровоцировать их на употребление наркотиков. Более того, у них быстрее, чем у здоровых, формируется наркозависимость.

Аналогичная психологическая ситуация может возникнуть и при завышенных требованиях родителей к подросткам без учета их реальных возможностей, стремлении авторитарными методами воспитания подавлять их личностное развитие. Наркотики становятся для них в таких случаях средством снятия стресса. Необходимо отметить, что в течение последнего десятилетия взрослые и молодежь в КНР осознали острую необходимость получения высшего и среднего специального образования, без которого сложно быть востребованным на рынке труда. Поэтому с середины 1990-х гг. нагрузки школьников значительно возросли. Родители стремятся максимально расширить будущие возможности своих отпрысков, поощряя детей посещать, помимо школы, многочисленные дополнительные занятия (иностранная языки, музыка, танцы, каллиграфия), участвовать в олимпиадах и конкурсах. Естественно, дети испытывают значительные физические и моральные перегрузки и психологическое давление со стороны родителей. Как правило, единственные дети в городских семьях являются средоточием всех родительских интересов и надежд, но далеко не все они в силу своих психических особенностей могут справляться с возложенными на них ожиданиями. Получение знаний в Китае превратилось в некую "навязчивую идею", что не может не вызывать беспокойства среди педагогов средних школ и психологов. Анализ занятости учащихся показывает, что у последних практически нет времени для элементарного отдыха, игр, общения как в рабочие, так и в выходные дни. В своих интервью дети высказывали пожелания выспаться, иметь больше свободного времени для игр, общения, отдыха, просмотра телепередач и т.п. Чрезмерная нагрузка неблаго-

приятно отражается на здоровье учащихся начальных и средних школ, и ситуацию необходимо менять, считает профессор Института социальных исследований Шанхайской академии общественных наук Яо Пэйкуань²⁴.

Многие подростки пробуют наркотики из любопытства, стремления к экспериментированию с эмоциями, из-за прямой и скрытой пропаганды наркотиков поп-культурой, которая возбуждает к ним интерес. В американских и других западных фильмах, популярных сегодня в Китае, часто показывают положительные эмоции героев от приема наркотиков на вечеринках и дискотеках, дается представление о том, как и где их можно приобрести. При этом зритель чрезвычайно редко видит губительные последствия их употребления для здоровья и личности человека. Если герой умирает от передозировки наркотиков, то подчеркивается, что в этом виноват исключительно он сам, так как не знал меры. Таким образом, в сознании подростка, в силу его социальной незрелости и неспособности оценить опасность многих явлений, складывается в целом позитивное восприятие наркотика как средства, способствующего улучшению настроения, создающего атмосферу легкости и веселья. Наркотик воспринимается как символ приобщения к взрослой и красивой жизни.

В исследовании, проведенном в 2000 г. в Гонконге и посвященном изучению тенденций употребления молодежью психотропных веществ, была выявлена четкая взаимосвязь употребления "экстази" и кетамина с рейв-культурой²⁵. Таким образом, наркомания в Китае стала модным атрибутом молодежной субкультуры, без "айса", "экстази" и других психостимуляторов определенная часть молодежи уже не представляет себе дискотеку и другие формы молодежного досуга.

Еще одним фактором, обуславливающим обращение к наркотикам, выступает разрыв между высоким уровнем притязаний, сформировавшимся под воздействием рекламы, гляцевых журналов и фильмов, и возможностью их реализации в повседневной жизни. В КНР значительно долю рекламного времени на телевизионных каналах занимают ролики, продвигающие товары, связанные с улучшением внешности человека, формы тела и даже увеличением роста. Бесчисленные журналы и газеты, заполнены рекламой модной одежды, обуви, аксессуаров, всевозможных технических новинок, туров в различные уголки мира, репортажами об успешных молодых бизнесменах.

Немаловажное значение в психологическом состоянии подростков имеют возрастные особенности восприятия мира, сильные душевные переживания, связанные с половым созреванием. Так, например, среди учеников 3-7 классов гонконгских школ 9% мальчиков и 7% девочек страдают от чувства собственной никчемности. 54% девочек и 44% мальчиков не испытывают удовольствия от жизни, угнетены, не уважают себя²⁶. В массовой культуре КНР с каждым годом все активнее фигурирует тема секса. Половое влечение подростков и молодежи искусственно подогревается телевидением и другими СМИ, избыточными эротикой и сексуальными сценами. Определенную роль в этом играет и возникшая секс-индустрия (в КНР функционирует более 2000 секс-шопов с оборотом 20 млн. долл. в год²⁷).

Такое ежедневное психологическое давление, непрерывное искушение предметами роскоши, постоянные призывы к потреблению, демонстрация чужей-то успешности могут выступать как стимул к учебе, работе, но может и чрезвычайно угнетающе действовать на неокрепшую психику подростков, порождая у них чувства невозможности обладания модными предметами и несоответствия навязываемым стандартам сексуальности, собственной обделенности и неполноценности.

Таким образом, еще одним психологическим фактором, провоцирующим обращение подростков к наркотическим веществам, является не терпящее отсрочки стремление к сиюминутному удовлетворению потребностей, препятствующее их рациональному анализу. Риск на индивидуальном уровне усиливается или ослабляется социальными и микросоциальными условиями жизни подростка. Социальная неустойчивость, быстрая трансформация общественной ситуации, не устоявшиеся жизненные ценности и расплывчатые жизненные ориентиры, маргинальность, отверженность (в семье или группе сверстников), конфликтность являются чрезвычайно благоприятной средой для роста численности наркоманов среди молодежи в Китае.

Установлено, что наркомания формируется преимущественно в подростковом возрасте как у лиц с выраженными тенденциями к самоутверждению и немедленному выполнению своих претензий, так и у подростков со сниженной способностью к длительной, целенаправленной деятельности, раздражительностью, склонностью к избыточному фантазированию, демонстративному проявлению чувств, подражанию и лжи. Такие психологические особенности личности приводят к снижению социальной адаптации и способствует формированию асоциальных форм поведения.

Дети и подростки из неблагополучных семей являются одним из каналов пополнения потребителей наркотиков. Но наряду с ними пополнение идет и за счет молодежи из благополучных семей. По утверждению экспертов, именно дети и подростки из обеспеченных семей являются особой группой риска, поскольку становятся объектами целенаправленных действий со стороны наркоторговцев, видящих в них наиболее платежеспособных и выгодных потребителей психоактивных веществ.

Согласно выборочному обследованию, проведенному в 2000 г. в Гонконге местным отделом по борьбе с наркотиками, большинство молодых людей, страдающих наркозависимостью, принадлежат к относительно благополучным семьям и имеют, как правило, среднее образование. Немаловажное значение имеет тот факт, что благополучие в представлениях таких подростков не сводится исключительно к материальному достатку. Выяснилось, что из-за отсутствия в семьях атмосферы взаимоуважения между представителями различных поколений подростки из обеспеченных слоев часто попадают в группы наркоманов, где им якобы рады, где они получают долю столь необходимого каждому внимания, возможность общения и самоутверждения, которых они лишены в своих семьях. Таким образом, употребление наркотических веществ может быть способом организации взаимодействия в группе. Асоциальные подростки более подвержены влиянию группы сверстников (а именно влиянию старшего в группе) при выборе поведения в пользу приема наркотических веществ.

В ходе исследования выявлены основные причины, по которым подростки начинают принимать наркотики: в них они видят средство, которое помогает противостоять жизненным проблемам, легче пережить переживания и разочарования, неудачи в отношениях со взрослыми. Они воспринимают наркотики как один из способов, дающих возможность изменить собственный образ жизни. Приобщение к наркотикам происходит обычно в раннем подростковом возрасте, при этом основную роль играют любопытство и желание поэкспериментировать со своими ощущениями и состоянием сознания, доступность наркотических средств среди сверстников²⁸.

Анализируя рост наркомании среди молодежи КНР, китайские эксперты особо подчеркивают следующие причины этого явления:

1) духовную пустоту, неверную систему ценностей, ориентированную в основном на удовольствия, потребление и красивую жизнь, в чем немалую роль играют средства массовой информации, произведения западной массовой культуры, реклама;

2) возможности свободного передвижения. Развитие экономики, снятие ограничений в существовавшей ранее жесткой системе регистрации по месту жительства значительно увеличили внутренние миграционные потоки. Особенно легка на подъем сельская молодежь, с миграцией у нее связаны значительные ожидания и надежды на лучшую жизнь. Сложности, с которыми в реальной жизни сталкиваются молодые мигранты при трудоустройстве, обретении крыши над головой на новом месте, пользовании социальными благами, медицинской помощью и т.п. порождают у большинства сильнейшее разочарование, ощущение краха жизненных планов, полного отсутствия перспектив, безнадежности, что толкает часть из них на путь наркомании;

3) безработица также является фактором, способствующим попыткам поискать выходов из трудных жизненных ситуаций с помощью наркотических средств. Отметим, что избыточная рабочая сила в КНР составляет, по разным оценкам, от 150 до 300 млн. человек, причем особые сложности с трудоустройством испытывает именно молодежь, независимо от уровня образования;

4) нестабильная семейная жизнь, рост разводов, конфликты и насилие в семьях, неудовлетворенность семейными отношениями между представителями разных поколений, ощущение непонятости, ненужности в семье часто толкают подростков и молодых людей на поиск понимания и бесконфликтного общения в группах сверстников, где высока доля вероятности приобщения к наркотикам и другим формам асоциального поведения²⁹. Мотивы такого поведения, как правило, сводятся к уходу от реальности в мир иллюзий и грез, в мир “кайфа”, где никто “не достает” нравочениями, где группа принимает индивида таким, какой он есть.

Анализируя негативные последствия злоупотребления психоактивными веществами, китайские специалисты прежде всего подчеркивают, что наркомания оказывает негативное влияние на качество населения, программирует раннюю смертность, снижает интеллектуальный уровень, подрывает психическое здоровье, делает невозможным создание прочной семьи и рождение полноценных детей. Молодые люди, начавшие принимать героин, живут не более 5 лет, а со слабым здоровьем — менее года. Кроме того, среди наркоманов высок уровень заболеваемости гепатитом, туберкулезом, СПИДом. Пагубное пристрастие ведет к физическим и психическим изменениям в организме, часто несовместимым с обучением и трудовой деятельностью, что сказывается на интеллектуальном потенциале и психическом здоровье молодых людей. Более того, многие из них втягиваются в преступную деятельность ради приобретения наркотиков. Наркомания, таким образом, представляет прямую угрозу для общественной безопасности, поскольку, как правило, влечет за собой воровство, разбойные нападения, грабежи, проституцию и даже убийства. Так, в г. Ланьчжоу 70,1% преступлений совершены наркоманами, в пров. Ганьсу 82% наркоманок занимались проституцией. Отмечается тенденция увеличения доли особо тяжких преступлений, совершенных молодыми людьми, принимающими психоактивные вещества. Исследователи обнаружили связь между употреблением наркотиков и склонностью к насилию³⁰.

Наркозависимость делает невозможным создание прочной семьи, которая расценивается в Китае как один из важнейших факторов социальной стабильности. Если молодые люди все же вступают в брак, то семейные отноше-

ния в семьях, где один или оба супруга — наркоманы, далеки от идиллии. В таких браках значительно выше уровень конфликтности и острее противоречия, что часто ведет к их распаду. Среди наркоманов немало молодых женщин, которым предстоит стать матерями, и которые еще рождения обрекают своих детей на наркозависимость и сопутствующие заболевания. Число представительниц слабого пола, принимающих наркотики, согласно официальным данным, достигло на начало 2001 г. 118 тыс. человек (на 26% больше, чем в 1999 г.) и составило более 15% общей численности наркоманов, причем прирост произошел за счет молодежи³¹. Наркомания наносит ущерб генофонду нации, значительно снижает качественные показатели населения, повышает смертность среди младенцев. У наркоманов плохая наследственность. Дети, рожденные в таких браках, страдают от многих заболеваний, от психической неуравновешенности родителей, которые не в состоянии обеспечить им достойное содержание и воспитание. Таким образом, наркомания угрожает стабильности и устоям общества.

Помимо разрушительных последствий на личностном уровне (биологическая, генетическая, социальная деградация), наркомания оказывает негативное влияние на развитие экономики страны в целом. Государству приходится тратить колоссальные средства и задействовать значительное количество людей на борьбу с наркоманией, наркобизнесом, на лечение и реабилитацию наркоманов. Эти средства и ресурсы могли быть использованы на подъем благосостояния наименее защищенных социальных групп, включая стариков и детей. Нелегальный оборот наркотиков разрушает финансовую систему и товарооборот, подрывает покупательную способность населения, негативно воздействует на рост уровня жизни и структуру потребления. Он связан также со значительными потерями и деградацией людей трудоспособного возраста, что в конечном счете, угрожает национальной безопасности страны³².

Именно поэтому правительство уделяет особое внимание воспитательной и профилактической работе среди молодежи и подростков, основная цель которой состоит в том, чтобы прививать молодому поколению бережное отношение к жизни и неприятие наркотиков. Следует отметить, что еще в 1991 г. был принят «Закон КНР о защите несовершеннолетних», а в 1999 г. — «Закон о предупреждении преступности среди несовершеннолетних». В них предусмотрены меры защиты подростков от наркотиков. В этих законах получила отражение концепция антинаркотикового воспитания детей, начиная с раннего возраста, поскольку воспитательно-профилактическая работа является одним из основных звеньев борьбы с наркотиками. Антинаркотиковое воспитание было провозглашено составной частью идейно-воспитательной работы и официально включено в учебные программы начальных и средних школ Китая. Постоянно издается серия книг, в доступной форме разъясняющих подросткам и молодежи форму опасность наркотиков для здоровья, разрушающие последствия их употребления для человеческой личности, механизмы лечения и реабилитации.

Показателен в этом отношении опыт г. Шэньчжэня (пров. Гуандун), где в 2000 г. каждый из 240 тыс. учащихся начальных и средних школ получил учебник, в котором в форме комиксов, столь популярных среди детей и подростков, рассказывалось о различных типах наркотиков и последствиях их употребления.³³

В 1999-2001 гг. в КНР проводилась работа по созданию в каждой провинции воспитательных центров по борьбе с наркотиками. В настоящее время во всех начальных, средних и высших учебных заведениях в обязательном порядке проводятся антинаркотиковые мероприятия, ведется постоянная работа по созданию художественных произведений соответствующего содержания,

возникли организации добровольцев по борьбе с наркотиками. Ежегодно в Китае разрабатываются планы пропагандистско-воспитательных мероприятий, основная цель которых — профилактика наркомании среди молодежи. Органы культуры, радио, телевидение и пресса пропагандируют здоровый образа жизни.

В законодательстве КНР предусмотрено обязательное лечение лиц, страдающих наркозависимостью. Госсоветом КНР разработан и обнародован "Порядок принудительного лечения наркоманов". Всех лиц, страдающих от наркотической зависимости, направляют для добровольного или принудительного лечения в наркологические диспансеры. Прибегают также к лечению в домашних условиях, под опекой родных и под надзором местного отделения полиции наркозависимых детей и подростков. В работе с наркоманами применяется комплексный подход, включающий четыре аспекта: излечение от пристрастия к наркотикам, восстановление здоровья, предотвращение рецидивов, возврат к нормальной жизни. Помимо лечения в наркологических диспансерах, наркоманам, желающим избавиться от вредного пристрастия, помощь оказывают общественные структуры.

Пациентов наркодиспансеров, прошедших курс лечения, но по истечении некоторого времени вновь вернувшихся к употреблению наркотиков, как правило, направляют в подведомственные правоохранительным органам исправительно-трудовые учреждения для прохождения повторного курса. В 1999 г. в Китае насчитывалось 746 наркологических диспансеров и 168 исправительно-трудовых лечебниц²⁴. Рост количества наркозависимых граждан делает актуальной проблему расширения их сети. Правительства провинций ежегодно инвестируют значительные средства в строительство реабилитационных центров для наркоманов. Так, в 2003 г. в Гуанчжоу (пров. Гуандун) было выделено 150 млн. юаней (18,3 млн. долл.) на строительство таких учреждений. После реализации этой программы общая численность мест в реабилитационных центрах города достигнет 16 тыс. В конце 2003 г. диспансеры и лечебницы Гуанчжоу могли принять лишь 5,5 тыс. человек. Согласно официальной статистики, с января по ноябрь 2003 г. 6903 наркомана в Гуанчжоу были направлены на принудительное лечение, 2539 — в трудовые лагеря для детоксификации, 4134 — добровольно прошли курс лечения от наркотической зависимости²⁵. В наркологических диспансерах провинций Юньнань, Гуйчжоу, Гуанси, Гуандун накоплен значительный опыт работы с наркоманами, созданы благоприятные условия для их лечения, применяются новейшие методы такого лечения и реабилитации, проводится воспитательная работа. В решении проблемы возврата молодежи к нормальной жизни участвуют не только органы безопасности и медицинские учреждения, но и квартальные комитеты, учреждения, где учатся или работают пациенты, общественные организации (профсоюзы, комсомол и женские объединения), семьи наркоманов. Правительства разных уровней и низовые организации обязаны помогать прошедшим курс лечения, решать все сложные вопросы, возникающие в быту или в процессе трудоустройства, следить, чтобы они не подвергались дискриминации при приеме на работу и поступлении в учебные заведения.

* * *

Суммируя результаты исследования причин употребления подростками и молодежью Китая наркотических и психоактивных веществ, следует отметить, что основу внутренних (биологических и психологических) побудительных мотивов их употребления составляют:

- поиск новых впечатлений на фоне неразвитости сферы потребностей, любопытство, стремление к экспериментированию;
- разрыв между установкой на определенный, сформированный СМИ уровень потребления и невозможностью его достижения;
- подражание взрослым, сверстникам, героям кинофильмов;
- потребность в саморегуляции психического состояния, особенно в условиях психотравмирующих ситуаций;
- неуверенность в себе, комплекс неполноценности;
- трудности в общении;
- стремление к самоутверждению;
- ощущение одиночества, отчуждение от семьи.

Немаловажную роль в наркотизации китайской молодежи играют социально-экономические и социальные факторы:

- социальное расслоение, обнищание части населения (следствия этих процессов — ухудшение состояния здоровья и недоступность квалифицированной медицинской помощи, которая стала платной);
 - социальная дезадаптация;
 - отсутствие социальных перспектив (у молодежи разных социальных групп неодинаковые шансы на получение образования, которое стало платным, достойной работы, медицинских, социально-бытовых услуг);
 - негативные аспекты урбанизации (снижение возможностей социального контроля и общения);
 - высокий уровень безработицы среди молодежи;
 - влияние западных культурных стандартов и стереотипов общества потребления;
 - деформация системы ценностей в условиях модернизации общества;
 - снижение значения семьи и возрастание роли неформальных групп и средств массовой информации в социализации личности;
 - социально-психологическое заражение (как результат информационно-психологического воздействия на индивидов СМИ, рекламы, произведений поп — культуры);
 - недостатки организации досуга молодежи и подростков;
 - повышенные требования к молодежи при оценке успешности.
- В современном Китае имеют место следующие тенденции подростковой и юношеской наркомании:
- высокий темп наркотизации детей и молодежи, особенно с середины 1990-х годов в городах;
 - расширение ассортимента употребляемых молодежью наркотиков и полинаркомания;
 - омоложение потребителей наркотических средств;
 - феминизация (все большее количество девушек начинают употреблять наркотики);
 - превращение наркотиков в компонент молодежной субкультуры, обязательный атрибут молодежного досуга;
 - рост на рынке объемов наркотических веществ, особенно синтетических наркотиков типа “экстази” и “айс”, и их относительная доступность;
 - наступление наркобизнеса и применение изощренных способов популяризации наркотиков среди детей и молодежи;
 - наркотизация молодежи идет в условиях ослабления традиционных форм социального контроля и общественного воздействия на индивидов. Руко-

водство КНР пытается бороться с указанной тенденцией путем создания на местах системы профилактики наркомании на уровне уличных, поселково-волостных комитетов и территориальных общин "шэцзюй", которые являются низовой формой самоуправления в городах³⁶;

— наркотизация молодежи связана с активизацией внутренних миграционных процессов, обусловленных рыночной экономикой и урбанизацией;

— высокие темпы наркотизации как в городах, так и в сельских районах, где первоначально фиксировался более высокий уровень распространения наркотиков (доминирующей тенденцией в других странах является распространение наркотиков из городов в сельские районы);

— расширение ареалов распространения наркомании с прибрежных на внутренние и из юго-восточных в северо-западные провинции страны;

— существующая система выявления, лечения и реабилитации наркозависимых характеризуется направленностью на подростков и молодежь;

— в реабилитации и профилактике преобладает межведомственный подход, что способствует комплексному решению проблемы борьбы с наркоманией.

Изучение и обобщение опыта Китая по предотвращению асоциального поведения подростков и молодежи, институализации системы профилактики и борьбы с наркоманией, разработке новых методов лечения и реабилитации наркоманов, привлечению к проблемам молодежи внимания всего общества, бесспорно, представляет особый интерес, поскольку проблемы наркотизации молодежи чрезвычайно актуальны и для современной России.

1. <http://www.pmed.ru/article1.php>
2. http://www.narkotiki.ru/expert_5295.html Пятницкая И.Н. Развитие наркотизма в прошлом и настоящем Часть 1 // Вопросы наркологии. 1995. N 1. С. 85-91; 1995. N 3. С. 75-94.
3. Наркомания — собирательный термин для обозначения ряда заболеваний, которые вызываются употреблением природных или синтетических веществ, оказывающих специфическое (эйфоризирующее, седативное, стимулирующее, галлюциногенное) воздействие на психику человека. Заболевания сопровождаются широким спектром психических и сомато-неврологических расстройств, формированием особого типа поведения, зависимостью от психоактивных веществ и неспособностью отказаться от их приема, социальной деградацией и оскудением личности. В социологии наркомания рассматривается как один из типов отклоняющегося поведения, несоответствующего сложившимся ожиданиям, моральным и правовым требованиям общества, нарушающим порядок взаимоотношений между людьми.
4. Усов В. Последний император Китая. 1906-1967. М.: Олма-пресс, 2003. С. 97.
5. http://chinadata.khv.ru/press_nark.htm
6. Зазулин Г. В., Фролова Н. А. Актуальные вопросы антинаркотической политики: отечественный и зарубежный опыт// www.narkotiki.ru
7. http://chinadata/khv.ru/press_nark.htm
8. China Daily. February 10, 2001.
9. Metamphetamine: The Current Threat in Asia and The Pacific Rim//Drug Intelligence Brief. September 2003. DEA-03052.
10. <http://www.aegis.com/news/re/2001/re011206.html>
11. http://chinadata/khv.ru/press_nark.htm
12. Ansfield J. China Tells SE Asia "Ice" Problem As Bad As Opium// <http://www.mapinc.org/drugnews/v02/n968/a04.html>
13. Мэн Сянцзин, Ван Данься. Влияние потребления и распространения наркотиков на демографические процессы// Народообразование и экология — ключевые факторы реформ. М.: ИДВ РАН// Инф. мат.-лы. 2003. Вып. 3-4. С. 78.
14. http://www.nd.gov.hk/dragstatistics_03.htm
15. Мэн Сянцзин, Ван Данься. Указ. соч. С. 78-79.

16. http://www.nd.gov.hk/dragstatistics_03.htm
17. http://english.peopledaily.com.cn/200306/25/print20030625_118871.html
18. <http://www.medlinks.ru/news/11237.htm>
19. Bray M. China taking hits in designer drug war//CNN. com. May 22. 2002.
20. http://english.peopledaily.com.cn/200206.21/print20020621_98261.html
21. China Daily. August 5, 2003.
22. Bray M. Op. cit.
23. Наркомания: ситуация, тенденции и проблемы. М.,1999; Поступной А.Н. История и современная ситуация: мнение экспертов-наркологов // Молодежь и наркотики (социология наркотизма). Под ред. В.А. Соболева и И.П. Рущенко. Харьков, 2000. С. 222—254.
24. Shanghai Star. April 25, 2002.
25. В Гонконге термин "рейв-культура" употребляется в связи с различного рода вечеринками и дискотеками. См: Lee D. An In-depth Study of Psychotropic Substance Abuse in Hong Kong// <http://www.nd.gov.hk/>
26. http://www.women.gov.hk/download/health_status_of_women
27. <http://news.bbc.co.uk/1/low/world/asia-pacific/369933-stm>
28. Sung E. A Focus Group Study on Psychotropic Substance Abuse// <http://www.nd.gov.hk>
29. Мэн Сянцзин, Ван Данься. Указ.соч. С. 83.
30. Там же. С. 80-84.
31. www.narkotiki.ru/press_157.html
32. Мэн Сянцзин, Ван Данься. Указ. соч. С. 82.
33. People's Daily. November 5, 2000.
34. http://chinadata/khv/ru/press_nark.htm
35. <http://english.peopledaily.com.cn/200312/25/print20031225-131196.html>
36. Жэньминь жибао. 2000, 24 мая.

Экономика

Рынок капитала в Китае

© 2004

Л. Новоселова

Становление и развитие рынка капитала является одним из важнейших направлений рыночной трансформации китайской экономики. Рынок капитала представляет собой сферу экономической деятельности, где происходит формирование спроса и предложения на инвестиционные ресурсы, сопровождаемое аккумуляцией временно свободных денежных средств и превращением их в инвестиционную форму. Возрастание роли рынка в формировании и распределении инвестиций свидетельствует о том, что государство последовательно уходит от своего прежнего доминирующего положения в инвестиционном процессе. Следствием этого является неуклонная диверсификация источников развития и включение рыночных механизмов их регулирования.

Бюджетные инвестиции

В Китае, как и в других странах, инвестиции являются главной движущей силой экономического роста. Именно инвестиции формируют темпы и пропорции развития экономики и в конечном итоге определяют социальное благополучие страны. В 1997-2002 гг. при росте валового внутреннего продукта КНР в полтора раза общая сумма инвестиций в китайскую экономику увеличилась почти вдвое¹. В 2003 г. размеры валовых инвестиций возросли на 26,7% по сравнению с предыдущим годом, достигнув 5,51 трлн.ю.

В плановой экономике безвозмездные бюджетные ассигнования обеспечивали до 1/3 инвестиционных ресурсов и, таким образом, выступали в качестве системообразующего фактора инвестиционного процесса. При переходе к рынку падение удельного веса бюджетных инвестиций в валовых капиталовложениях (до 3-7% в различные годы) сопровождается их превращением в важный инструмент государственного регулирования и структурирования рынка капитала. Ведь, как показывает международный опыт, именно бюджетные инвестиции в силу своей прямой сопряженности с приоритетами национальной экономической политики позволяют более равномерно формировать очаги экономического роста. Более того, финансируя приоритеты экономической политики, бюджетные инвестиции вызывают мультипликационный эффект в смежных секторах экономики и тем самым увеличивают размеры сово-

Новоселова Любовь Владимировна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

купного спроса. Отсюда общее нарастание денежной массы и, как следствие, активизация инвестиционных потоков в экономике.

Эта роль бюджетных инвестиций особенно ярко проявляется именно в те периоды, когда государству в силу тех или иных обстоятельств необходим структурный маневр экономическими ресурсами. Так, в обстановке относительной экономической стабильности 1996-1997 гг. бюджетные инвестиции составляли менее 3% валовых капитальных вложений в народное хозяйство КНР. Однако в 2002-2003 гг. после нескольких лет, отмеченных последствиями азиатского финансового кризиса и эпидемии атипичной пневмонии, она возросла до 6-7%².

По мере прогрессирующей рыночной трансформации китайской экономики наблюдается перестройка отраслевой структуры бюджетных инвестиций. Если прежде их основная часть использовалась государством непосредственно для стимулирования экономического роста и производства, то сегодня все большая часть бюджетных инвестиций направляется на развитие социальной инфраструктуры и охрану окружающей среды, то есть именно в те общественно значимые отрасли, коммерческий потенциал которых невысок. В 2002-2003 гг. соотношение бюджетных ассигнований на "экономическое строительство" и развитие социальной инфраструктуры, образования и культуры составило 1:1 против 2:1 в 1989-1990 гг.³ Все это позволяет сосредоточить рыночные стимулы и механизмы инвестиционного процесса на развитии реального сектора экономики.

В современном Китае рыночный потенциал инвестиционного процесса проявляется прежде всего в быстром развитии фондового рынка, в кредитно-банковской сфере, а также в сфере привлечения иностранного капитала.

Фондовый рынок

Развитие рынка ценных бумаг является естественным результатом осуществляемой более четверти века политики рыночных реформ и внешне-экономической открытости. В начале 80-х годов с целью покрытия бюджетного дефицита Министерство финансов КНР приступило к выпуску государственных казначейских обязательств, которые со временем стали все больше направляться в инвестиционную сферу, включая сооружение ключевых объектов энергетики, транспорта и т.д. Тогда же в порядке эксперимента государственные предприятия для пополнения собственных денежных ресурсов начали использовать выпуск ценных бумаг, включая акции и облигации. В 1987 г. были созданы первые фондовые компании, открывшие торговлю ценными бумагами китайских эмитентов. В конце 1990 г. образованы фондовые биржи в Шанхае и Шэньчжэне. С тех пор на основе общих закономерностей развития рыночной экономики, получивших закрепление в соответствующих законодательных актах (Закон о компаниях, Закон о ценных бумагах и др.), совершен переход от региональных рынков к единому общенациональному рынку ценных бумаг, на котором действует свыше 100 фондовых компаний и обращаются государственные и негосударственные ценные бумаги.

Существенную долю оборота рынка ценных бумаг в КНР традиционно обеспечивают государственные казначейские обязательства. В отличие от безвозмездных бюджетных инвестиций, государственные казначейские обязательства предполагают привлечение ресурсов в инвестиционную сферу на срочной, возвратной и платной основе. Тем самым они представляют собой реальный шаг в сторону рыночного механизма аккумуляирования и распределения ресурсов. Как правило, они выпускаются сроком от двух до семи лет исходя из 2-3% годовых⁴. Подавляющая часть государственных казначейских обязательств (78% общей стоимости выпуска) реализуется институциональным инвесторам

на межбанковском рынке облигаций и фондовых биржах, 12% — индивидуальным инвесторам за наличный расчет в банках. В силу высокой степени надежности казначейские обязательства пользуются наибольшим спросом среди населения по сравнению с другими видами ценных бумаг.

В 1998-2003 гг. совокупные размеры выпуска государственных казначейских обязательств составили 800 млрд.ю. Это позволило приступить к сооружению более 10 тыс. строительных объектов и объектов технической реконструкции в промышленности, энергетике, защите окружающей среды, здравоохранении, сельской инфраструктуре, водном хозяйстве, общая сумма инвестиций в которые в конечном итоге составила 3,2 трлн.ю.⁵

Привлеченные средства были использованы при модернизации таких крупнейших предприятий китайской промышленности, как Аньшаньский металлургический комбинат, Баошаньский металлургический комбинат, Яньшаньская нефтехимическая компания (Пекин), при строительстве стратегической железнодорожной магистрали Цинхай-Тибет, Цинхайского завода химических удобрений, газопровода и линий электропередачи, соединяющих восточные и западные районы Китая. В целом, выпуск государственных казначейских обязательств и использование полученных средств в инвестиционной сфере позволили увеличить темпы экономического роста в 1998 г на 1,5, в 1999 г. — на 2, в 2000 г. — на 1,7, в 2001 г. — на 1,8%⁶.

В последние годы с учетом экономического оживления и возрастания внебюджетных источников финансирования (собственные средства предприятий, банковский кредит, средства местных органов власти) размеры выпуска государственных казначейских обязательств постепенно сокращаются, а цели и характер использования этих средств претерпевают качественное изменение в соответствии с национальными экономическими приоритетами современного Китая. Если в 2002 г. они составили 150 млрд.ю., то в 2003 г. — 140 млрд. ю., а по плану на 2004 г. — 110 млрд.ю. При этом в соответствии с национальными экономическими приоритетами современного Китая главный акцент в использовании государственных казначейских обязательств все больше смещается с поддержания высоких темпов экономического роста на стимулирование структурной перестройки экономики, обеспечение сбалансированного развития, а также на развитие социальной сферы (здравоохранение, начальное образование, судопроизводство, общественная безопасность) и экологические проекты.

В интересах развития и модернизации городской инфраструктуры предполагается также внести поправки в действующее законодательство и по примеру развитых стран (в частности США) предоставить право выпуска государственных казначейских обязательств местным органам власти. По имеющимся оценкам дефицит инвестиционных ресурсов, необходимых городскому хозяйству КНР, в целом составляет 500 млрд.ю. При этом потребности одного только Пекина, связанные с подготовкой и проведением Олимпийских игр 2008 г. достигают 300 млрд.ю., тогда как доходы городского бюджета в 2001 г. составили всего лишь 45 млрд.ю.⁷

Наряду с ценными бумагами, эмитентом которых непосредственно выступает государство, с конца 80-х годов все большее распространение получает эмиссионная деятельность отдельных субъектов рынка. По степени надежности и условиям выпуска к государственным казначейским обязательствам наиболее близко примыкают корпоративные облигации как государственных, так и негосударственных компаний и предприятий. Хотя государство и не является непосредственным эмитентом таких ценных бумаг, эмиссионная активность предприятий имеет разрешительный характер и степень ее регулирования со стороны государственных органов управления достаточно высока.

Выпуск корпоративных облигаций подлежит квотированию на общегосударственном уровне. Госсовет КНР ежегодно распределяет квоты на выпуск облигаций между предприятиями центрального и местного подчинения, а также между различными секторами экономики. Исходя из этого, Государственный комитет по реформе и развитию проводит индивидуальное распределение квот между отдельными компаниями. При этом установлено, что объем каждой конкретной эмиссии не должен превышать 40% стоимости активов компании-эмитента, а среднегодовые размеры её распределяемой прибыли (в расчете за последние три года) должны быть достаточными для выплаты основной части долга и процентов за год⁸. Границы доходности корпоративных облигаций также регулируются государством: процентная ставка по ним (плавающая или фиксированная), будучи в любом случае выше, чем доходность государственных казначейских обязательств и срочных банковских депозитов, не должна превышать последнюю более, чем на 40%⁹. Сроки выпуска корпоративных облигаций колеблются от одного года до десяти-пятнадцати лет при уровне купонного дохода в 3,5-5% годовых.

В 2003 г. общая сумма выпуска корпоративных облигаций составила 40 млрд. ю.¹⁰ В числе эмитентов фигурируют, главным образом, ведущие государственные предприятия, среди которых в последнее время (в условиях энергодефицита) особенно выделяются энергетические компании, а также строительные компании, сооружающие крупные объекты в энергетике и инфраструктуре: в 2003 г. Китайская сетевая компания осуществила выпуск облигаций на 5 млрд.ю., электроэнергетическая компания “Хуанэн” — на 4 млрд.ю. Наиболее крупный единичный выпуск корпоративных облигаций с целью приобретения сетевых активов в восьми провинциях КНР осуществлен в 2002 г. телекоммуникационной компанией “Чайна Мобайл” в размере 8 млрд.ю., в том числе облигации на 5 млрд.ю. выпущены сроком в 15 лет из расчета 4,3-4,6% годовых и на 3 млрд.ю. — сроком в 5 лет с купонным доходом в 3,5-3,7% годовых¹¹.

С целью диверсификации рынка ценных бумаг и рационального заполнения имеющихся рыночных ниш новыми финансовыми продуктами в последнее время получает распространение практика выпуска корпоративных облигаций деноминированных в иностранной валюте. Так, в сентябре 2003 г. Китайский банк развития впервые выпустил облигационный заем на 500 млн.долл. США для поддержки государственных предприятий посредством реструктуризации долгов, уменьшения стоимости финансирования, рефинансирования дорогостоящих внешних заимствований¹².

Несмотря на весьма высокий потенциал корпоративных облигаций с точки зрения мобилизации свободных финансовых ресурсов, доля этой формы привлечения инвестиций пока еще невелика (особенно по сравнению с государственными казначейскими обязательствами). Для стимулирования инвестиционного процесса и более активного вовлечения в него кредитоспособных субъектов рынка необходима прежде всего деbüroкратизация эмиссионной деятельности предприятий. В этой связи уже в ближайшее время в КНР планируется осуществить целый ряд важных мероприятий, скорректировав соответствующим образом существующие нормативные акты. Намечается, в частности, отменить квотирование эмиссии корпоративных облигаций; ослабить государственный контроль за использованием получаемых средств, разрешив направлять их не только на капиталовложения, но и на реструктуризацию долгов и активов; развивать систему корпоративных кредитных рейтингов на основе большей прозрачности компаний; смягчить государственное регулирование уровня купонного дохода; стимулировать инвестиционную активность фондов социального страхования, страховых компаний и инвестиционных фон-

дов, в распоряжении которых, как известно, находятся весьма внушительные свободные финансовые ресурсы с длительными сроками использования¹³.

Перспективы дальнейшего развития рынка ценных бумаг в Китае в значительной мере связаны с развитием акционерной формы организации предприятий и увеличением роли акций как финансового инструмента. Как было подчеркнуто в докладе Премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао на II сессии ВСНП десятого созыва (март 2004 г.), задачей последовательного акционирования государственных предприятий является постепенное превращение акционерной системы в главную форму реализации общественной собственности.

В процессе становления рынка ценных бумаг в Китае обособилось несколько видов акций. Наибольшее распространение имеют акции типа "А", изначально рассчитанные на выпуск полностью китайскими компаниями и покупку исключительно национальными инвесторами. Акции типа "В" выпускаются китайскими предприятиями для продажи иностранным инвесторам за иностранную валюту. Акции типа "Н" выпускаются китайскими компаниями, зарегистрированными в Гонконге, и обращаются на гонконгской фондовой бирже. Акции типа "S" выпускаются компаниями КНР, зарегистрированными в Сингапуре, Европе и США.

По состоянию на середину 2004 г. на фондовом рынке КНР котировались акции 1314 из имеющихся в стране 60 тыс. акционерных компаний. Рыночная капитализация компаний, зарегистрированных на фондовом рынке КНР, составляет 4,2 трлн. ю.¹⁴ Большинство из зарегистрированных на рынке компаний полностью принадлежат государству либо контролируется им. При этом 2/3 акций, выпускаемых государственными компаниями, запрещено к продаже¹⁵. Тем не менее с учетом внушительных масштабов китайской экономики в 2003 г. первичные размещения акций китайских компаний-эмитентов позволили привлечь инвестиционные ресурсы на 135,8 млрд. ю. (в 2002 г. — 96,2 млрд. ю., в 2001 г. — 125,2 млрд. ю., в 2000 г. — 210,3 млрд. ю., в 1999 г. — 94,5 млрд. ю.). Наибольшим спросом в КНР пользуются акции предприятий, работающих в электроэнергетике, энергетическом машиностроении, угледобывающей и нефтехимической промышленности, черной и цветной металлургии, морском и воздушном транспорте, а также в сфере информационных технологий¹⁶.

В целом, в КНР отмечают определенное отставание развития фондового рынка от потребностей развития национальной экономики: стоимость обращающихся на рынке акций составляет лишь 10% ВВП при отсутствии устойчивой позитивной динамики с 2001 г. В этих условиях на Третьем Пленуме ЦК КПК XVI созыва (октябрь 2003 г.) поставлена задача активного становления развитой системы рынка капитала как важнейшего инструмента стимулирования инвестиций и оптимизации распределения ресурсов. В свою очередь, в феврале 2004 г. Госсовет КНР впервые за последние десять с лишним лет принял постановление, определяющее стратегические задачи и основные направления дальнейшего развития национального фондового рынка.

Предусматривая создание современной многоярусной системы фондового рынка в Китае, оптимизацию его структуры и диверсификацию обращающихся на нем финансовых инструментов, этот важный документ, по сути дела, формулирует новую идеологию развития национального рынка ценных бумаг. В этой связи на передний план выдвигается задача создания развитой системы регулирования рынка. При этом, в частности, подчеркивается важность повышения требований к эмитентам ценных бумаг в рамках прохождения процедуры листинга на фондовой бирже и, соответственно, улучшения "качества" и прозрачности компаний-эмитентов, а также повышение надежности акций, реализуемых ими в рамках первичного размещения. Отмечается

необходимость формирования благоприятного налогового режима для инвесторов, в том числе посредством снижения налога на дивиденды.

Акцентируется важность всемерного поощрения так называемых венчурных инвестиций, которые характеризуются высокой степенью риска, но вместе с тем стимулируют научно-технический прогресс и повышают качество экономического роста. С этой целью в мае 2004 г. в рамках Шэньчжэньской фондовой биржи открыта дополнительная торговая площадка для работы с ценными бумагами вновь создаваемых малых и средних предприятий, осуществляющих инновационные проекты в области услуг, разработки и производства новых видов продукции. По состоянию на 2000 г. в Китае насчитывалось свыше 20 тыс. компаний такого рода, многие из которых испытывали серьезные трудности с финансированием. В 2003 г. общая сумма инвестиций в эти компании составила 600 млн. долл. США, в том числе свыше 70% этой суммы составили средства иностранных вкладчиков капитала. В отраслевой структуре венчурных инвестиций преобладает создание новых телекоммуникационных и информационных технологий (61%), предоставление услуг (11%), освоение нетрадиционных источников энергии (10%), разработка полупроводниковых технологий (6%)¹⁷.

С целью оживления фондового рынка и увеличения его глубины стимулируется деятельность страховых компаний и фондов социального страхования в качестве покупателей, продавцов и эмитентов ценных бумаг. В 2003 г. государство заметно смягчило действовавшие ранее ограничения на инвестиционную деятельность страховых компаний. В число ценных бумаг, которые разрешены для размещения средств страховых компаний, помимо государственных казначейских обязательств включены также корпоративные облигации, предельные размеры инвестиций повышены с 10 до 20% финансовых активов страховых компаний. В перспективе речь идет о разрешении страховым компаниям инвестировать свои средства в акции китайских компаний, а также размещать их на зарубежных фондовых рынках.

Важным направлением развития китайского рынка ценных бумаг является и либерализация рынка акций типа "А". С этой целью, в частности, предусматривается организация регулируемого допуска на него так называемых уполномоченных иностранных инвесторов. В 2003 г. Китайская комиссия по регулированию рынка ценных бумаг официально зарегистрировала 12 таких "квалифицированных иностранных институциональных инвесторов" (японская инвестиционная компания "Номура Секьюритиз", крупнейший швейцарский банк "ЮБС АГ", зарубежные пенсионные фонды и т.д.), а Государственное управление валютного контроля выдало им совокупную первоначальную квоту инвестиций на национальном фондовом рынке в размере 1,7 млрд. долл. США. В начале 2004 г. эта квота была практически полностью выбрана, и "квалифицированные инвесторы" обратились в соответствующие органы государственного управления с запросами о выдаче разрешений на новые инвестиции. По итогам 2004 г. их совокупные вложения на рынке акций типа "А" могут составить 4 млрд. долл. США. Планируется также включение в число эмитентов и продавцов акций типа "А" зарегистрированных в Китае компаний с участием иностранного капитала.

Поощряется создание и деятельность паевых инвестиционных фондов, в том числе с участием иностранных управляющих компаний. В 2001 г. создан первый такой фонд, а в конце 2003 г. под эгидой 32 управляющих компаний действовало уже 112 инвестиционных фондов, размещающих средства главным образом в казначейские векселя, векселя Народного банка Китая, корпоративные облигации. По состоянию на март 2003 г. инвестиционные фонды управляли средствами в 227 млрд.ю. (против 130 млрд.ю. в конце 2002 г.), 80-

90% которых приходится на долю частных вкладчиков¹⁸. Работа фондов является весьма успешной: за 2003 г. их средняя доходность составила 14%, в некоторых случаях достигая 30% (для сравнения — уровень процентной ставки по срочным банковским депозитам составил от 1,98 до 2,79% годовых). Все это имеет следствием заметное оживление фондового рынка КНР в 2003–2004 гг., увеличение объемов операций, рост биржевых индексов и т.д. Если учесть, что общие размеры сбережений населения КНР достигают 11,6 трлн. ю., инвестиционные фонды имеют хорошие перспективы для дальнейшего развития своей деятельности.

В интересах активизации биржевой деятельности и получения дополнительных средств для развития системы социального страхования разрабатываются планы по выведению на рынок части государственных пакетов акций (в размере 10% от первоначального выпуска), ранее запрещенных к продаже. Как показывает опыт, осуществление этих планов сопряжено с серьезным риском. Предпринятые в 1999 г. и 2001 г. первые пробные попытки частичной реализации госпакетов на рынке сопровождались массовым сбросом акций соответствующих компаний и падением их котировок в связи с опасениями индивидуальных инвесторов относительно возможного “размывания” капитала компаний-эмитентов и, соответственно, падения рыночной стоимости их акций. Результатом этого явилась фактическая стагнация китайского рынка ценных бумаг в 2001–2002 гг.¹⁹.

В этих условиях всячески поддерживается деятельность китайских компаний по активизации первичного размещения акций не только на внутреннем, но и на зарубежных фондовых рынках. Если в 1992–2003 гг. в рамках первичного размещения акций типа “Н” и типа “S” государственными предприятиями КНР реализованы ценные бумаги на 63 млрд. долл. США, то в 2004–2013 гг. планируется продать вдвое больше.

Эти планы выглядят весьма реалистично, ведь только в 2003 г. китайские компании осуществили первичные размещения своих акций в Гонконге на 7,5 млрд. долл. США, что составляет 85% общей суммы первичных размещений на гонконгской фондовой бирже. При этом в большинстве случаев спрос на акции китайских компаний превышал предложение в сотни раз. В 2004 г. на гонконгскую биржу выйдет около 100 компаний КНР с общей суммой первичных размещений в 15 млрд. долл. США. В их числе будут крупные страховые компании, предприятия электроники, телекоммуникационные компании, а самой громкой сделкой 2004 г. обещает стать первичное размещение акций Народного строительного банка.

Рынок ссудного капитала

Если активное развитие национального фондового рынка представляет собой относительно новое явление в экономической жизни КНР, то рынок банковского кредитования имеет более давнюю историю. Еще в 1984 г. Госсовет КНР утвердил “Доклад по некоторым вопросам распределения обязанностей между Народным банком Китая и различными специализированными банками в области кредитования капитальных вложений”. Результатом этого явилось достаточно быстрое развитие инвестиционного банковского кредитования за счет относительного сокращения безвозмездного бюджетного финансирования капитальных вложений. Если в начале 80-х годов удельный вес банковских кредитов в общей сумме капиталовложений в народное хозяйство КНР не превышал 13%, то уже с начала 90-х годов этот показатель стабильно составляет 20–25% (в 2002 г. — 19,7%), не подвергаясь значительным колебаниям.

Современный банковский сектор Китая представляет собой сравнительно развитую и диверсифицированную систему кредитно-финансовых институ-

тов, ориентированных на реализацию конкретных хозяйственных задач и заполнение различных ниш на денежном рынке страны. Все многообразие действующих в Китае кредитно-банковских учреждений можно подразделить на государственные банки, негосударственные банки, банки с участием иностранного капитала, а также городские и сельские кредитные кооперативы. Функции центрального банка выполняет Народный банк Китая.

Компактная группа крупных государственных банков обладает огромным влиянием в экономике страны, и вместе с тем является весьма неоднородной по своему составу. Прежде всего, она представлена созданными в 1994 г. так называемыми политическими банками, которые функционируют на некоммерческой основе, являясь, по сути дела, инструментами бюджетной политики в соответствующих секторах экономики. Это Банк развития Китая (промышленность, транспорт, энергетика), Импортно-экспортный банк Китая (внешняя торговля) и Банк развития сельского хозяйства (аграрный сектор). Кроме того, имеется четыре крупнейших государственных коммерческих банка. Подобно политическим банкам, они организованы по отраслевому признаку и находятся в полной собственности государства, однако при этом призваны действовать преимущественно на рыночной основе, самостоятельно отвечая за собственные прибыли и убытки. Это Торгово-промышленный банк Китая, Банк Китая, Сельскохозяйственный банк и Народный строительный банк. С точки зрения масштаба и разнообразия операций, размеров клиентской базы и охвата филиальной сети государственные коммерческие банки являются своеобразной "несущей конструкцией" банковского сектора КНР. На их долю приходится 60-70% всех банковских активов КНР, они кредитуют 90% крупнейших предприятий и 75% ключевых строительных объектов страны²⁰.

Как показывает практика, несмотря на декларируемую хозяйственную самостоятельность и коммерческую направленность осуществляемых операций, в силу высокой зависимости государственных коммерческих банков от органов государственной власти, низкого уровня корпоративного управления, высоких внутренних издержек, а также слабой информационно-аналитической базы эффективность работы этих банков невелика. Доля так называемых плохих активов в последние годы составляла 20-25% (а по некоторым зарубежным оценкам — до 40-50%) их кредитного портфеля. Несмотря на попытки исправить ситуацию при помощи созданных в 1999 г. четырех государственных компаний-операторов, в управление которых переданы "плохие активы" государственных коммерческих банков в размере 1,4 трлн. ю., уровень безнадежных кредитов снижается медленно (в I квартале 2004 г. — 19,2%).

В рамках реформирования банковского сектора КНР, начиная с 1996 г. развивается система акционерных коммерческих банков, действующих как на общенациональном (11 банков), так и на местном (городском) уровне. Несмотря на обязательное присутствие государства в составе акционеров этих банков, по структуре управления и механизму хозяйствования они в большей мере, чем государственные банки, отвечают условиям рыночной экономики. К концу 2003 г. в КНР насчитывалось более 120 таких кредитно-финансовых учреждений, на их долю приходится около 14% совокупных банковских активов страны. Доля негосударственных акционеров в капитале акционерных коммерческих банков составляет от 30 (городские банки) до 70% ("Мишень банк").

Результатом проводимой Китаем открытой внешнеэкономической политики является возникновение в стране банков с участием иностранного капитала, довольно быстрое расширение их числа и масштабов осуществляемых ими операций. В 2003 г. в КНР насчитывался 191 банк с участием иностранного капитала. На долю этих банков приходится около 5% банковских активов страны. Сфера их деятельности охватывает прежде всего зарегистрированные в

Китае совместные и полностью иностранные предприятия, вклад которых в развитие китайской экономики весьма существенен.

Наконец, важной составной частью кредитно-финансовой сферы КНР являются городские и сельские кредитные кооперативы, унаследованные еще от прежней административно-плановой экономической системы. Традиционно наиболее активную роль в экономическом развитии страны играют сельские кредитные кооперативы, ориентированные главным образом на финансирование аграрного сектора. В 2002 г. в Китае насчитывалось более 40 тыс. таких кооперативов с активами в 1,73 трлн.ю., что соответствует 12% общей суммы банковских активов в КНР. Услугами сельских кредитных кооперативов пользуется примерно 25% крестьянских хозяйств Китая²¹. В силу их организационной подчиненности государственному Сельскохозяйственному банку, высокой зависимости от местных органов власти, а также слабой кредитоспособности крестьян (их профилирующей клиентуры), доля "плохих активов" достигает 30% кредитного портфеля сельских кооперативов, заметно превышая средний уровень по стране.

С учетом невысокой эффективности банковского сектора Китая, возрастающих потребностей быстро развивающейся рыночной экономики в дешевых и мобильных денежных ресурсах, а также обязательств, принятых Китаем в рамках присоединения к ВТО, реформа национальной банковской системы является важнейшим направлением формирования и развития национального рынка капитала.

В этой связи большое значение придается реализации программы поэтапного акционирования государственных коммерческих банков. Уже в 2004 г. Народный строительный банк должен быть преобразован на основе акционерной формы хозяйствования с первичным размещением акций в размере 5 млрд. долл. США на фондовых биржах Шанхая, Нью-Йорка и Гонконга. В 2005 г. через аналогичную процедуру должен пройти Банк Китая, в 2006 г. — Торгово-промышленный банк Китая, в 2007 г. — Сельскохозяйственный банк²². В рамках подготовки государственных коммерческих банков к акционированию государство с 2003 г. приступило к расчистке балансов этих банков от "плохих активов" посредством крупных финансовых вливаний в их резервы (45 млрд.ю.) с последующим списанием безнадежных кредитов на сопоставимые суммы (41 млрд.ю.). Одновременно с целью улучшения финансового положения государственных коммерческих банков им разрешено выпустить облигационные займы на общую сумму 300 млрд.ю.²³

Одновременно происходит расширение сферы деятельности иностранных и совместных банков на китайском рынке. В 2003 г. им было разрешено осуществлять обслуживание китайских предприятий в юанях, и в начале 2004 г. 44 из 191 банка уже получили соответствующую лицензию. Пока это разрешение распространяется только на 13 городов КНР. Тем не менее по итогам 2003 г. этот новый для иностранных банков вид деятельности позволил им дополнительно увеличить прибыль на 37%. В дальнейшем (2007 г.) предполагается расширение географии этих операций и охват ими не только юридических, но и физических лиц.

В числе важных мероприятий банковской реформы следует отметить также а) активное расширение деятельности сельских кредитных кооперативов с целью поддержки аграрного сектора, а также малого и среднего предпринимательства; б) развитие социального ипотечного кредитования, предполагающего увязку стоимости кредита с благосостоянием и уровнем доходов заемщика; в) дальнейшую коммерциализацию деятельности кредитно-финансовых институтов за счет так называемой реформы процентной ставки, предполагающей большую самостоятельность банков-кредиторов в определе-

нии размеров процентной ставки по кредитам, а также границ её колебаний в зависимости от конъюнктуры рынка; г) совершенствование банковского надзора и банковского регулирования с соответствующим изменением правовой базы (принятие законопроекта о банковском регулировании, внесение поправок в закон о Народном банке Китая и в закон о коммерческих банках); д) укрепление информационно-аналитической деятельности банков (в частности за счет присвоения заемщикам рейтингов кредитоспособности с целью оценки рисков кредитования).

Иностраный капитал

С середины 90-х годов КНР устойчиво занимает ведущие позиции среди крупнейших в мире реципиентов иностранного капитала. В 2002 г. Китай даже выдвинулся на первую позицию в этом престижном списке. Годовой приток прямых иностранных инвестиций в последние годы составляет, как правило, 45-55 млрд.долл. США, накопленная за 1979-2003 гг. сумма реализованных иностранных капиталовложений в китайскую экономику достигает 501,5 млрд.долл. США. Отраслевая структура иностранных инвестиций характеризуется подавляющим преобладанием вложений в обрабатывающую промышленность (70%), при этом особенно быстро растет доля высокотехнологичных предприятий, а также предприятий по глубокой переработке сырья.

Причины очевидных успехов КНР на этом поприще хорошо известны. Это поддержание в стране высокого уровня социально-экономической и политической стабильности, наличие емкого внутреннего рынка и дешевой рабочей силы, проведение активной национальной инвестиционной политики, постоянное совершенствование и либерализация юридической базы в направлении создания национального режима для иностранных компаний. Отсюда высокая и устойчивая доходность вложений зарубежных инвесторов, 90% которых планирует дальнейшее расширение своей деятельности в Китае. Дополнительную динамику притока иностранных инвестиций в последние годы придают планы проведения в Китае крупных международных мероприятий (Олимпийские игры 2008 г. в Пекине, Всемирная выставка ЭКСПО-2010 в Шанхае). С учетом высокой динамики заключения новых инвестиционных соглашений в КНР рассчитывают, что к 2010 г. размеры накопленных иностранных инвестиций достигнут 1 трлн. долл. США²⁴.

Среди основных иностранных инвесторов лидируют такие страны и территории, как Гонконг, Виргинские острова, Япония, Республика Корея, США, Тайвань, Сингапур, Германия и др. Около 2/3 притока иностранных инвестиций приходится на зарубежных предпринимателей китайского происхождения. В последние годы наблюдается заметная активизация деятельности в Китае крупнейших ТНК, в том числе в рамках их участия в реструктуризации государственных предприятий КНР посредством полного либо частичного выкупа активов. Опережающими темпами возрастают инвестиции в полностью иностранные предприятия: в 2002 г. на долю инвестиционных соглашений о создании полностью иностранных предприятий пришлось 69,2% годового притока прямых иностранных инвестиций в КНР против 27% в 1994 г. Все это является наглядным подтверждением улучшения инвестиционного климата в КНР, прогрессирующего снижения уровня экономических и политических рисков инвестирования в китайскую экономику.

Характерной особенностью последних лет является интенсивный приток зарубежных портфельных инвестиций, сопровождающий выход ведущих китайских компаний (Ping An Insurance, Great Wall Auto, China Resources Power, China Life Insurance) на иностранные фондовые рынки. В 1991-2003 гг. только от размещения своих ценных бумаг на фондовой бирже Гонконга ком-

пании КНР получили 27 млрд.долл. США. С учетом высокого международного интереса к размещаемым за рубежом акциям крупных китайских компаний эта тенденция будет иметь дальнейшее развитие. Не случайно, Лондонская фондовая биржа планирует открыть свои представительства в Гонконге (2004 г.) и КНР, а также ведет переговоры с фондовой биржей Гонконга о взаимном признании листинга китайских компаний.

Китай предпринимает постоянные усилия для поддержания интереса иностранных инвесторов к своей экономике. Именно в этом контексте следует рассматривать отмечаемое в последнее время стремительное расширение перечня официально объявленных отраслевых и региональных приоритетов приложения иностранного капитала в Китае. В 2002 г. их число возросло с 86 до 262, одновременно число в той или иной мере нежелательных для КНР сфер приложения иностранных инвестиций было сокращено со 112 до 75. К разряду приоритетов сегодня относятся такие отрасли, как сельское хозяйство, транспорт, энергетика, городское хозяйство, электронная промышленность, информационные технологии, биотехнологии, производство новых материалов, авиационно-космическая промышленность и т.д. Со своей стороны зарубежные инвесторы проявляют повышенный интерес к целому ряду вновь открывающихся для иностранцев отраслей, включая банковский сектор, страховой бизнес, сферу услуг, розничную торговлю. Все это является прямым результатом вступления Китая в ВТО.

В отношениях Китая с международными финансовыми организациями основной акцент все более переносится на сотрудничество с Азиатским банком развития (АзБР), который в течение ближайших трех лет планирует ежегодно предоставлять КНР кредиты в размере 1,5 млрд.долл. США (в 1998-2002 гг. — по 1 млрд.долл. США ежегодно). Привлекаемые средства будут использоваться главным образом (84% кредитного портфеля АзБР) для развития Центрального и Западного Китая. Среди отраслевых приоритетов АзБР в Китае безоговорочно лидирует транспорт (61%), а также сельское хозяйство, охрана окружающей среды и т.д.²⁵.

* * *

В целом, в 2003 г. из общей суммы инвестиций в экономику КНР около 60%, по нашей оценке, сформировано и реализовано на рыночной основе. В том числе, 20% составляют банковские кредиты, 6% — размещение акций и облигаций, 8% — прямые иностранные инвестиции, не менее 20-25% — собственные средства предприятий, работающих в рыночном секторе экономики.

Налицо, таким образом, последовательное формирование в Китае смешанной экономики рыночного типа. Если учесть, что в 1990-2002 гг. доля государственных (бюджетных и небюджетных) инвестиций сократилась с 66 до 43% валовых капиталовложений в экономику КНР, этот процесс имеет быстропрогрессирующий характер. Не менее важно и то, что с течением времени механизмы формирования и реализации инвестиций, находящиеся вне прямого государственного регулирования, приобретают все более последовательный рыночный характер. Свидетельством тому — отмеченные выше изменения на фондовом и денежном рынках КНР (включая совершенствование правовой базы), наблюдаемое в настоящее время всемерное развитие акционерной формы хозяйствования, а также формирование национального режима для иностранных инвесторов. В результате соотношение рыночного и административно-планового начал в экономике КНР все более смещается в сторону рынка.

При этом возникает весьма своеобразная модель рыночной экономики с ориентацией на сохранение важной роли государственного патернализма и по-

пытками совместить рыночную мотивацию с элементами социальной справедливости и традиционной морали. В провинции Цзянси, например, при кредитовании местных крестьянских хозяйств кредитными кооперативами учитывается не только (и не столько) их реальная кредитоспособность, сколько такие морально-этические критерии, как уважение к старшим, стремление помогать окружающим, любовь и взаимопонимание в семье и т.д. (всего 100 морально-этических критериев). В зависимости от полученного "морального рейтинга" размеры и стоимость кредитования существенно варьируются. Таким образом, выдвинутый в КНР лозунг построения "социализма с китайской спецификой" зачастую на практике трансформируется в культивирование своеобразного "капитализма с человеческим лицом".

1. Подсчитано по: Чжунго тунци няньцянь-2003. Пекин, 2003. СС. 55, 186.
2. Там же. С.187.
3. Там же. С.285.
4. Жэньминь жибао. 2002. 5 марта, 14 декабря, 2003. 19 августа.
5. Жэньминь жибао. 2003. 3 декабря.
6. Жэньминь жибао. 2001. 2 января.
7. Жэньминь жибао. 2003. 16 сентября.
8. Там же.
9. Жэньминь жибао. 2003. 13 октября.
10. Жэньминь жибао. 2004. 20 февраля.
11. China Daily. 2002. 15 October.
12. China Daily. 2004. 3 February.
13. Жэньминь жибао. 2003. 13 октября.
14. China Daily. 2004. 13 February.
15. Жэньминь жибао. 2004. 4 февраля.
16. Beijing Review. 2004. № 1.
17. Beijing Review. 2004. № 24; Жэньминь жибао. 2003. 17 августа.
18. Жэньминь жибао. 2004. 1 января; Financial Times. 2004. 13 April.
19. Жэньминь жибао. 2004. 1 января.
20. Beijing Review. 2004. № 2.
21. China Daily. 2004. 4 November.
22. Beijing Review. 2004. № 9.
23. Жэньминь жибао. 2004. 15 января. 2004. 4 февраля.
24. Жэньминь жибао. 2004. 13 февраля.
25. Жэньминь жибао. 2003. 5 ноября.

История

Проблемы нации, национализма, национального духа в текстах Чан Кайши (Цзян Чжунчжэна)

© 2004

А. Москалев

Вопросы нации, национализма, национального духа в первой половине XX в. владели умами ряда видных мыслителей и политических деятелей Китая. Наиболее активная часть китайского общества полагала, что путем консолидации ханьской нации и всех народов страны, внедрения идей национализма, возрождения национального духа можно пробудить Китай от спячки, вернуть ему равноправное положение в мире, сделать страну способной противостоять агрессии. В первой половине ушедшего века в Китае было выдвинуто немало проектов создания единой китайской нации, отработывалась националистическая доктрина, ставилась задача восстановления национального духа. В контексте развития китайского нациестроительства, национализма подходы и концепции Цзян Чжунчжэна (Чан Кайши) занимают далеко не последнее место. В период существования на материке Китайской Республики, а затем на Тайване его взгляды по этому кругу проблем получили довольно широкое распространение.

В КНР Цзян Чжунчжэн был превращен в одну из самых негативно мифологизированных политических фигур. И это отразилось на отношении к его проектам и идеям в рассматриваемой области: они либо игнорировались, либо подвергались нападкам и искажению.

В России интерес к нахождению подлинного лица Цзян Чжунчжэна как лидера Китайской Республики и Гоминьдана проявился в 90-е годы прошлого века. В 1995 г. в Институте стран Азии и Африки при МГУ по инициативе кафедры истории Китая была проведена научная конференция, приуроченная к 20-летию со дня смерти Чан Кайши. В 2000 г. вышла в свет монография Ю.М. Галеновича "Цзян Чжунчжэн, или неизвестный Чан Кайши"¹. Однако главные идеи китайского лидера из обозначенной сферы до сих пор у нас почти не изучались². Между тем его трактовка данной проблематики заслуживает внимания. В частности, подход Цзян Чжунчжэна к вопросу о духе нации приобретает особый интерес в связи с выдвижением XVI съездом КПК (2002 г.) установки о "неуклонном возвышении и внедрении национального духа".

Москалев Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

В предлагаемой статье излагаются результаты проведенного автором исследования текстов Цзян Чжунчжэна, раскрывающих его понимание ключевых вопросов названной темы.

В отечественной историографии суть концепции единой китайской нации Цзян Чжунчжэна в прежние годы обычно излагалась в превратном виде. Причина состояла в том, что, с одной стороны, сведения об этой концепции черпались из одной единственной фразы Мао Цзэдуна, в которой он изобразил позицию Цзян Чжунчжэна в ложном свете (об этом речь пойдет ниже). С другой стороны, в качестве источника сведений об этой концепции ошибочно бралась книга Цзян Чжунчжэна "Судьба Китая" (1943 г.), в которой хотя и упоминалось наименование "китайская нация" (*чжунхуа миньцзу*), но в концептуальном плане это понятие никак в ней не раскрывалось. Вместе с тем текст, в котором излагались основные положения концепции единой китайской нации Цзян Чжунчжэна, выпадал из поля зрения отечественных авторов.

В настоящей статье я излагаю концепцию единой нации Цзян Чжунчжэна по его тексту 1942 г., в котором он сформулировал основные пункты своего проекта. Но прежде чем перейти к его характеристике, необходимо вкратце пояснить, в каком нацистроительском контексте родился этот новый взгляд на единую китайскую нацию.

После ухода из жизни Сунь Ятсена позиция Гоминьдана по вопросу о единой нации стала меняться, хотя и не сразу. Перемены наметились в конце 20-х годов. Из материалов III съезда Гоминьдана (1929 г.) явствует, что партия пришла к иной, чем у Сунь Ятсена, трактовке введенного им в 1924 г. неологизма "государственная нация" (*гоцзу*). Термин *гоцзу* был сохранен, но понятие государственной нации стало наполняться новым содержанием. Разница с суньятсеновской *гоцзу* была принципиальной. Напомню, что Сунь Ятсен считал *гоцзу* ханьской нацией. По его утверждению, "400 млн китайцев (*чжунго жэнь*), можно сказать, целиком являются ханьцами, ... это полностью одна нация (*игэ миньцзу*)"³. Ссылаясь на историю, он подчеркивал, что "в Китае, начиная с [династий] Цинь и Хань, всегда одна нация создавала одно государство"⁴. Он имел в виду, конечно, ханьцев. Наличие в стране неханьской "примеси" (*цаньцза*), с его точки зрения, не меняло существа дела. Правда, он при этом почти вчетверо занижал общую численность неханьцев, заявляя, что в Китае "иноплеменников в целом лишь 10 млн человек"⁵. Данная цифра составляет 2,5% от общей численности населения страны того времени. В этом случае Китай действительно можно было бы считать мононациональным государством. Но это противоречило бы действительному положению вещей. Таким образом, если у Сунь Ятсена *гоцзу* — это государственная ханьская нация, то Гоминьдан стал трактовать *гоцзу* как полиэтническую нацию.

III съезд Гоминьдана ставил задачу: "В сфере национализма добиваться тесной сплоченности ханьцев, маньчжуров, монголов, мусульман (*хуэй*), тибетцев, дабы образовать сильную государственную нацию (*гоцзу*) и обеспечить Китаю равноправное положение в мире"⁶. В резолюции съезда отмечалось: "Только при условии политического укрепления сил национальностей страны можно будет покончить с политическим бандитизмом иностранного империализма; только при условии роста сил национальностей страны в сферах экономики и просвещения можно будет устранить экономическую агрессию иностранного империализма"⁷. Иными словами, Гоминьдан стал подходить к государственной нации, как к полиэтнической общности, чего явно хотел избежать Сунь Ятсен. Упоминание в документах III съезда Гоминьдана народов "большой пятерки" было связано с доктриной "пятинационального" Китая, рожден-

ной Синьхайской революцией, что, впрочем, не исключало наличия в стране и других, малочисленных, народов (*сяо цзу*).

Значительное место вопросам единства государственной нации уделил V съезд Гоминьдана (1935 г.), призвавший “сплотить 400-миллионный народ в одну большую государственную нацию”⁸.

Но кульминационным пунктом нациестроительской деятельности Гоминьдана в эти годы явилось включение положения о государственной нации в Проект Конституции Китайской Республики (1936—1937 гг.⁹). Статья 5 Проекта гласила: “Все национальности Китайской Республики, являясь структурными компонентами китайской государственной нации (*чжунхуа гоцзу*), равноправны”¹⁰. Это было серьезным теоретическим продвижением в разработке проблемы единой нации в Китае. Китайская государственная нация при таком подходе приобретала политический характер.

В Декларации состоявшегося в 1938 г. внеочередного съезда Гоминьдана подчеркивалось, что в обстановке Войны Сопrotивления Японии особенно важно, чтобы все соотечественники, руководствуясь национализмом как основой, развивали исконные моральные ценности нации, возрождали ее веру в собственные силы, соединяя воедино волю 450 миллионов человек, “что должно стать гарантией выживания нашей нации”. В Декларации утверждалось, что “все национальности Китая в ходе исторической эволюции в основном уже слились в единую государственную нацию”¹¹. Здесь, таким образом, по-прежнему признавалось, что государственную нацию составляют все национальности Китая. При этом акцентировалась мысль о тесном соединении всех национальностей в рамках единого целого, что в условиях военного времени было особенно актуально.

Однако Война Сопrotивления помешала введению в действие Проекта Конституции Китайской Республики. Оказалась недолгой и судьба *чжунхуа гоцзу*, так как в начале 40-х годов Цзян Чжунчжэн выступил с новой трактовкой единой китайской нации, перечеркнувшей концепцию китайской государственной нации Проекта Конституции 1936—1937 гг.

Основные положения новой концепции китайской нации (*чжунхуа миньцзу*) были изложены Цзян Чжунчжэном 27 августа 1942 г. во время его встречи в административном центре провинции Цинхай Синине с представителями народов “большой пятерки”. Это выступление вошло в собрание сочинений Цзян Чжунчжэна под заглавием “Общая ответственность китайской нации”.

Предваряя свое выступление, китайский лидер сказал, что будет говорить об отношении “всех кланов...[Китая] к национальному государству” (*миньцзу гоцзя*)¹². (Особое значение термина клан он пояснил далее в ходе своего выступления).

Обращаясь к присутствующим, Цзян Чжунчжэн призвал всех осознать, что “наша Китайская Республика образована всей китайской нацией (*чжунхуа миньцзу*), а наша китайская нация объединяет в себе пять кланов (*цзунцзу*) — ханьцев, маньчжуров, монголов, хуэй (мусульман) и тибетцев, образующих то единое целое, на которое и распространяется это общее наименование”. “Я говорю, — продолжал Цзян Чжунчжэн, — что мы являемся пятью кланами, а не пятью нациями, иначе говоря, все мы представляем собой компоненты китайской нации, подобно тому, как братья составляют семью”¹³.

“Но важнее всего то, — подчеркивал Цзян Чжунчжэн, — что все члены нашей китайской нации [во всем], что касается их свойств, стали одним гармоничным целым. Из соединения множества семей у нас образовались кланы, которые, в свою очередь, объединились в единую китайскую нацию. Как говорил

Отец Республики Учитель Сунь Ятсен, “нужно соединить 400 млн человек в одну крепкую нацию”. Поэтому-то у нас и есть только одна китайская нация, а для наименования всех составляющих ее единиц (*даньвэй*) действительно лучше всего использовать слово клан”. “Жизнь и судьба наших пяти больших кланов (*у да цзунцзю*) едины”, заметил он¹⁴.

Особо акцентировалась Цзян Чжунчжэном мысль о целостности китайской нации. “Наша китайская нация есть одно целое, а наше государство тем более не может быть расчленено”¹⁵, подчеркивал он в своей речи.

Таким образом, согласно концепции Цзян Чжунчжэна, ханьцы наряду с остальными четырьмя крупными компонентами китайской нации суть пять больших кланов. Понятно, что последний термин употреблялся как вполне условный и фактически был равнозначен понятию “этническая общность”. Цзян Чжунчжэн, можно полагать, счел некорректным называть компоненты *чжунхуа миньцзю* нациями (*миньцзю*), так как этот термин уже был “занят” в самом названии китайской нации как макрообщности. Но главным мотивом для такого подхода была все же не академическая корректность, а стремление в условиях тяжелой борьбы с японской агрессией найти более эффективный способ консолидации народов страны. Тем самым, *чжунхуа миньцзю* в понимании Цзян Чжунчжэна представляла собой не что иное, как нацию политическую. Вероятнее всего, его не удовлетворила концепция *чжунхуа гоцзю* Проекта Конституции Китайской Республики, поскольку “китайская государственная нация” воспринималась просто как совокупность всех наций страны. Это, как я считаю, и привело Цзян Чжунчжэна к его новой концепции, преимущество которой он, скорее всего, видел в ее более сильном интегративном потенциале.

Обращаясь к вопросу об отношении всех кланов к китайской нации и государству, Цзян Чжунчжэн снова и снова подчеркивал, что “необходимо понять наше собственное место и отношение всех нас к китайской нации (*чжунхуа миньцзю*) как целому и к Китайской Республике. По отношению к китайской нации, к какому бы клану мы ни принадлежали — к ханьцам, маньчжурам, монголам, хуэй, тибетцам, — все мы равно являемся компонентами китайской нации, подобно братьям одной семьи (*игэ цзятин*), которые равны по своему статусу и связаны друг с другом всеми жизненными узами. Что касается нашего отношения к государству, то все мы являемся гражданами Китайской Республики, хозяевами Китайской Республики, у всех нас общая ответственность за состояние Китайской Республики, и каждый из нас должен в полной мере выполнять [по отношению к ней] общие обязанности. Все мы также пользуемся равными правами”¹⁶. Великим общим делом всех соотечественников Цзян Чжунчжэн назвал возрождение китайской нации¹⁷.

Таким образом, можно констатировать, что в концепции китайской нации Цзян Чжунчжэна впервые в Китае употребление термина “нация” (*миньцзю*) сознательно ограничивалось одним лишь уровнем надэтнического “свода” единой нации, что соответствует международным стандартам в использовании данного термина.

Концепция китайской нации Цзян Чжунчжэна вызвала широкий резонанс. В течение нескольких лет в печати Китайской республики и в работах ряда китайских исследователей новая концепция *чжунхуа миньцзю* находила поддержку и понимание, хотя, по всей видимости, и без достаточного осознания специфики теоретической стороны проекта. Термин клан в его новом значении мало-помалу вводился в литературу, посвященную проблемам национальностей. К примеру, в работе Чжан Чжи по экономике Синьцзяна употреблялось словосочетание *цзунцзю вэньти*, “клановые проблемы”, говорилось о

клановом (т.е. этническом) составе Синьцзяна и т.п.¹⁸ В журнале “Новый Китай” появились материалы, популяризовавшие концепцию единой нации Цзян Чжунчжэна. Из публикаций такого рода можно упомянуть, в частности, статьи Цзинь Тяньжэня, Вань Цзюньцзе, появившиеся на страницах названного журнала в 1943 г.¹⁹

В то же время в лагере КПК концепция китайской нации Цзян Чжунчжэна подавалась в негативном свете. Начало было положено Мао Цзэдуном, который в политическом докладе “О коалиционном правительстве”, представленном на VII съезде КПК (1945 г.), заявил, что “гоминьдановская антинародная клика отрицает существование в Китае многих национальностей, называя все национальные меньшинства, *помимо ханьцев* (выделено мною. — А.М.), ‘кланами’”²⁰. К этому месту доклада относится такое примечание: “Имеется в виду тот бред, который содержится в брошюрке (*сяо цзэцзы*) Чан Кайши ‘Судьба Китая’”²¹. Отсюда можно сделать вывод, что восприятие Мао Цзэдуном концепции китайской нации Цзян Чжунчжэна основывалось не на тексте его выступления в Синине, а на книге “Судьба Китая”, в которой эта концепция не рассматривалась.

Последующие нападки китайских коммунистов на проект Цзян Чжунчжэна в общем никогда не касались существа его концепции. В этом отношении характерен сборник “К критике ‘Судьбы Китая’”, авторами статей которого были Чэнь Бода, Ай Сыци, Фань Вэньлань, Люй Чжэньюй и Сюй Фаньсян (Сюй Тинфань)²². В заглавной статье Чэнь Бода, вошедшей в сборник, из собственно претензий, предъявлявшихся к Цзян Чжунчжэну по вопросу о единой китайской нации, самым главным пунктом было то, что, как писал Чэнь Бода, Цзян Чжунчжэн отошел от “обиходного” (*жичан юндэ*) употребления словосочетания *чжунхуа миньцзу* как общего наименования всех национальностей Китая. Чэнь Бода обвинял Цзян Чжунчжэна в том, что он якобы разделял взгляды фашистов Германии, Италии и Японии на проблему нации²³. По утверждению идеолога КПК, “крупные помещики и крупная буржуазия Китая сфабриковали эту теорию единой нации с целью раздувания великоханьского национализма, обмана и угнетения малых национальностей...”²⁴. Таков был уровень “критики” со стороны идеологических противников Гоминьдана в 40-е годы.

Конечную судьбу проекта единой китайской нации Цзян Чжунчжэна никак нельзя назвать успешной. В Декларации состоявшегося в мае 1945 г. VI съезда Гоминьдана концепция Цзян Чжунчжэна не нашла никакого отражения. Для обозначения национальностей Китая в ней по-прежнему использовался термин *миньцзу*, а термин *цзунцзу* (клан) вообще не фигурировал²⁵. В тексте Конституции Китайской Республики, принятой Национальным собранием 25 декабря 1946 г. и опубликованной 1 января 1947 г., вопрос о китайской нации также не был затронут (как это имело место в Проекте Конституции 1936–1937 гг.). В принятой Конституции национальности (нации) Китая обозначались, как и до Сининской речи Цзян Чжунчжэна, термином *миньцзу*. Так, статья 5 новой Конституции гласила: “Все нации (*гэ миньцзу*) Китайской Республики равноправны”²⁶.

Главными причинами неудачи, видимо, стали термин *цзунцзу* (клан), слишком необычный в своем новом значении, а также отсутствие готовности у китайского общества “в одночасье” переориентировать свое сознание с привычного восприятия Китая как “Республики пяти национальностей/наций” на “однонациональную” модель страны. Вероятно, Цзян Чжунчжэн, учтя эти обстоятельства, а также то, что война с Японией закончилась, не стал настаивать на дальнейшем продвижении своего проекта.

Итак, несмотря на конечный неуспех проекта единой нации Цзян Чжунчжэна (впрочем, столь же “неуспешными” были и все предыдущие проекты, начиная от Лян Цичао), его концепция занимает важное место в китайском нациестроительском контексте XX в. как в теоретическом отношении, так и по значимости отдельных ее положений. Не случайно некоторые акцентированные Цзян Чжунчжэном моменты, как, например, понимание единой нации как тесного органического единства, как целостности составляющих ее компонентов, и сегодня воспринимаются как вполне консонирующие с пониманием ныне поддерживаемой в КНР модели китайской нации (*чжунхуа миньцзю*) как множественного единства²⁷.

В области национализма Цзян Чжунчжэн был прежде всего приверженцем идей, заложенных в учении о национализме Сунь Ятсена. Это не значит, однако, что он довольствовался повторением основных положений, которых придерживался Учитель. Цзян Чжунчжэн вполне основательно усвоил суть суньятсеновского национализма и всегда старался не отойти от этой сути. Но в деталях он следовал собственному видению проблемы, акцентировал то, что он считал наиболее важным и существенным, а на некоторых частностях (с которыми он, видимо, не соглашался) не заострял внимания.

Еще при жизни Сунь Ятсена Цзян Чжунчжэн включился в работу по популяризации национализма Учителя. Выступая с речами (обычно перед военными), он стремился в доходчивой и сжатой форме доводить до создания слушателей существо вопроса, не отклоняясь при этом в сторону от главной мысли, стараясь употреблять всем понятные формулировки. Некоторые его выступления такого рода вошли в собрание его сочинений, и по ним можно судить, насколько ему удавалось раскрыть то основное, что, как он полагал, необходимо было знать его аудитории. Выступая в день 13-й годовщины Китайской Республики (10 октября 1924 г.) в военной школе Вампу (Хуанпу) в провинции Гуандун, он избрал своей темой основы суньятсеновских трех народных принципов и конституции пяти властей. К этому времени уже определилась новая формула национализма Гоминьдана, вошедшая в Декларацию I съезда этой партии, Сунь Ятсеном были прочитаны шесть лекций по национализму. Однако Цзян Чжунчжэн не стал повторять сказанное в декларации съезда или в лекциях Сунь Ятсена, ограничившись кратким изложением главного. “В чем же смысл принципа национализма?” — ставил он вопрос и отвечал на него так: “[Он] заключается в требовании независимости для нашей китайской нации, что дало бы ей возможность пользоваться благами подлинной свободы и равноправия [в мире]; в то же время, — продолжал он, — [этот принцип] также требует независимости для народов мира, чтобы и они все пользовались благами свободы и равноправия. Другими словами, нельзя, с одной стороны, допускать угнетения Китая иностранным империализмом; в то же время, [с другой стороны], наш Китай не должен угнетать соседние нации или государства. Вот в чем, коротко говоря, состоит смысл национализма”. И далее: “Раз национализм требует национальной независимости, нам, конечно, нужно покончить с внутренним милитаризмом, покончить с угнетающим нас международным империализмом”²⁸.

В том же выступлении Цзян Чжунчжэн выразил решимость “не жалеть жизни” в борьбе за избавление от империалистического угнетения “слабых наций” мира, ради “свободы и равенства всего человечества”. (В то время подобные мотивы нередко звучали из уст политических деятелей Китайского Гоминьдана, и самому Цзунли, т.е. Главноуправляющему (Сунь Ятсену. —

А.М.) приходилось иногда говорить, что он “борется за [дело] китайской и мировой революции”²⁹).

Приведенные цитаты характерны в том отношении, что Цзян Чжунчжэн в них самостоятельно излагает то главное, что ему виделось в первом народном принципе Сунь Ятсена. Он действительно довольно удачно обобщает смысл его идей, которые можно обнаружить в его текстах 20-х годов. Некоторые положения из упомянутого выступления Цзян Чжунчжэна, возможно, были им восприняты у Дай Цзитао. Кстати, последний в мае 1924 г. произносил речь в той же школе Вампу в день ее открытия. В лекции Дай Цзитао, прочитанной им в Гуанчжоу в 1925 г., между прочим, содержалась мысль о том, что ханьцы не должны “подвергать агрессии” (*бу цзя и цинъюэ*) малые народы Китая, что им (ханьцам) следует “уважать независимость” Монголии и Тибета³⁰ и т.п. Не исключено, что подобные высказывания Дай Цзитао Цзян Чжунчжэн мог слышать от него и годом ранее в той же школе Вампу. Так или иначе, Цзян Чжунчжэн еще в первой половине 20-х годов, можно сказать, проникся идеями Сунь Ятсена о принципе национализма и, возможно, прислушивался также к мыслям Дай Цзитао, взгляды которого по некоторым вопросам, в частности, по вопросу национального самоопределения, по-видимому, не во всем совпадали с суньятсеновскими.

Цзян Чжунчжэн придавал большое значение включению в программы обучения всех учебных заведений Китая специального предмета по изучению Трех народных принципов Сунь Ятсена. Говоря в 1927 г. о важности такого предмета и необходимости его преподавания в учебных заведениях всех уровней, Цзян Чжунчжэн подчеркивал, что “национализм действительно является единственным главным фактором успеха [в сфере нашего образования]”³¹. Он считал особенно важным довести до сознания учащихся антиимпериалистическую направленность национализма, а также требование борьбы с китайскими милитаристами, пользовавшимися поддержкой империализма.

В тогдашней обстановке, по словам Цзян Чжунчжэна, китайским учебным заведениям — от начальных школ до вузов — надлежало обеспечивать “воспитание [в духе] национализма”, ибо все соотечественники были обязаны понимать смысл национализма. И далее: “Если же такое воспитание не будет получено, общенациональную революцию (*гоминь гэмин*) в Китае будет трудно осуществить. Если мы хотим успеха общенациональной революции в Китае, создания Нового Китая и раскрытия всего потенциала [страны], необходимо концентрировать внимание на национализме”³². Вполне очевидно, что Цзян Чжунчжэн рассматривал национализм как мощную мобилизующую силу, способную консолидировать нацию, объединить ее усилия для выполнения поставленных целей.

Ратуя за сознательное восприятие соплеменниками идей национализма, Цзян Чжунчжэн, как и Сунь Ятсен, считал необходимым разъяснять, насколько велика угроза внешней агрессии, нависшая над Китаем. Эта угроза, по словам Цзян Чжунчжэна, достигла своей наивысшей точки: “Китай вот-вот погибнет под пятой агрессоров!” Цель национализма состоит в том, чтобы “сокрушить все агрессивные вылазки международного империализма. Степень угнетения международным империализмом китайской нации (*чжунго миньцзу*) превысила ее терпение, и если китайский народ все же не осознает этого и не развернет революционное движение соплеменников, то возникнет [реальная] угроза гибели китайской нации”³³. И еще: “Пока агрессивный империализм не будет повержен, разговоры об успехе общенациональной революции останутся пустыми словами; только после сокрушения империализма можно будет наде-

яться на успех общенациональной революции... Нынешняя общенациональная революция является революцией ради трех народных принципов, революцией за принцип национализма"³⁴. Когда будет повержен империализм, внутренний милитаризм лишится стимула для своего существования и потерпит поражение, — добавлял Цзян Чжунчжэн.

Будучи, как и Сунь Ятсен, приверженцем идеи "Великого Единения мира", Цзян Чжунчжэн утверждал, что первым шагом в направлении к этому обществу должно быть проведение в жизнь национализма, дабы китайская нация обрела свободу, все национальности внутри страны стали равноправными, а на международной арене Китай приобрел уважение и независимость³⁵.

Цзян Чжунчжэн подчеркивал, что национализм, за который ратует Го-миньдан, коренным образом отличается от узкого этатизма (*сяй дэ гоцзячжуи*), который в Китае нередко рассматривается как разновидность национализма. Этатисты, по его словам, идут по стопам империализма. И Китаю ни в коем случае нельзя совершать ошибку этатистов. "Наш национализм, — говорил Цзян Чжунчжэн, — отнюдь не преследует цель сделать китайскую нацию подобной другим сильным нациям [мира], подавляющим все слабые нации. Это было бы империализмом и не национализмом... Национализм требует независимости и равенства для китайской нации, ... и он также требует поддержки всех слабых наций с тем, чтобы и они обрели независимость и равноправие. Ведь мы, не приемля империалистического угнетения, также не можем мириться с угнетением империалистами всех слабых наций. И коль скоро мы не можем позволить какого-либо империалистического угнетения китайской нации, мы также не согласимся на какое-либо угнетение империалистами слабых наций... Китайская нация должна объединить усилия со всеми нациями мира, относящимися к нам, как к равным, чтобы помочь всем слабым нациям обрести независимость и свободу"³⁶. Вполне очевидно, что в этом отношении национализм Цзян Чжунчжэна коренным образом отличался, к примеру, от национализма Лян Цичао, который склонялся к колониализму и установлению контроля над всеми "неразумными и бездарными" народами мира, не допуская ни в малейшей степени равноправного подхода к ним³⁷.

В отношении оценки состояния ханьской нации у Цзян Чжунчжэна было общее с подходом к этому вопросу Сунь Ятсена. Так, он соглашался с Учителем в том, что ханьцы многими воспринимались, как народ, которому не хватает сплоченности и который напоминает поэтому множество разрозненных песчинок. Но были и отличия. Так, для позиции Сунь Ятсена в оценке им качества своих соплеменников характерно употребление эпитетов в превосходной степени: ханьцы обычно характеризовались им как "самые-самые", хотя он и видел и критиковал их недостатки. Например, согласно Сунь Ятсену, "ханьская нация является самой древней нацией мира, самой большой нацией в мире, а также самой цивилизованной и обладающей самой большой ассимиляционной мощью нацией в мире"³⁸. Обычными для Сунь Ятсена были заявления о способности ханьцев "потрясти весь мир своим величием"³⁹ и т.п. Цзян Чжунчжэн, насколько можно судить по его текстам, был гораздо более "спокоен" в своих оценках. Сравнивая китайцев с иностранцами, он, например, высказывался в том плане, что "китайцы вовсе не глупее иностранцев, а по уму и талантам они отнюдь не стоят ниже иностранцев"⁴⁰. Но он также замечал, что несклонность китайцев к "соблюдению порядка" — одна из причин их бедности и слабости. Другая отмеченная им черта соплеменников (присущая людям самого различного положения) — это, как он считал, "непонимание [существа] собственного положения и собственной ответственности"⁴¹. В 1929 г. он заявлял:

“Нам не страшны сегодня бесчинства империалистов, мы боимся лишь нашей собственной неспособности к самоутверждению и самоусилению”⁴².

Национализм, как и общенациональная революция, понимался Цзян Чжунчжэном (впрочем, как и Сунь Ятсеном) как национализм и революция всего китайского народа. Классовый подход был для него неприемлем. “Коммунистическая революция в Советской России, — говорил он, — является классовой революцией, общенациональная революция в Китае — это всенародная (*цюань минь*) революция”⁴³. В одном из выступлений 1937 г. он говорил, что реализация национальной независимости (как одного из требований национализма) предусматривает “объединение сил различных классов и прослоек всей нации”⁴⁴. В другом выступлении (1939 г.) Цзян Чжунчжэн подчеркивал, что “отправной точкой” трех народных принципов, а следовательно, и национализма, является понятие *гун* (“общий”). “Поэтому они (т.е. эти принципы. — А.М.) могут охватывать все, их цель — сделать весь народ страны без различия классов, пола, занятий, религиозной принадлежности, равноправными, сделать равноправными все национальности страны, а также, в дальнейшем, следуя духу взаимопомощи и взаимодействия, добиваться равноправия наций всего мира...”⁴⁵.

В первой из шести лекций, объединенных в собрании сочинений общим заглавием “Основы [идейного] наследия Отца Республики” (1935 г.), прочитанных Цзян Чжунчжэном для военной аудитории, пояснялось, в частности, что, по его мнению, является наиболее важным” в идейном наследии Учителя. К самому важному он отнес (среди прочего) его “вторую лекцию по национализму”, в которой, по его словам, много говорилось о необходимости “возрождения высших принципов исконной [ханьской] морали”⁴⁶. В той же лекции Цзян Чжунчжэн напоминал о том, что Сунь Ятсен ставил задачу “восстановления исконной морали нации, укрепления исконных интеллектуальных способностей нации ради спасения гибнущего государства, возрождения ослабевшей нации”. И далее: “Каждый должен понять: если у нас не будет прочной психологической и духовной основы, никакое материальное строительство не только не сможет быть успешным, ...но и спасти государство станет невозможно. Поэтому морально-духовное строительство является наиважнейшей базой любого нашего строительства”⁴⁷.

Говоря о содержательной стороне трех народных принципов, Цзян Чжунчжэн разъяснял, что “национализм является принципом духовного и политического строительства”. Система всех трех народных принципов “ответственна” за духовное, материальное, политическое и социальное строительство (народовластие (*миньцюаньчжуи*) — принцип политического и социального строительства; народное благосостояние (*миньшэнчжуи*) — принцип политического и материального строительства). Национализм, таким образом, занимает первую позицию в этом ряду и имеет отношение к политике наряду с двумя другими народными принципами⁴⁸.

Говоря в четвертой лекции, “Сущность духовного строительства”, о том, что “путь духовного строительства лежит в восстановлении исконной морали нашей нации”, Цзян Чжунчжэн подчеркивал, что если каждый в полной мере проявит свою преданность государству и нации, то “государство и нацию, разумеется, можно будет возродить”⁴⁹. “Преданность” он относил к важнейшим моральным устоям ханьцев. Сославшись на шестую лекцию по национализму Сунь Ятсена, Цзян Чжунчжэн отмечал, что “восстановление исконной морали нашей нации” позволит “восстановить исконное положение нации [в мире]”⁵⁰.

Мысль о том, что национализм Гоминьдана должен отстаивать прежде всего восстановление исконных ханьских моральных ценностей, Цзян Чжунчжэн повторял неоднократно в своих выступлениях разных лет. Выступая в апреле 1938 г., он остановился на пяти главных направлениях строительства: духовном, материальном, социальном, политическом, военном, отнеся национализм к числу основных направлений духовного строительства. При этом он отметил, что следует обратить особое внимание на высказанное Сунь Ятсеном наставление относительно “восстановления исконной морали” ханьцев⁵¹. Но восстановление исконной ханьской морали не было для Цзян Чжунчжэна единственной целью: в “Судьбе Китая” (1943 г.) он писал, что “восстанавливая великий исконный дух [ханьцев], [формировавшийся] на протяжении пяти тысячелетий, предстоит создать современную основу новых моральных принципов, требующих ставить превыше всего [интересы] государства и нации”⁵². Он также призывал отдавать все силы “возрождению нации” (*фусин миньцзу*)⁵³, что стало одним из постоянных лозунгов национализма Гоминьдана.

В подходе к национализму Цзян Чжунчжэн также подчеркивал его эмоциональную сторону. “Из всех человеческих чувств (*ганьцин*), — говорил он, — национальное чувство относится к наиболее ценным людям”. Это чувство, будучи природным, как и нация (этнос), может быть специально направлено, полагал он, на сплочение нации.

Поэтому, рассматривая национализм в ряду трех народных принципов и подчеркивая, что “основа национализма — это [область] чувств”, он считал, что “добиться независимости нации” можно путем воздействия на национальные чувства людей⁵⁴. Уже в 70-летнем возрасте Цзян Чжунчжэн снова обратился к толкованию национализма, увидев в нем прежде всего его культурную составляющую: он предложил определение национализма как “своего рода культурного сознания” (*и чжун вэньхуа иши*). Заметив, что всякая нация “дорожит собственной историей, оберегает собственную культуру, защищает собственное достоинство, восстанавливает независимость собственного государства”, он делал вывод, что “в этом и заключается дух национализма”⁵⁵.

Итак, если в нациестроительстве Цзян Чжунчжэн оказался радикальным новатором, то в сфере национализма он стремился прежде всего не упустить главного из учения о национализме Сунь Ятсена, донести до соотечественников существо его идей. Но дело не ограничивалось только этим. У Цзян Чжунчжэна был и собственный взгляд на китайский национализм. И хотя этот взгляд сложился под влиянием Учителя, в подходе к национализму Цзян Чжунчжэна нашла отражение и его собственная позиция. Наиболее заметная особенность его отношения к национализму заключается в придании им исключительной значимости традиционным морально-нравственным ценностям ханьцев: он был убежден, что эти ценности, как уже говорилось, должны лежать в основе китайского национализма. Такой подход был им воспринят у Сунь Ятсена. Но у Цзян Чжунчжэна он получил дальнейшее развитие.

В конце жизни Сунь Ятсен стал особо акцентировать свой третий народный принцип — “народное благосостояние” (*миньшэн*), выдвинув его на первое место по значимости (за *миньшэн* шел принцип народовластия (*миньцзюань*), а национализм оказался на третьем месте). Эта позиция, как известно, была представлена в его “Программе строительства государства” (апрель 1924 г.)⁵⁶. У Цзян Чжунчжэна акцентуация принципа *миньшэн* получила дальнейшее обоснование, в результате чего национализм хотя и остался неотъемлемым компонентом идеологической базы построения нового Китая как государства Трех народных принципов, однако он уже не считался “ядром” этой

системы. Цзян Чжунчжэн пояснял это так: “Центральная цель [нашей] революции заключается в [принципе] народного благосостояния”. И еще: “Все наши усилия, будь то в политике, экономике, образовании, культуре, военном деле, должны иметь своей главной целью народное благосостояние. Три народных принципа хотя и подразделяются на национализм, народовластие и народное благосостояние, в конечном счете все равно фокусируются на принципе народного благосостояния... и лишь когда мы сумеем в полной мере решить [проблему] народного благосостояния, можно будет говорить о подлинной реализации [всех] Трех народных принципов”⁵⁷. Вот почему в текстах Цзян Чжунчжэна тема национализма, в общем, занимает сравнительно скромное место.

В национализме Цзян Чжунчжэна нашла последовательное отражение его линия на поддержку равноправия всех национальностей Китая — пункт вошедший в Декларацию 1 съезда Гоминьдана (1924 г.) в качестве “второй стороны” принципа национализма Гоминьдана. Об этом свидетельствуют не только его многочисленные выступления, но и документы съездов Гоминьдана, а также законодательные акты.

Национализм Цзян Чжунчжэна заметно отличался (в частности, от национализма Сунь Ятсена) большей сдержанностью, умеренностью, в особенности в том, что касалось оценки собственной нации и ее места в мире. На это уже было обращено внимание выше. Некоторые моменты, на которых Сунь Ятсен любил заострять внимание, как, например, на ассимиляционной мощи ханьцев, на установах относительно форсирования ассимиляции неханьских национальностей Китая, у Цзян Чжунчжэна по существу отсутствовали.

Повышенный интерес Цзян Чжунчжэна к проблеме национального духа, или духа нации (*миньцзу цзиншэнь/миньцзу дэ цзиншэнь*), стал проявляться особенно в 30-е годы. Это был период нарастающей японской агрессии в Китае. Возрождение национального духа Цзян Чжунчжэн связывал прежде всего с задачей мобилизации сил китайской нации на отпор агрессорам. Незадолго до этого, в 1924 г., Сунь Ятсен также говорил о восстановлении духа нации в связи с необходимостью усиления нации и государства. По словам Сунь Ятсена, для того, чтобы вернуть китайской нации ее положение в мире, “сначала необходимо восстановить дух нации” (*миньцзу дэ цзиншэнь*). Развивая свою мысль, он пояснял: “В прошлом, утратив национальный дух (*миньцзу цзиншэнь*), мы словно заснули. Сейчас, если мы хотим восстановить национальный дух, нам нужно пробудиться. И только после того, как проснемся, можно будет восстановить национализм. Когда же национализм будет восстановлен, нам нужно будет разобраться в том, каким образом восстановить положение нашей нации”⁵⁸. Иногда у Сунь Ятсена словосочетание “националистический дух” в смысловом отношении было эквивалентно сочетанию “национальный дух”. В первой лекции по национализму он говорил: “Так как они (японцы. — А.М.) обладают националистическим духом, то поэтому смогли... всего за 50 лет превратить свою слабую страну в мощную державу”⁵⁹. Сунь Ятсен предлагал соотечественникам брать Японию за образец. Как можно видеть, у Сунь Ятсена “националистический дух”, “национальный дух” и “национализм” — тесно взаимосвязанные понятия. Несколько иначе обстояло дело у Цзян Чжунчжэна.

Выступая в начале 30-х годов и затронув проблему духа нации, он называл этот дух также “душой государства” (*го хунь*). “Что собой представляет душа государства? — спрашивал он и отвечал: — Это дух нации; во всяком государстве должен присутствовать дух нации, и только в этом случае государство может обрести свою национальную природу (*миньцзу син*). Без нацио-

нального духа его национальную природу во всяком случае невозможно будет с успехом сформировать, а государство без национальной природы наверняка придет к хаотическому состоянию, разложению, у него не будет ни организации, ни жизненных функций. И в случае агрессии извне разложившиеся элементы и изменники не только не будут способны сплотиться и организовать сопротивление, но к тому же еще постараются извлечь выгоду из создавшегося положения, пойдут на предательство отечества”⁶⁰.

Восстановление исконной национальной природы Китая, для чего, по Цзян Чжунчжэну, прежде всего требовалось восстановление национального духа, связывалось им с возрождением национального духовного богатства — исконных моральных ценностей ханьцев. Он подчеркивал: “Если Китай хочет сохраниться в мире как государство, добиться равноправного с державами положения, то если не поторопиться с восстановлением его исконной национальной природы, не возродить формировавшийся тысячелетиями дух устройства государства, которому всегда была привержена китайская нация, а [вместо этого] погрязнуть в одних лишь материальных заботах, — в таком случае... падение индивидуальной морали может привести к падению морали всей нации, что неизбежно повлечет за собой полный крах того, на чем зиждется бытие государства и общества, — национального духа — морали нации, и это в конечном счете закончится гибелью государства и нации”⁶¹. В современной же ситуации он видел “деградацию национальной природы Китая”. Еще маньчжуры, замечал он, старались всеми способами “полностью разрушить всю национальную природу (*миньцзу син*) китайской нации (*чжунхуа миньцзу*)”. (Здесь и в других цитатах под китайской нацией имеются в виду ханьцы). Поэтому, с горечью констатировал Цзян Чжунчжэн, “национальная природа Китая, можно сказать, оказалась уничтоженной, перестала существовать”. Вот почему “вся нация стала вялой и апатичной, погрязла в разложении”⁶².

Вывод Цзян Чжунчжэна таков: в современных условиях разрастающейся внешней агрессии “коренной проблемой является... восстановление исконной национальной природы Китая”. И далее: “Сейчас нам необходимо восстановить утраченную национальную природу во всей ее цельности, и не только восстановить, но и, следуя требованиям эпохи, упорядочить ее, сделать ее еще более совершенной, создать национальный дух новой эпохи, и только так можно будет сформировать национальную природу нового Китая”⁶³.

Как можно видеть из приведенных высказываний, суть национального духа Цзян Чжунчжэн видел в исконной морали ханьцев, в их традиционных моральных ценностях. В его рассуждениях фигурирует несколько взаимосвязанных понятий: “национальный дух” (“дух нации”), “душа государства”, “дух устройства (утверждения) государства”, “национальная природа (государства/нации)”, “мораль нации”.

В этой цепочке отсутствует понятие “национализм”. Хотя, как уже говорилось, основой национализма он считал моральные ценности нации, и восстановление этих исконных моральных ценностей, следовательно, представляло собой не что иное как подготовку почвы для возвращения национализма. Тем не менее нельзя не признать, что Цзян Чжунчжэн представлял себе проблеме возрождения национального духа как более широкую задачу, чем, скажем, Сунь Ятсен до него.

В выступлении, относящемся к июню 1932 г., вошедшем в собрание сочинений под заглавием “Китайский дух устройства государства” (с подзаголовком: “Чтобы сопротивляться японскому империализму, нужно прежде всего сопротивляться духу японского самурайства”), он снова подробно останавли-

вался на вопросе о “духе китайской нации” (*чжунхуа миньцзу цзиншэнь*) и японском духе устройства государства. Он пояснял, что японское самурайство по сути представляет собой нечто “остаточное” (*цаньюй дэ*) от китайского конфуцианства; самурайство заложено японцами в фундамент их национального духа, основанного на деспотическом (*ба дао*) устройении государства⁶⁴. Но конфуцианство, замечал Цзян Чжунчжэн, представляет собой целостное учение, в основе которого лежит “китайский национальный дух совершенного правления” (*ван дао*)⁶⁵. Поэтому китайцам, подчеркивал он, следовало бы обращать больше внимания на свой исконный национальный дух во всей его цельности, зная при этом, что нынешний японский национальный дух представляет собой нечто противоположное китайскому национальному духу, основанному на гуманности. “И если мы снова не сумеем найти способ нашего спасения, возродить наш национальный дух, то нас ожидает гибель!”⁶⁶ И далее: “Если национальный дух утрачен, то наличие государства равносильно его отсутствию. Его бытие подобно гибели! Но если будем хранить этот национальный дух, то и при гнущем государстве сможем возродиться! Поэтому нам не должна быть страшна никакая японская агрессия, страшиться нужно лишь отсутствия у нас национального духа”⁶⁷.

Как считал Цзян Чжунчжэн, к недостаткам ханьцев следует отнести их преобладающую пассивность, дефицит “подъема” в их действиях. Он призывал восполнить эти недостатки, объединив принцип “единство знания и действия” Ван Янмина⁶⁸ с “философией “знание — трудно, действие — легко”” Сунь Ятсена, чтобы “сокрушить одностороннюю японскую философию”⁶⁹. Как подчеркивал Цзян Чжунчжэн, японская нация опиралась на отрывочные положения философии Ван Янмина: японцы, “можно сказать, выбрали лишь фрагмент китайского конфуцианского учения, сумев, однако, преуспеть в деле превращения в агрессивную нацию”⁷⁰. В этой ситуации, спрашивал Цзян Чжунчжэн, если китайцы действительно сумеют соединить философию Ван Янмина, выраженную, в формуле “единство знания и действия”, с философской формулой Сунь Ятсена “знание — трудно, действие — легко”, то не превратятся ли они, в свою очередь, в “агрессивную нацию”? Отвечая на этот вопрос, он выражал уверенность, что “если китайцы воспользуются своей исконной национальной моралью, сложившейся на протяжении тысячелетий, [дополнив ее] духом действия [Ван] Янмина ...и философией Главноуправляющего (*Цзунли*) (т.е. Сунь Ятсена. — А.М.)..., то на этой основе можно будет создать новый национальный дух”⁷¹.

Цзян Чжунчжэн выражал уверенность, что китайцы “определенно не станут агрессивной нацией”, а Китай “наверняка возглавит [дело] мира во всем мире”. По его словам, из конфуцианских принципов “разумности, гуманности, мужества” японцы отдали предпочтение “мужеству”, причем “мужеству” в применении силы, но не в соблюдении справедливости и благопристойности; при этом японцы вовсе игнорировали такие принципы, как “верность долгу” и “миролюбие”. Поэтому они вполне закономерно превратились в агрессивную нацию⁷².

Говоря о национальной природе Китая, Цзян Чжунчжэн признавал, что Китай в этом отношении “по-прежнему пребывает в состоянии покоя” (*цзин*). Это обстоятельство, как он считал, нашло отражение в философских идеях, начиная с Цинь и Хань, вплоть до настоящего времени. В силу такой особенности, национальный дух ханьцев ослабевал, становился инертным. Но если китайцы “возьмут за основу дух [исконных] моральных принципов” и усилят эту

основу готовностью к действию, то “таким образом можно будет воссоздать наш исконный целостный национальный дух”⁷³, заключал Цзян Чжунчжэн.

По утверждению Цзян Чжунчжэна, китайский “дух устройства государства и самообороны” создавался отнюдь не на основе одного военного фактора, но этот дух на протяжении тысячелетий невозможно было уничтожить силой оружия. Поэтому, пояснял он, китайцам нужно возродить свой исконный национальный дух, и только таким путем станет возможно одолеть “самурайство”, положенное в основу природы японской нации⁷⁴. Иначе говоря, “односторонности” японского духа он призывал противопоставить исконный дух китайской нации во всей его полноте и, что особенно важно, в полноте, не исключающей действие.

Ссылаясь на принципы “Великого Учения” (“Да Сюэ”), Цзян Чжунчжэн подчеркивал, что “если мы хотим разгромить Японию, уничтожить Японию, оказать сопротивление агрессивным амбициям Японии, нужно только прежде всего восстановить наш собственный национальный дух”. Кроме этого, как он полагал, необходимо было “ратовать за дух устройства государства, восстанавливать исконную национальную природу [государства]”. “Если не сможем восстановить национальную природу Китая, то не сможем спасти и китайскую нацию. С другой стороны, чтобы спасти китайскую нацию, нужно лишь реализовать Три народных принципа, возродить национальную природу Китая, утвердить основные идеи Китая — таков сегодня единственный способ спасения страны”⁷⁵.

Как уже говорилось, Цзян Чжунчжэн также пользовался понятием “душа государства” (*го хунь*). Одно из его выступлений 1934 г. так и озаглавлено: “Душа Китая”. Он пояснял, что “душа (*линхунь*) Китайской Республики — это Три народных принципа”. Равным образом он утверждал, что душа государства воплощена в “коренном духе исторической культурной традиции” Китая. И еще: “Раз государство представляет собой органическое образование, у него непременно должна быть душа”. Он подчеркивал, что кризисное положение, в котором оказался Китай, есть следствие утраты им своей души. Поскольку “душой государства” он считал культурное наследие страны, он призывал к “возрождению нашей китайской исторической культуры, восстановлению исконной морали, воссозданию души нашей китайской нации”⁷⁶. Тем самым, Цзян Чжунчжэн ставил знак равенства между “душой нации” и “духом нации”. Это подтверждается и другой фразой из того же выступления: “Основной дух (*цзибэнь цзиншэнь*) Трех народных принципов нашего Главноуправляющего (*Цзунли*) — это квинтэссенция исконной китайской исторической культуры и наследие лучших добродетелей нации — это и есть дух нации (*миньцзу цзиншэнь*) и то, в чем воплощена душа (*линхунь*) государства”⁷⁷.

В 1937 г. Цзян Чжунчжэн снова говорил о том, что у Китая есть “славная пятитысячелетняя история, ... прекрасная культура”, что пора “пробудить душу нашего государства — дух [нашей] исконной морали...”⁷⁸. В общем, понятия “национального духа” (или “духа нации”) и “душа государства” у Цзян Чжунчжэна очень близки или даже почти совпадают одно с другим.

Таким образом, согласно Цзян Чжунчжэну, душой Китайской Республики являются Три народных принципа, они же — квинтэссенция исконной китайской исторической культуры, или, что то же — дух нации (национальный дух). Для более конкретного представления о том, что же такое, по Цзян Чжунчжэну, дух нации (он же — душа государства), уместно упомянуть об одном эпизоде, свидетелем которого он был и не раз ссылаясь на него, желая пояснить своей аудитории укорененность учения основателя Гоминьдана и Китайской Республики в базовых духовных ценностях китайской (ханьской) нации⁷⁹. Речь шла о том, как в 1921 г., в Гуйлине (провинция Гуанси), Сунь Ятсен

отвечал на вопросы представителя Коминтерна Г. Маринга. Последнего интересовало, в чем заключается источник революционных идей Сунь Ятсена. Д-р Сунь, согласно Цзян Чжунчжэну, дал Марингу такой ответ: "В Китае существует не прерывавшаяся идейно-нравственная традиция, идущая от Яо, Шуня, Юя, Чэн Тана, Вэнь-вана, У-вана, Чжоу-гуна, Конфуция; основа моих идей базируется именно на этой традиции, и мое [учение] о революции, преемствуя эти ортодоксальные идеи, развивает их далее". По словам Цзян Чжунчжэна, Маринг ничего не понял из ответа Сунь Ятсена и снова повторил свой вопрос. "Но Цзунли по-прежнему отвечал в том же духе..."⁸⁰

Из изложенного следует, что национальный дух, или дух нации (он же — душа государства) понимался Цзян Чжунчжэном (в содержательном плане) довольно широко: если воспользоваться сутью ответа Сунь Ятсена Марингу, это была идейно-нравственная традиция исконной китайской культуры. Но, подобно тому, как Сунь Ятсен развил эту идейную базу в новое учение о Трех народных принципах, так и Цзян Чжунчжэн, призывая к восстановлению духа нации, отнюдь не ограничивался одной ортодоксией, а ратовал за то, чтобы на этом фундаменте был сформирован национальный дух нового Китая — "национальный дух новой эпохи"⁸¹. Отсюда же следует, что связь национального духа с национализмом имеет место у Цзян Чжунчжэна лишь постольку, поскольку национализм является частью учения о Трех народных принципах.

С недавних пор в КНР стала множиться литература популярно-пропагандистского, а также (в меньшей дозе) академического направления, посвященная проблеме национального духа. Это явилось следствием выдвижения на XVI съезде КПК (2002 г.), впервые в истории партии⁸², установки о "неуклонном возвышении и внедрении национального духа". В докладе Цзян Цзэминя национальный дух, ядром которого он называет патриотизм, определяется как "духовная опора, благодаря которой поддерживается бытие и развитие нации"⁸³. Это очень общее определение, по-видимому, не противоречит тому, что говорил в свое время о национальном духе Цзян Чжунчжэн. Однако в содержательном плане национальный дух в интерпретации КПК представляет собой нечто иное: он считается частью "социалистической идейно-нравственной системы" и в этом смысле "составляет единство с социалистической идеологией и моралью"⁸⁴. Также подчеркивается, что национальный дух ("возвышаемый" в КНР) отличается от "узкого национализма" (*сяй дэ миньцзучжуи*)⁸⁵.

Возглавляющий подразделение теоретических исследований в Институте этнологии и антропологии Академии общественных наук Китая Ван Сиэнь дает такое определение понятия национального духа: "национальный дух — это повсюду проявляющиеся духовная жизненная сила и индивидуальные особенности нации, повсюду соблюдаемые и реализуемые общественные убеждения, ценностные устремления, моральные устои, способствующие общественному прогрессу и интересам нации"⁸⁶.

Таким образом, в КНР XXI века национальный дух, проблеме восстановления которого Цзян Чжунчжэн уделял столько внимания, признан стратегически важным фактором бытия и развития нации. Если сравнить упомянутое определение национального духа, приведенное в докладе Цзян Цзэминя, с тем, что говорил о национальном духе Цзян Чжунчжэн, то нельзя не признать, что и то, и другое представления об этом понятии имеют (в функциональном плане) много общего. Опять же, в функциональном плане можно отметить наличие общего в понимании роли национального духа у Цзян Чжунчжэна, с одной стороны, и у современных исследователей КНР, с другой. Так, Ван Сиэнь замечает, что "нация, у которой отсутствует опора в виде духовных убеждений, мо-

ральных требований и социального кредо, это нация без души (*линхунь*) — нация, находящаяся на грани исчезновения”⁸⁷. Это весьма напоминает те аналогичного рода высказывания Цзян Чжунчжэна, о которых речь шла выше.

Итак, рассматриваемая проблематика, в разработку которой Цзян Чжунчжэн внес в свое время заметный вклад, сохраняет свою актуальность и в КНР наших дней. Это и проблема единой китайской нации, и современная концепция национального духа и китайский национализм, исследованию природы которого ученые КНР уделяют (с 90-х годов) столько внимания. Думается, что знакомство с подходами и позициями Цзян Чжунчжэна по всем этим вопросам может способствовать лучшему пониманию сути современных китайских мероприятий, направленных на “великое возрождение китайской нации”, “возвышение” национального духа и т.п.

1. Галенович Ю.М. Цзян Чжунчжэн, или неизвестный Чан Кайши. М.: Муравей, 2000.
2. Мое сообщение на упомянутой конференции в ИСАА при МГУ было посвящено предварительному анализу концепции китайской нации Цзян Чжунчжэна (Чан Кайши и строительство единой нации // Тайвань. Краткие справочные сведения. М.: ИДВ РАН. 1995. Вып. V. С. 86—91).
3. Сань минь чжуи. Миньцзучжуи [Три народных принципа. Национализм] // Сунь Чжуншань сюань цзи [Избранные произведения Сунь Ятсена]. Пекин, 1957. Т. 2. С. 593.
4. Там же. С. 590. (Согласно Сунь Ятсену, времена правления в Китае “инородческих” династий были периодами гибели государства ханьцев).
5. Там же. С. 593.
6. Дуй чжэнчжи баогао чжи цзюэиань [Резолюция [III Всекитайского съезда Гоминьдана] по политическому отчету] // Чжунго Гоминьдан ди-и-эр-сань-сы цы цюаньго дайбяо дахуэй хуэйкань [Материалы I, II, III, IV Всекитайских съездов Китайского Гоминьдана] Серия: Цзиньдай Чжунго шилiao цункань [Материалы по новой истории Китая] / Ред. Шэнь Юньлун. Тайбэй, 1973. С. 137 (репринт издания 1934 г.).
7. Там же. С. 138.
8. Ди-у цы цюаньго дайбяо дахуэй сюаньянь [Декларация V Всекитайского съезда [Гоминьдана]] // Го Фу цюань шу [ПСС Отца Республики]. Тайбэй, 1970. С. 331.
9. Проект Конституции Китайской Республики был опубликован Национальным правительством 5 мая 1936 г. 18 мая 1937 г. был опубликован исправленный вариант проекта // Ху Цзинмин. Сяньфа ганъяо [Очерки [китайской] конституции]. Нанкин, 1946. С. 303.
10. Там же. С. 303-304.
11. Чжунго Гоминьдан линьши цюаньго дайбяо дахуэй сюаньянь [Декларация Внеочередного Всекитайского съезда Китайского Гоминьдана] // Го Фу цюань шу. С. 338.
12. Чжунхуа миньцзу чжэнгэ гунтун дэ цзэжэнь [Общая ответственность китайской нации] // Цзян цзунтун цзи [Собрание сочинений президента Цзян [Чжунчжэна]]. Тайбэй, 1968. Т. 2. С. 1422.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же. С. 1423.
17. Там же.
18. Чжан Чжи. Синьцзян чжи цзинци [Экономика Синьцзяна]. Шанхай, 1946. С. 74, 81.
19. Цзинь Тяньжань. Миньцзу чжаньчжэн юй миньцзу цянью [Национальная война и перспективы нации] // Синь Чжуньюань. 1943. Т. 1. № 1; Ван Цзюньцзе. Чжунхуа миньцзу дэ чэнчжан юй фада [Рост и развитие китайской нации] // Синь Чжуньюань. 1943. Т. 1. № 2-3.
20. Лунь лянхэ чжэнфу [О коалиционном правительстве] // Мао Цзэдун сюань цзи [Избранные сочинения Мао Цзэдуна]. Пекин, 1953. Т. III. С. 1084.
21. Там же. С. 1100.
22. Чэнь Бода, Ай Сыци дэн чжу [Чэнь Бода, Ай Сыци и др.] Пин “Чжунго чжи миньюнь” [К критике “Судьбы Китая”]. Б.м.: Янгуан чубаньшэ, 1945 (декабрь).

23. Чэнь Бода и др. Указ. соч. С. 3.
24. Там же. С. 7.
25. Чжунго Гоминьдан ди-лю цы цюаньго дайбяо дахуэй сюаньянь [Декларация VI Все-китайского съезда Китайского Гоминьдана] // Го Фу цюань шу. С. 343.
26. Чжунхуа Миньго Сяньфа [Конституция Китайской Республики] // Го Фу цюань шу. С. 171.
27. Относительно этой модели см.: Москалев А. Доктрина китайской нации // ПДВ. 2002. № 6.
28. Сань минь чжуи юй у цюань сяньфа гайяо [Основы трех народных принципов и конституции пяти властей] // Цзян цзунтун цзи. Т. 1. С. 429.
29. Хуаньин э цзянь чжу цы [Приветствие [по поводу прибытия] русского военного ко-рабля] // Сунь Чжуншань сюань цзи. Пекин, 1957. Т. 2. С. 879.
30. Сань минь чжуи дэ гоцзя гуань цзянцы [Взгляд на государство в свете трех народ-ных принципов] // Дай Цзитао сяньшэн вэньцунь цзай сюйбянь. Шан ся цз. Ся [Дополнения к собранию сочинений господина Дай Цзитао в 2 тт. Т. 2]. Тайбэй: Тай-вань Шан'ю иньшугуань, 1968. С. 671-672 (текст 1925 г.).
31. Сань минь чжуи яо чжи юй сань минь чжуи цзяюй чжи чжунъяо [Сущность трех народных принципов и важность воспитания [в духе] трех народных принципов] // Цзян цзунтун цзи. Т. 1. С. 482-483.
32. Там же. С. 483.
33. Там же.
34. Там же.
35. Там же.
36. Там же.
37. См.: Москалев А. Национализм Лян Цичао и современность // ПДВ. 2003. № 5.
38. Сань минь чжуи [Три народных принципа] // Го Фу цюань шу. С. 180 (текст 1919 г.).
39. Сань минь чжуи цзюйти баньфа [Конкретные пути реализации Трех народных принципов] // Го Фу цюань шу. С. 891 (текст 1921 г.).
40. Чжунго цзяньшэ чжи туцзин [Путь построения Китая] // Цзян цзунтун цзи. Т. 1. С. 515.
41. Там же. С. 516.
42. Синь Чжунго яо цун вомэнь шоу ли чуанцзао чулай [Новый Китай должен быть создан нашими руками] // Цзян цзунтун цзи. Т. 1. С. 429.
43. Бэнь дан гоминь гэмин хэ эго гунчань гэмин дэ цюйбе [Различие между общена-циональной революцией нашей партии и коммунистической революцией в России] // Цзян цзунтун цзи. Т. 1. С. 539.
44. Цзю го цзяюй [Воспитывать людей во имя спасения отечества] // Цзян цзунтун цзи. Т. 1. С. 964.
45. Сань минь чжуи чжи тиси цзи ци шисин чэнсюй [Система трех народных принци-пов и порядок их осуществления] // Цзян цзунтун цзи. Т. 1. С. 1140.
46. Го Фу и цзяо гайяо [Основы [идейного] наследия Отца Республики] // Цзян цзунтун цзи. Т. 1. С. 3. Замечу, что указанная проблематика рассматривалась Сунь Ятсеном не в его второй, а в шестой лекции по национализму.
47. Го Фу и цзяо гайяо. С. 3.
48. Там же. С. 2.
49. Там же. С. 43-44.
50. Там же. С. 42.
51. У да цзяньшэ чжи яои [Основы пяти главных направлений строительства] // Цзян цзинтун цзи. Т. 1. С. 1039.
52. Чжунго чжи мин'юнь [Судьба Китая] // Цзян цзунтун цзи. Т. 1. С. 151.
53. Там же. С. 138.
54. Сань минь чжуи тиси цзи ци шисин чэнсюй. С. 1141.
55. Су Э цзай Чжунго [Советская Россия в Китае] // Цзян цзунтун цзи. Т. 1. С. 338 (текст 1956 г.).
56. Цзянь го да ган [Программа строительства государства] // Сунь Чжуншань сюань цзи. Т. 2. С. 569.
57. Го Фу и цзяо гайяо [Основы [идейного] наследия Отца Республики] // Цзян цзунтун цзи. Т. 1. С. 49 (текст 1935 г.).

58. Сань минь чжуи. Миньцзучжуи [Три народных принципа. Национализм] // Сунь Чжуншань сюань цзи. Пекин, 1957. Т. 2. С. 648.
59. Там же. С. 595.
60. Гэмин чжэсюэ дэ чжунъяо [О важном значении революционной философии] // Цзян цзунтун цзи. Т. 1. С. 582-583.
61. Там же. С. 583.
62. Там же.
63. Там же.
64. Чжунго дэ ли го цзиншэнь [Китайский дух устроения государства] // Цзян цзунтун цзи. Т. 1. С. 587-588.
65. Там же. С. 588.
66. Там же.
67. Там же. С. 589.
68. В данном выступлении Цзян Чжунчжэн неоднократно ссылается на идеи неоконфуцианского философа Ван Янмина (1472-1529).
69. Чжунго дэ ли го цзиншэнь. С. 590.
70. Там же. С. 589.
71. Там же.
72. Там же.
73. Там же.
74. Там же. С. 590.
75. Там же.
76. Чжунго хунь [Душа Китая] // Цзян цзунтун цзи. Т. 1. С. 775.
77. Там же. С. 776.
78. Цзю го цзяюй. С. 960.
79. Об этом эпизоде он упоминал в своем тексте "Душа Китая" (1934 г.), а также в выступлении, озаглавленном "Система трех народных принципов и порядок их реализации" (1939 г.) // Цзян Цзунтун цзи. Т. 1. С. 776 и 1140 соответственно.
80. Сань минь чжуи тиси цзи ци шисин чэнской [Система трех народных принципов и порядок их реализации] // Цзян цзунтун цзи. Т. 1. С. 1140. (Яо, Шунь, Юй — легендарные правители, жившие, по преданию, в III тысячелетии до н.э. Далее названы имена нескольких прославленных правителей китайской древности вплоть до "совершенномудрого" Чжоу-гуна)
81. Чжоу Кайцин. Цзунцай сысян тиси яньцзю [Исследование системы идей Главногоначальствующего]. Тайбэй: Чжэнчжун шуцзюй, 1971. С. 15.
82. Шао Хуацзэ. Да ли хунъян хэ пэйюй миньцзу цзиншэнь [Всемерно возвышать и внедрять национальный дух] // Ши лю да баогао фудао дубэнь [Пособие по Докладу XVI съезду КПК]. Пекин, 2002. С. 307.
83. Цзян Цзэминь. Цюаньянь цзяньшэ сяо кан шэхуэй, кайчуан чжунго тэсэ шэхуэй-чжуи шиэ синь цзюймянь [Всесторонне созидать общество малого достатка, создавать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой] // Ши лю да баогао фудао дубэнь. С. 35.
84. Шао Хуацзэ. Указ. соч. С. 313.
85. Там же. С. 312.
86. Ван Сиэнь. Гуаньюй миньцзу цзиншэнь дэ цзи дьянь фэньси [К анализу национального духа] // Миньцзу яньцзю, 2003. № 4. С. 4.
87. Там же. С. 5.

Культура

Ба Цзинь и русская литература*

© 2004

Гао Ман

Ба Цзинь на протяжении всей своей жизни сохранял любовь к русской литературе. И в начале литературного пути, и в трудные годы своей жизни и уже на закате жизни, когда силы его ослабли, он всегда проявлял глубокий интерес к русской литературе.

В литературе России он исследовал жизненный путь человека, у русских писателей Ба Цзинь черпал силы, с помощью их произведений обогащал собственное мастерство.

В 1980 г. в речи "50 лет жизни в литературе" Ба Цзинь сказал, что писать прозу он научился во Франции. Он назвал несколько французских писателей, которых считает своими учителями. В то же время он отметил, что кроме французских учителей, к своим наставникам он относит английских, японских и русских писателей. Своими русскими учителями Ба Цзинь считает Н. Герцена, И. Тургенева, Льва Толстого, а также Максима Горького. Мировоззрения этих людей были разными, но в их творчестве Ба Цзинь нашел то, что было созвучно его поискам.

Если мы будем внимательно читать книги Ба Цзиня, то поймем, что число тех, кто оказал на него влияние, не ограничивается именами, названными выше. К числу русских учителей Ба Цзиня следует отнести А. Радищева, К. Рылеева, А. Пушкина, Н. Гоголя, Н. Гончарова, Н. Некрасова, Ф. Достоевского, С. Степняка-Кравчинского, А. Чехова и других. Кроме этих писателей, следует упомянуть П. Кропоткина, Веру Фингер и Эмму Голдман. Хотя они и не были профессиональными писателями, но их автобиографии и статьи оказали глубокое влияние на молодого Ба Цзиня.

Первые годы после образования КНР можно назвать "медовым месяцем" отношений между Китаем и Советским Союзом, затем в этих отношениях наступил разлад. В это время Ба Цзинь по-прежнему уделял пристальное внимание русской и советской литературе. 27 сентября 1957 г., отвечая на вопросы советского синолога В. Петрова, Ба Цзинь писал: "Из писателей старой России я особенно люблю Толстого и Тургенева. Потом идут Горький и Чехов. Еще мне нравятся некоторые произведения Андреева и Арцыбашева (в переводах Лу Синя и Чжэн Чжэньдо). Касаясь советских писателей, он сказал: "Больше всего мне нравятся М. Шолохов, А. Фадеев, А. Толстой, К. Федин". Ба Цзинь собирал иллюстрированные издания романов "Война и мир" и "Отцы и дети". С особым вниманием Ба Цзинь следил за переменами в русской литературе. 18

января 1964 г. он делает запись в дневнике: “Днем поспал 15 минут, во втором часу пошел в детский кинотеатр посмотреть советские фильмы “Баллада о солдате” и “Чистое небо”. Я помню, как в 1962 году, когда я встречался с Ба Цзинем в Шанхае, он расспрашивал меня о том, что происходит сейчас в советской литературе.

Ба Цзинь перевел много произведений русских писателей, например, “Былое и думы” Герцена, “Отцы и дети” и “Новь” Тургенева, ранние рассказы Горького, “Подпольную Россию” Степняка-Кравчинского, а также “Мою жизнь” Кропоткина, “Трагедию освобождения женщин” Эммы Голдман, “20 лет в тюрьме” В. Фингер и др.

Ба Цзинь вновь и вновь заявлял, что он переводит, чтобы учиться. Из переведенных им книг он учился духу гуманизма, идеям любви к народу, борьбе за свободу и счастье, учился тому, как чувства превращать в слова.

Самые любимые книги

Ба Цзинь говорил, что он любил читать биографии и воспоминания революционеров, особенно об их молодости. Эту любовь можно объяснить его мечтами и переживаниями. Писатель ненавидел феодальную семью, мечтал о свободной жизни, поэтому собирал книги, чтобы развеять свою тоску, найти выход. Когда ему было особенно трудно, ему попалась небольшая книга — перевод Кропоткина “Обращение к молодости”. Прочитанное покорило сердце молодого человека. “Я не предполагал, что на свете бывают подробные книги!” В 1936 г. в эссе “Мое детство” Ба Цзинь писал об этой книге: “Здесь было то, о чем я думал, но не мог высказать. Написано было так ясно, настолько разумно и убедительно”. Эта захватывающая манера письма превратила в пепел сердце 15-летнего ребенка. Ба Цзинь положил книгу у изголовья своей кровати и читал каждую ночь. “Я читал со слезами на глазах, а потом смеялся”. “С этого времени я начал понимать, что такое справедливость. Эта справедливость примирила мою любовь и ненависть”.

В 1928 г. Ба Цзинь, полный стремлений найти идеал, когда ему казалось, что он начинает что-то понимать, переводит “Источник и развитие теории” Кропоткина. В 1930 г. он вновь обращается к Кропоткину, на этот раз к его “Автобиографии” (другое название — “Воспоминания революционера”), а через 7 лет переводит “Обращаюсь к юности”. В предисловии к переводу “Автобиографии” Кропоткина Ба Цзинь призывает молодых читателей “выучить наизусть эту книгу, сделать ее своим товарищем до конца жизни”, потому что она — “Евангелие для молодежи”. Представляя автора книги, Ба Цзинь писал: “Он просто, не прибегая к гиперболам, рассказал нам о своей жизни на протяжении 40 с лишним лет. Здесь мы не найдем ранящих душу слов, преувеличений. Мы не почувствуем, что это недостижимый в своем величии человек, это всего лишь друг, заслуживающий нашего сочувствия”. Кропоткин “всю жизнь стремился быть обычным человеком, — добавляет Ба Цзинь, — чтобы помогать другим, жертвовал собой”.

Читая предисловие Ба Цзиня, мы понимаем, каким он был, воспринявший анархизм, мы любим его человеческие качества и идеи. “Помогать другим, жертвовать собой” — эти слова стали целью, к достижению которой стремился молодой Ба Цзинь.

В 1933 г. вышло переиздание этого перевода, к нему Ба Цзинь добавил 15 иллюстраций, которые он нашел за границей. Ба Цзинь был особенно внимателен к этому переизданию. Он считал, что “Автобиография” — самое сильное в литературном отношении из всего, что вошло в три тома сочинений, она “произвела на меня самое глубокое впечатление”. Идеи и боевой дух этой книги заложили основу мировоззрения Ба Цзиня, а также способствовали его литературному творчеству.

Переводы стихов

Ба Цзинь — прозаик, переводчик и, главное, переводчик прозы. Однако в юности он писал стихи и переводил лирику. В 1922 г. 18-летний Ба Цзинь в литературном приложении к журналу “Шиши синьбао”, редактором которого был Чжэн Чжэньдо, опубликовал 12 коротких стихотворений, после этого он еще написал стихи “Послушай, это последние слезы”, “Шанхайская мелодия” и другие.

Он переводил стихи русских, французских, немецких, японских и американских поэтов. Переведенных Ба Цзинем стихов немного, но они наполнены духом времени, что соответствовало его тогдашнему умонастроению. В 24 года Ба Цзинь перевел русские народные песни о Степане Разине “Есть на Волге утес” и “Волга-Волга”. Ба Цзинь также перевел стихотворение А. Пушкина “В Сибирь”, он говорил, что это стихотворение пропитано “кровью и слезами”, оно взволновало его и ему хотелось, чтобы “это волнение передалось другим”.

Понятно, что свои переводы Ба Цзинь делал не с языка оригинала, однако ему удавалось сохранить силу подлинников. Писатель считал, что переводы “кошмарны”, но сегодня, читая их, мы ощущаем силу и размах.

Название своей повести “Гибель” (опубликована в 1929 г.) Ба Цзинь взял из поэмы Рылеева “Наливайко”. В то время Ба Цзинь перевел несколько строф из этой поэмы и поместил их на титульном листе своей повести в знак того, что хотел бы подобно главному герою поэмы посвятить жизнь революции. Ба Цзинь называл Рылеева героем “жаждущим погибнуть во имя свободы и демократии”.

Когда в 1936 г. повесть “Гибель” была переиздана, Ба Цзинь убрал с титула строки поэмы Рылеева. Он посвятил книгу своему старшему брату, потому что тот стал первым, кто помог будущему писателю развить литературные способности. К этому времени старший брат Ба Цзиня умер, и писатель поменял посвящение своей первой книги.

“В названии “Гибель” скрыто два смысла, — писал Ба Цзинь, — кроме обвинений, ударов и проклятий, здесь таится и прославление”. “Гибель” прославляет жертвенный дух революционеров, отдавших свою жизнь во имя идеала”.

Первый переведенный роман

В 1922 г. 18-летний Ба Цзинь в издаваемом в Чэнду журнале “Цаотан” опубликовал свой первый перевод, сделанный с английского языка — рассказ Гаршина “Сигнал” (сначала назывался “Флаг”). Это был его первый прозаический перевод, положивший начало его деятельности как литературного переводчика.

Ба Цзинь стал одним из первых, кто переводил В. Гаршина на китайский язык. Этот первый перевод не сохранился, да и сам Ба Цзинь с годами забыл о нем. Он был найден спустя много лет. Через 6-7 лет после первого перевода Ба Цзинь перевел его вновь, но чувства переводчика были такими же яркими, как и первом переводе.

Кроме “Сигнала”, Ба Цзинь еще переводил “Красный цветок”, “Необыкновенное дело”, “Офицер и пехотинец”, “Мотылек и роза” и другие рассказы Гаршина. В 1951 г. вышел сборник прозы Гаршина в переводе Ба Цзиня. Сам писатель с трудом преодолевал влияние Гаршина на свою жизнь. Он часто вспоминал, как Гаршин, написав половину рассказа, опускал голову и начинал плакать. “Я так же, подобно ему, плакал, когда переводил”. Ба Цзинь считал, что переводя “Сигнал”, он учился “гуманизму”. Его собственное творчество тоже начиналось с идеи гуманизма. Он говорил, что эти рассказы Гаршина любили больше своих собственных: “В них я нашел собственные мысли и чувства. Он — мой учитель ...”

Русский язык

Произведения Тургенева оказали огромное влияние на мысли и чувства Ба Цзиня, на его творческую манеру.

Из шести романов и повестей Тургенева Ба Цзинь перевел два романа — “Отцы и дети” и “Новь”, две повести, 52 стихотворения в прозе и воспоминания о Тургеневе. Еще в 1929 г., работая над книгой “Десять русских героинь”, Ба Цзинь выделил в книге стихотворение в прозе “Порог”, одно из последних в творчестве Тургенева, исполненное революционных чувств, ранее переводившееся “На пороге”, показав тем самым, что уже в тот период произведения Тургенева оказали на него влияние.

Ба Цзинь верил, что Тургенев описывает не одну-другую героиню, а всех девушек-революционерок того времени.

Спустя несколько лет, когда Ба Цзинь переводил стихотворение “Порог”, он отмечал, что некоторые исследователи полагают, что это стихотворение посвящено Софье Перовской. Однако он полагал, что не она одна вдохновила Тургенева на это стихотворение. Он говорил, что поэма Некрасова “Русские женщины” посвящена женам декабристов. “Мы знаем, что старый Тургенев, находившийся вдали от родины, не мог полностью принять освободительное движение в России, но до самой смерти испытывал интерес к этому движению”, писал Ба Цзинь.

В 1931 г., когда 27-летний Ба Цзинь пишет свой первый роман “Семья”, он описывает встречу накануне Нового года трех братьев семьи Гао в кабинете старшего брата Цзюэсиня. Брат Цзюэхуэй, сидя на стуле, листал только что купленную книгу Тургенева “Накануне” и шептал встречающиеся в книге слова “любовь”, “счастье”, “молодость”.

Эти слова вызывают разный отклик у героев романа Ба Цзиня. Цзюэхуэй чувствует, что невозможно жить в этой феодальной семье, что молодость и жизнь проходят зря. Он постоянно думает о словах из романа “Накануне” и повторяет: “Я молод, я не урод, я хочу бороться за свое счастье”. Эти слова западают ему в душу, служат его жизненным ориентиром.

В этом эпизоде чувствуется влияние Тургенева на молодежь того времени и ведущая роль Ба Цзиня в распространении этого влияния. Мысли Тургенева о любви, счастье, молодости наносили удар по недостаткам современности, волновали людей, отражали пропасть между двумя поколениями, существовавшую не только в России, но и в Китае.

В 1935 г. Ба Цзинь некоторое время жил в Токио. Это было тяжелое время за два года до начала войны. Все мысли писателя были устремлены к родине, к соотечественникам, терпящим невыносимые муки. Ба Цзинь испытывал крайнее волнение, не находил себе места, он постоянно перечитывал стихотворение Тургенева “Русский язык” и перевел его. Ба Цзинь писал: “Когда он говорил “русский язык”, я думал о китайской речи ... Разве подобно русскому языку китайский не родился у великой нации, не помогает ей вершить свою судьбу?” Ба Цзинь стремился этим переводом передать свою привязанность к родине, свою любовь и ненависть.

В конце 30-х — начале 40-х гг. Ба Цзинь работал над романом “Огонь”, в котором выразил свои чувства в связи с начавшейся войной Сопrotивления Японии. В это время он перечитывал одноименное стихотворение Тургенева, которое было для него “единственной опорой и поддержкой”. “Я постоянно думаю о нашем великом и добром народе”, — писал Ба Цзинь. Все это свидетельствует об огромном влиянии на него стихов в прозе Тургенева.

Через 50 лет, уже после “культурной революции” в жизнь Ба Цзиня вернулся покой, но телом он состарился. “В декабре 1989 г. в письме к Бин Синь он жалуется на тяготы жизни состарившегося человека: “Многое я должен делать с помощью других”, “руки и ноги не слушаются”, “не могу держать ручку”, “лежу в кровати”. В эти годы он вновь мысленно обращается к словам Тургенева: “я живу в недоверии и беспокойстве”, “думая о бедственном

положении родины и народа, я вновь цитирую оставшиеся в памяти строки, они подобны свету в темной ночи, они помогают и поддерживают меня”.

В 1943 г. в Гуйлине Ба Цзинь перевел “Отцы и дети”, лучший роман Тургенева. Этот перевод отнял много сил и времени, Ба Цзинь несколько раз его переделывал. В 1878 г. он пишет, что “старое должно уступить дорогу новому, прогрессивное должно обогнать отсталое — это правда жизни”, “переводя роман Тургенева, я испытывал душевный трепет, я верю этой правде”.

Затем Ба Цзинь перевел и опубликовал еще один роман Тургенева — “Ночь”. В 60-е гг. он полностью переделал этот перевод.

Перелистывая дневники Ба Цзиня, мы понимаем, как тщательно он работал на переводом “Нови”. В то время он ежедневно находил час в своей напряженной работе, чтобы вернуться к переводу. Запись от 8-го декабря: “Закончил править 2-ую главу “Нови”. Хотя я говорю “править”, фактически заново перевел”. “Я не думал, что в переводе 1943-44 гг. будет столько недостатков. Хотя начальный перевод сделан с английского языка по книге “Серия Вань жэнь цуншу”, следует сказать и о моей собственной небрежности”. Ба Цзинь жалел о том, что после того, как в 1946 г. он из Чунцина вернулся в Шанхай, не нашел свой первоначальный перевод, что исправить его. Ба Цзинь уделял большое внимание прозе Тургенева, был весьма требователен к своим переводам, называл свои ранние переводы небрежными. Через много лет, в 1973 г., Ба Цзинь закончил повторный перевод “Нови”.

Ба Цзинь воздавал хвалу Тургеневу за его глубокое чувство любви к родине, к народу. В то же время его восхищало величайшее мастерство писателя. Он говорил: “Когда я учился писать рассказы, Тургенев был моим учителем”. Когда Ба Цзинь писал рассказы “Первую любовь”, “Мщение”, “Несчастный”, в первую очередь он подражал Тургеневу. Его влияние чувствуется также в эссе Ба Цзиня 30-х гг.

Уделяя внимание переводам, Ба Цзинь не забывал и о собственном творчестве. Его воодушевляло то, что молодые люди читают и принимают его книги. 17 августа 1995 г. Ба Цзинь проникновенно говорил: “Сегодня, когда я лежу в кровати и впереди меня ждет смерть, я по-прежнему надеюсь на понимание своих читателей и испытываю счастье, когда нахожу его”. Книги Ба Цзиня переходят от поколения к поколению, все большее число читателей любит их. Писатель откровенно признавался: “Я счастливее Тургенева”.

Плеть Гоголя

В 1979 г. в Шанхае появился мошенник, действовавший подобно Хлестакову из пьесы Гоголя “Ревизор”. Он называл себя сыном высокопоставленного военного и, пока не был разоблачен, многих притягивал к себе. Когда мошенника схватили, окружавшие его были потрясены и ошеломлены; посыпались взаимные обвинения. Через некоторое время о происшедшем была поставлена пьеса, кто-то из зрителей ее принял, но были и такие, что стали протестовать. Говорили, что автор пьесы сочувствует своему герою, что актеры своей игрой порочат кадровых работников. Все это стало известно Ба Цзиню. Он вспомнил знаменитую пьесу Гоголя, его сатиру, которую образно назвал “плетью”.

В это время Ба Цзинь уже был болен, но, преодолевая страдания, написал статью “Плеть”. Он писал: “Плеть Гоголя прошла по моему телу”. И продолжал: “Наверное, не все со мной согласятся, возразят: плеть Гоголя секла феодальное общество России, которое не сравнимо с настоящим прекрасным социальным обществом. Но и сейчас, через 143 года многие крутятся вокруг мошенников в поисках выгод так же, как это происходило во времена Гоголя. Разница только в том, что Хлестаков умен, он уезжает в нужный момент, а наш мошенник оказывается в кутузке в ожидании наказания”.

В своих произведениях Гоголь не только сатирой бичевал невежество, отсталость, пороки, но и выражал сочувствие и жалел маленьких людей. 20 ноября 1961 г. Ба Цзинь в одной из своих статей писал, что недавно посмотрел фильм "Шинель", поставленный по рассказу Гоголя. "Фильм неплохой, он трогает души зрителей, надолго задевает чувства. В памяти остается образ Башмачкина. Только день спустя образ постепенно отступил". Ба Цзинь вспомнил своего собственного героя из повести "Стужа" — тоже маленького человека Ван Вэньсюаня — доброго интеллигента, представителя старого общества, умиравшего от туберкулеза. Оба эти герои подвергаются унижениям, они похожи, хотя у Ба Цзиня сложилось собственное понимание маленьких людей.

Ба Цзинь говорил, что 20 лет — с 1929 по 1948 гг. он писал быстро и много, мог за небольшое время написать целое произведение. Затем в его творчестве стали возникать паузы. Особенно в конце 50-х гг., когда проходили политические кампании и было необходимо писать соответствующие статьи. В статье, опубликованной в апреле 1958 г., он признает, что иногда был не в состоянии что-то делать, долго сидит за столом в мучительных раздумьях, затем что-то пишет, но потом все рвет. Мы можем только представить, как трудно это было для писателя.

В это время в своих думах Ба Цзинь вновь возвращается к Гоголю, размышляет о том, насколько тяжело было Гоголю создавать свои книги. Он говорил: "Автор "Мертвых душ" уговаривал других "ежедневно сидя за столом в течение двух часов заниматься литературным трудом", он говорил, что если не способен что-либо написать, возьми ручку и постоянно пиши "я сегодня ничего не написал". Но когда Гоголь создавал свои "Мертвые души", он как-то во время путешествия зашел в трактир и неожиданно для себя велел принеси столик, сел в угол и написал на одном дыхании целую статью". Ба Цзинь заметил: "На самом деле я тоже мог "одним ударом написать рассказ, но не статью".

Единство слова и дела

На протяжении всей жизни Ба Цзиня не прерывалась его духовная связь со Львом Толстым. Он исследовал жизненный путь великого русского писателя, увлеченно читал его книги, написал биографию, в течение нескольких десятилетий в статьях говорил о потрясении, испытанном им после прочтения романов "Воскресение" и "Война и мир".

В 1921 г. Ба Цзинь вместе с друзьями издавал журнал, который назвал "Голос простых людей", в нескольких номерах он помещал статью "Жизнь и учение Толстого", которую сам написал. В 1928 г. в Париже он по предложению Ху Юйчжи перевел с французского статью, посвященную великому русскому писателю и мыслителю. Когда в 1931 г. Ба Цзинь опубликовал роман "Семья", в предисловии он написал: "Несколько лет тому назад я со слезами на глазах прочитал роман Л. Толстого "Воскресение". В качестве эпитафии к своему роману Ба Цзинь взял слова "Жизнь — это трагедия". Впоследствии он отказался от этого эпитафия, сказав: "На самом деле это не так. Жизнь — это не трагедия". Эта эволюция взглядов Ба Цзиня отразилась в его творчестве.

В 1935 г. в Японии он много читал, вспоминал: "Мне интересно, как старый человек писал "Воскресение", как он сохранил такие глубокие чувства". Спустя 50 лет Ба Цзинь прекрасно помнил отдельные эпизоды романа.

Еще в 50-е гг. прошлого века Ба Цзинь перевел с французского языка очерки М. Горького "Лев Толстой" и "Софья Андреевна Толстая". Он считал, что Горький сказал "справедливые слова о жене Льва Николаевича". Ба Цзинь называл Л. Толстого "величайшим писателем XIX века", "совестью всего мира". В своем выступлении в Токио в 1984 г. он сказал: "У многих выдающихся писателей старшего поколения я чувствую любовь, которую не одолеют никакие темные силы, она будет всегда призывать читателей к объединению, борь-

бе за прекрасную жизнь. Я навсегда запомнил известное выражение Л. Толстого: "Людей всегда объединяет доброе и хорошее, а разъединяет злое и безобразное".

В 1985 г. Ба Цзиню исполнился 81 год. Как-то он в журнале "Дучжэ лянью" (№ № 1 и 2) прочитал статью "Вновь узнаю Толстого". Автор, как будто раскрывая тайны личной жизни писателя, фактически очернил его. Ба Цзинь был взбешен прочитанным, он считал, что автор статьи пользуется выражениями цзаофаней времен "культурной революции", Ба Цзинь решил выступить с опровержением, защитить имя великого писателя. Он написал статью "Вновь узнаю Толстого?", в которой выразил полное несогласие с автором сомнительного сочинения. Ба Цзинь писал: "Великий писатель отнюдь не нуждается в моей защите. В грязной воде, вылитой на старого человека, я вижу тот трудный путь, по которому шел автор "Войны и мира" во второй половине своей жизни". И далее: "Он стал примером для потомков. Он хотел говорить правду, поступать согласно своим словам и вызвал столько споров, навлек столько боли, что в конце концов не мог не уйти из дома, в дороге умер, но не смог до конца выполнить то, что хотел. Он не пожалел своей жизни и не испугался, что кто-то навяжет ему свою волю".

Ба Цзинь называл Толстого "самым честным в мире человеком". Говорил, что он "никогда не утаивал своего прошлого". Толстой в юности действительно вел беспечную жизнь аристократа, но "став писателем, строго анализировал свою жизнь, искал правду, без усталости боролся со своими страстями".

Ба Цзинь говорил: "Я не последователь Толстого, не принимаю его учения "непротивления злу", тем более не собираюсь жить по законам Евангелия. Но он считал, что стремится к той же цели, которую поставил перед собой Л. Толстой в конце жизни: "Говорить правду, стремиться к единству слова и дела".

Сердце Данко

В 30-е гг. прошлого века Ба Цзинь взошел на литературную арену. В эти годы жизни в Шанхае у него появилось желание, о котором он писал: "Проводя время в "тесной клетке", я мечтал о широких степях, дремучих лесах и о свободе, которая дороже жизни. Но темная действительность разрушала мои мечты. Я мог лишь горько плакать на обломках жизни. Лишь волшебные сны приносили мне покой". Сны вмещают очень много. Говоря о снах, можно передать многое: свои чувства, мысли. Ба Цзинь считал, что русские люди умеют видеть сны. А. М. Горький — "величайший мастер снов" нашего времени. Ба Цзиню, долгое время жившему в городе, были близки рассказы раннего Горького, поэтому он перевел их на китайский язык. Двоюродный брат Ба Цзиня Пу Цзиюань рекомендовал ему почитать на английском языке ранние рассказы Горького. Своего кузена Ба Цзинь называл "первым наставником", потому что тот еще в Чэнду посоветовал ему прочитать сокращенный вариант романа "Дэвид Копперфильд". Ба Цзинь не расставался с английским вариантом рассказов Горького, брал эту книгу с собой во Францию, привез и в Шанхай. Он говорил: "Эти рассказы разбудили во мне мечту о русских просторах, мечту о свободе". Каждый раз, когда писателя терзала действительность, он в думах обращался к русской степи. В такие минуты он брал бумагу, ручку и начинал переводить рассказы Горького.

В том давнишнем английском сборнике было только три рассказа: "Макар Чудра", "Дед Макар и Ленька" и глава повести "Старуха Изергиль" (в которую вошла часть "Сердце Данко"). Когда Ба Цзинь узнал, что английский вариант сокращенный, он решил сделать полный перевод. Впоследствии Ба Цзинь дважды дополнял свой первоначальный перевод и в 1951 г. закончил эту работу.

Ба Цзинь любил рассказы Горького, он говорил: "Горький оказал влияние на мое творчество того времени". Ба Цзинь родился в феодальной семье, он вырос в городе, но судьба цыган, солдат, нищенков, проституток, разных не-

счастливых людей рисовала ему неизведанный мир, заставляла Ба Цзиня испытывать потрясение. В рассказах Горького Ба Цзинь не только увидел неизвестных ему людей, но и почувствовал искренность и доброжелательность автора. В Горьком Ба Цзиня восхищало то, что он “с поразительной отвагой и дерзостью ворвался в мир литературы, донес до читателей всего мира здоровый дух степей России”. Ба Цзинь неоднократно цитировал историю Данко, которую поведала старуха Изергиль. В фигуре Данко Ба Цзинь видел глубокий смысл, он считал, что сам Горький подобен Данко, “высоко поднимая свое горящее сердце, вел людей вперед”. Ба Цзинь любил повторять: “Я часто слышу песнь Буревестника”. Спустя годы Ба Цзинь перевел несколько статей Горького о литературе, в том числе “О Блоке”.

Последняя работа

Ба Цзинь называл свой перевод книги Герцена “Былое и думы” “последней в жизни работой”. Он хорошо помнил, что когда в первый раз читал эту книгу, был сильно взволнован ее героями и воссозданными событиями. Он вспоминал: “В то время я еще не написал свою первую повесть “Гибель”, мой жизненный опыт был беден, но в сердце уже горел огонь. Мне хотелось выплеснуть свои чувства, свою любовь и ненависть. Свои слезы я проливал на бумагу, когда писал иероглифы. Сам того не замечая, я оказался под влиянием Герцена”.

Спустя несколько лет, когда Ба Цзинь писал книгу “История социальных движений в России”, одна глава в ней была посвящена Герцену, его семье, учебе, участию в революционном движении, аресту, пребыванию в тюрьме, отъезду за границу, основанию журналов “Северная звезда” и “Колокол”, его друзьям. Эти материалы много лет спустя помогли Ба Цзиню, когда он переводил “Былое и думы”.

В 1936 г. Ба Цзинь перевел две главы из воспоминаний Герцена — “Море” и “Смерть”. Он говорил Лу Синю, что хотел бы перевести всю книгу. В 1940 г. Ба Цзинь возвращается к книге Герцена и в этот раз переводит ее первую часть (1848-1852 гг.), озаглавив ее “Пьеса одной семьи”. Перевод был напечатан в августе того же года издательством “Вэньхуа шэнхэ чубаньшэ”.

Ба Цзинь восхищался манерой письма Герцена, он говорил, что “может передать его удивительно свежие чувства любви и ненависти”, что книги Герцена “способны тронуть душу”.

Уже в конце “культурной революции”, в 1974 г., 70-летний писатель вновь взялся за кисть, чтобы ежедневно делать перевод в несколько сот иероглифов и давать подробный комментарий переведенному. Ба Цзинь считал работу над переводом “Былого и дум” своеобразной учебой, “я буду учиться до последнего вздоха”, говорил он, “учиться можно по-разному, я и сейчас учусь тому, как строить фразы, своими переживаниями трогать сердца читателей, верой в будущее вдохновлять их”. В письме к одному из друзей, датированном февралем 1975 г., Ба Цзинь делится мыслями о том, что он мечтал закончить перевод “Былого и дум”. Его не волнует, будет ли перевод закончен, если он останется в рукописи, уже хорошо. “Эта книга — летопись политической и социальной жизни Европы и России первой половины XIX в.”, — считал Ба Цзинь. В марте 1977 г. писатель вновь возвращается к этой теме: “Я стар, сломен десятилетием разгула “банды четырех”, я снял с себя бирку “писатель” и не жалею об этом. Сейчас я должен закончить перевод романа Герцена, я хочу научиться писать в его стиле, хочу поработать еще несколько лет, сумею создать портрет “банды четырех”, оставить записи об их бесчинствах”. Ба Цзинь говорил: “Мне казалось, что я иду одной дорогой с Герценом в темной ночи. Подобно этому русскому писателю, проклинавшему мрачное господство Николая I, я клял фашистскую диктатуру “банды четырех”, я верил, что время их бесчинств долго не продлится. Этим я жил и смог увидеть крах “банды”. Первый том

“Былого и дум” Герцена вышел в свет в 1974 г. Он состоял из двух частей, которые были переведены ранее — “Детская и университет” и “Тюрьма и побег”.

С годами писатель слабел физически, его одолевали болезни, становилось труднее писать иероглифы, не хватало душевных сил. Он перевел только пятую часть книги Герцена и испытывал огромное сожаление от мысли, что не в силах закончить перевод всего труда. Ему взяли помочь переводчики Цзан Чжунлунь и Сян Синхуэй. Первый помог Ба Цзиню сделать правку всего перевода, а второй издал его. В конце 1993 г. 90-летний Ба Цзинь писал Сян Синхуэю: “В это время, когда все определяется днями, мне действительно приятно читать книгу, которую вы представляете”. Стоит отметить, что название главной книги последних лет жизни Ба Цзиня — “Думы” навеяно Герценом. Ба Цзинь говорил: “Герцен — мой учитель, его воспоминания — моя самая любимая книга”.

Влияние русских писателей

В разное время и при разных обстоятельствах Ба Цзинь неоднократно говорил о влиянии русских писателей на его творчество. Кроме тех литераторов, о которых речь шла выше, следует также назвать С.М. Степняка-Кравчинского, Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова.

Ба Цзинь перевел очерк Степняка-Кравчинского “Подпольная Россия”. Спустя несколько десятилетий, в 1961 г., говоря о переведенных ранее “Подземной России” и “Автобиографии” П.А. Кропоткина, Ба Цзинь заметил, что “полный чувств стиль повествования этих произведений отвечает моему вкусу, занимаясь переводом я неосознанно испытывал влияние этих авторов”. Благодаря этому влиянию Ба Цзинь становился крупным писателем. Он также говорил, что любит роман Степняка-Кравчинского “Андрей Кожухов”.

В 1981 г. в эссе Ба Цзинь мысленно возвращается к “десятилетию смуты” и говорит о том, что когда он “обдумывал наставления “цзаофаней”, то сделал вывод в духе Достоевского. С точки зрения “цзаофаней” Достоевский был “реакционным писателем”. Но они хотели подавить волю Ба Цзиня, заставить его пойти по пути Достоевского. Я говорю об этом с улыбкой, но в действительности это было трагедией”. Ба Цзинь с болью вспоминал: “Я называл себя “интеллигентом”, другие относились ко мне, как к “интеллигенту”, во время проработок, я соглашался с ярлыком “духовный аристократ”, но фактически я был “духовным рабом”.

В 80-е гг. во Франции на вопрос: “Не содержится ли в его книгах пропаганда философии страданий”? Ба Цзинь ответил: “Я пишу книги, чтобы показать в них жизнь, в них нет какой-либо философии, к тому же я не подобен Достоевскому”.

В середине 80-х гг. Ба Цзинь много размышляет о “свободе творчества”. Он говорил: “В России, находившейся под гнетом царизма, не было свободы, и тем более “свободы творчества”. Но русская литература XIX в. и поныне считается лучшей в мировой литературе. Многие яркие писатели, включая Некрасова, вышли из терний, извилистыми тропами поднялись на небо и вспыхнули яркими звездами”.

В начале литературного пути Ба Цзинь озаглавил свою первую повесть “Гибель”, находясь под влиянием поэмы К. Рылеева. Заглавие его сборника эссе “Думы”, созданного в конце жизни было навеяно книгой Герцена “Былое и думы”. На протяжении вековой жизни писателя связывали неразрывные узы с русской литературой, той литературой, что оказала влияние на несколько поколений китайских писателей.

Научная жизнь

На международном конгрессе востоковедов

[37-й. Москва, 16-21 авг. 2004]

С 16 по 21 августа с.г. в Москве состоялся 37-й Международный конгресс азиатских и северо-африканских исследований (ICANAS). В России международный конгресс востоковедов проводился в третий раз. Впервые он прошел в нашей стране еще в 1876 г. в Петербурге, спустя всего три года после первого востоковедческого конгресса в Париже, когда международное сотрудничество специалистов по Востоку еще только зарождалось. Второй раз провести подобный съезд ведущих востоковедов разных стран мира нашей стране доверили в 1960 г.: 25-й конгресс состоялся тогда в Москве.

Нынешний форум собрал около 1600 участников из России, СНГ и стран дальнего зарубежья. Девизом конгресса был избран гуманистический принцип "Единство во многообразии", подчеркивающий роль востоковедного сообщества в налаживании межцивилизационного диалога и в развитии взаимопонимания между представителями различных культур. Одновременно этот девиз символизировал разнообразие представляемых участниками конгресса стран и регионов и широту палитры их исследований.

В центре внимания нынешнего научного форума находились вопросы фундаментального свойства, имеющие большую научную и общественную значимость: узловые проблемы развития человечества, исторические, культурные, экономические и прочие факторы, определяющие взаимодействие Востока и Запада, отдельных стран и регионов, роль востоковедных исследований в современном мире, проблемы методологии исследований, востоковедческого образования, новых технологий в науке, преподавании и т.п.

На церемонии открытия с приветствиями к участникам конгресса обратились видные ученые, известные российские общественные и политические деятели.

Основная часть работы форума проходила в формате секций, по отдельным проблемам были проведены "круглые столы". Для молодых ученых видные отечественные специалисты организовали мастер-классы. Работе конгресса сопутствовали выставки ведущих российских востоковедных издательств и журналов. Для зарубежных участников конгресса была организована культурная программа.

С учетом размаха всех задуманных мероприятий перед организаторами конгресса встали действительно непростые задачи, не все из которых удалось решить достаточно четко. В ряде организационных моментов имелись досадные сбои, не укрывшиеся от внимания участников, особенно зарубежных. Это контрастировало с весьма насыщенной содержательной частью конгресса, представившего практически всю палитру современного международного востоковедения.

В целом сам факт проведения в Москве крупнейшего за последние десятилетия востоковедного форума, позволившего российским ученым шире ознакомиться с зарубежными коллегами с основными направлениями своей работы, укрепить старые и завязать новые контакты и связи, безусловно следует отметить как важное и полезное событие. Этот международный конгресс, показавший, что отечественное востоковедение не только смогло уцелеть несмотря на потрясения 1990-х гг., но и имеет серьезный потенциал для дальнейшего роста, должен придать новый импульс развитию академического и вузовского востоковедения в России.

Карнеев А.

Научная конференция "Шанхайская организация сотрудничества: проблемы и перспективы межгосударственных отношений в евро-азиатском регионе"

Уральск
25-28 июня 2004

Эта конференция, проходившая с 25 по 28 июня 2004 года в г. Уральске (Республика Казахстан), была посвящена перспективам дальнейшего развития процессов интеграции в регионе Центральной Азии (ЦА), а также роли в этих процессах Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), которая в результате усилий, приложенных ее участниками, завершает процесс организационного оформления и имеет хороший потенциал для того, чтобы стать полноправным и активным участником процесса мирового политического развития. Последовательно разворачивающееся взаимодействие стран-участниц ШОС выявляет не только дополнительные резервы сотрудничества, но и различные трудности, связанные как с объективными различиями в положении этих стран, так и с нехваткой оперативного информационно-аналитического обеспечения процесса интеграции. В этих условиях, как отмечают наблюдатели, возрастает роль экспертного сообщества в своевременном анализе имеющихся тенденций, содействии усилиям практических специалистов по формулированию приоритетных задач, определению наиболее адекватных форм и методов работы.

Следует отметить, что в последние годы тематике развития ШОС было посвящено несколько научных конференций, организованных научными центрами Шанхая и Пекина. Нынешняя конференция стала, таким образом, первой международной конференцией по проблематике ШОС, прошедшей за пределами КНР, при этом основную часть организационной работы по ее подготовке провели российские и казахстанские специалисты.

В работе конференции приняли участие представители ведущих научных центров РФ, Казахстана, КНР, Индии, ряда стран Центральной Азии, а также США и Франции. Обсуждение вопросов функционирования ШОС и проблем развития региона ЦА носило комплексный характер и осуществлялось в рамках нескольких крупных тематических блоков.

В блоке "Возникновение идей регионального сотрудничества в ЦА и организационное развитие ШОС" были представлены доклады, посвященные вопросам возникновения ШОС, эволюции ее организационной структуры и формирования руководящих органов. Обсуждались также перспективы интенсификации мер в области укрепления безопасности, военного сотрудничества, возможности расширения ШОС за счет вступления новых членов, ее взаимодействия с другими региональными и международными организациями, международно-правовой аспект деятельности ШОС.

В блоке “ШОС и другие центры силы современного мира” анализировались проблемы сотрудничества и соперничества великих держав в регионе, рассматривались двусторонние связи в центрально-азиатских проектах сотрудничества по темам: Россия и Китай, Россия и Центральная Азия, Китай и Центральная Азия, США и Центральная Азия, Индия и Центральная Азия, Афганистан и ШОС и др.

В блоке “Развитие стран ЦА: история, этничность, религия и становление современных политических структур” были представлены доклады по проблемам истории и современного состояния процессов консолидации этнических и религиозных общностей, факторов, влияющих на этническое самоопределение, возрождение традиционных культурных ценностей, а также факторов, питающих такие явления как сепаратизм, фундаментализм и политический экстремизм. Были представлены точки зрения участников симпозиума на историю взаимоотношений народов Китая, Центральной Азии и России в близком и отдаленном прошлом, проблемы миграции, демографии и т.д.

В блоке “Перспективы экономического сотрудничества” анализировались возможности интенсификации многосторонних экономических связей стран-членов ШОС, состояние проектов в области энергетики, транспорта, инвестиционного сотрудничества, использования водных ресурсов, защиты окружающей среды.

С приветствиями к собравшимся обратились Заместитель Председателя Исполкома СНГ А.Е. Кожиков, национальный координатор по вопросам ШОС РК С.А. Имандосов, советник Секретариата ШОС А.К. Юлдашев, экс-министр по делам национальностей и национальной политике правительства РФ В.Ю. Зорин и другие.

Во вступительном слове академика В.С. Мясникова (ИВ РАН) было отмечено, что конференция проводится в период, когда этап организационного становления ШОС практически завершен и начали функционировать ее постоянно действующие органы — Секретариат в Пекине и Исполнительный Комитет Региональной антитеррористической структуры в Ташкенте. Одобрена долгосрочная Программа многостороннего сотрудничества в торгово-экономической области, принят бюджет ШОС на 2004 г. Организация уже воспринимается на международной арене как геополитическая реальность, как важный позитивный фактор региональной и мировой политики.

В докладе В.Н. Зайцева (ИСАА при МГУ) был сделан обзор политики СССР и США на Среднем Востоке в период после Второй мировой войны, а также — после распада СССР, ознаменовавшего окончание биполярного мироустройства. Докладчик пришел к выводу, что политика Вашингтона в этом регионе, в том числе и после событий 11 сентября, преследующая цель односторонних геополитических выгод и страдающая от чрезмерного идеологизма — нереалистична и не носит конструктивного характера.

В докладе Ю.М. Галеновича (ИДВ РАН) были проанализированы такие понятия как “великие державы”, “малые страны”, “Центральная Азия”, вопросы самоутверждения наций и государств этого региона. Ученый высказался за открытый характер ШОС, за укрепление взаимного доверия членов организации, прежде всего за счет гарантий нерушимости существующих границ.

К.Л. Сыроежкин (журнал “Континент”, Казахстан) посвятил свое выступление возможным направлениям дальнейшей эволюции ШОС с учетом провозглашенного намерения участников организации налаживать более тесное экономическое взаимодействие. Докладчик отметил, что именно на

экономической основе вырастают прочные международные союзы. Однако, несмотря на активные разговоры об экономической составляющей ШОС, продвижение в этой области пока скорее разочаровывает. Он указал на ряд других факторов, свидетельствующих, по его мнению, о неопределенности дальнейшей судьбы ШОС. Каждая страна-участница хочет видеть в ШОС то, что считает наиболее перспективным для себя. Еще одно противоречие связано с фактором американского присутствия в Центральной Азии. Потенциальное расширение ШОС за счет новых участников в принципе может иметь позитивное значение, но в то же время может превратить организацию в очередную "говорилицу". Наконец, в условиях, когда проблема легитимной преемственности власти в государствах Центральной Азии выдвигается на первый план и вызывает рост активности оппозиции, неясно, что может реально предпринять ШОС для предотвращения политической дестабилизации внутри этих государств.

В докладе М.Е. Шайхутдинова (Ин-т геополитических исследований, Казахстан) были проанализированы этапы эволюции ШОС и перспективы дальнейшего развития организации. Докладчик отметил, что для пессимистически выводов достаточных оснований нет. Нельзя исключать возможности вступления в организацию новых членов, прежде всего Пакистана и Индии, сотрудничества ШОС с ЕС и НАТО. Участники ШОС умело дистанцировались от ряда своих собственных заявлений предшествующего этапа и постепенно продвигаются от простого реагирования на вызовы времени к выдвиганию определенной совместной стратегии на международной арене.

В докладе Пань Давэя (Ин-т социологии Шанхайской АОН) были проанализированы социологические аспекты интеграционных процессов в рамках ШОС. Подчеркивалось, что игнорирование культурных различий и особенностей может вызвать серьезные негативные последствия, поэтому необходимо приложить серьезные усилия для расширения культурных обменов, установления личных контактов между людьми. Докладчик отметил также, что важное значение приобретает продвижение совместных государственных проектов в экономической области, особенно в сфере развития инфраструктуры, упрощение и улучшение условий инвестирования.

В выступлении А.В. Лукина (Центр восточноазиатских исследований МГИМО-У. МИД РФ) было обращено внимание на различные точки зрения в международном экспертном сообществе относительно эволюции и дальнейшей судьбы ШОС. Были подвергнуты критике взгляды тех российских и зарубежных исследователей, которые утверждают, что предпринимаются попытки внедрить в практику ШОС философию холодной войны и отжившего биполярного мира, а также, что эта организация фактически служит реализации внешнеполитических целей доминирующего в ней Китая. Оратор высказал мнение, что у военного сотрудничества и взаимодействия в борьбе с наркотрафиком в рамках ШОС имеются хорошие перспективы. Говоря о жизнеспособности организации, А.В. Лукин подчеркнул, что все ее страны-члены дорожат сотрудничеством с Западом, но всем им комфортнее в мире, где существуют альтернативные центры силы.

В докладе Б.К. Казбекова (Ин-т востоковедения, Казахстан) отмечалось, что в рамках ШОС наряду с общими военно-политическими интересами имеет место реальная заинтересованность в развитии регионального экономического сотрудничества в таких сферах как водохозяйственный и топливно-энергетический комплексы, сельское хозяйство, транспорт, финансово-банковская отрасль. Важным направлением приложения дальнейших усилий докладчик на-

звал решение проблем институционального характера — создание механизма урегулирования хозяйственных споров, условий для кооперирования и образования транснациональных ФПГ, установление порядка использования рабочей силы, механизма расчетно-платежных отношений.

В сообщении В.Ф. Галямовой (Казахстанский ин-т стратегических исследований) ШОС была рассмотрена как фактор меняющейся внешней политики КНР. Подчеркивалось, что активная роль Китая в создании и укреплении ШОС свидетельствует о более активной, наступательной внешнеполитической стратегии современного пекинского руководства, отходе от прежней концепции невступления в союзы и альянсы с другими государствами.

В выступлении А.Н. Карнеева (ИСАА при МГУ) была высказана мысль о полезности для обсуждения перспектив дальнейшей экономической интеграции в рамках ШОС сопоставительного изучения опыта выстраивания Китаем подобных отношений на своем южном фланге — со странами Юго-Восточной Азии. В практике выстраивания отношений Китая со странами АСЕАН, можно найти некоторые ответы на те вопросы, которые вызревают в рамках ШОС. Докладчик остановился также на дискуссии, развернувшейся вокруг выдвинутой недавно китайским руководством доктрины “мирного подъема Китая”.

В докладе А.А. Куртова (Российский ин-т стратегических исследований) содержится вывод о том, что процесс, начавшийся в свое время с переговоров по мерам доверия на советско-китайской границе, позволил постепенно сформировать климат доверия и безопасности на всем протяжении бывшей советско-китайской границы и тем самым создать предпосылки для дальнейшего сотрудничества в рамках ШОС. Государства ЦА, хотя и пошли на очевидные территориальные уступки, но этим шагом продемонстрировали Пекину свое стремление ликвидировать нерешенные проблемы, стоящие на пути регионального сотрудничества.

В докладе В.А. Михайлова (Российская академия госслужбы при Президенте РФ) содержались предложения по активизации сотрудничества государств СНГ, что в перспективе могло бы привести к формированию Евразийского сотрудничества — межгосударственного и межнационального союза нового типа.

В докладе А.Ш. Кадырбаева (ИВ РАН) было отмечено, что история взаимодействия цивилизаций и народов ЦА и Китая имеет более чем двухтысячелетнюю историю. В нынешних условиях проблема сближения народов ЦА, Китая и России весьма актуальна, однако этот процесс должен основываться не на имперской идеологии, а на ценностях наступившего третьего тысячелетия.

В докладе К.И. Кобландина (советник Посольства Республики Казахстан в РФ) была изложена официальная позиция внешнеполитического ведомства Республики Казахстан в отношении современной геополитической ситуации в Центральной Азии и проблемы безопасности региона.

В докладе М.В. Карпова (ИСАА при МГУ) речь шла о социально-политической ситуации в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР и ее влиянии на ситуацию в Центральной Азии. Выступающий провел параллель между проблемами, существующими в России и Китае в области предотвращения сепаратизма и сохранения территориальной целостности.

А.Г. Ларин (ИДВ РАН) в своем выступлении, посвященном возможностям и пределам сотрудничества России, США и Китая в Центральной Азии, подверг критике взгляды некоторых политиков и специалистов, предлагающих России играть в регионе роль “младшего партнера” США. Россия, по словам докладчика, не должна превращаться в исполнителя чужой воли, забыв о соб-

ственных интересах ради туманных посулов со стороны "старшего партнера". Для проведения независимой и самостоятельной внешней политики в ЦА у России имеются достаточно сильные позиции и широкое поле возможностей. Именно сильная Россия, проводящая самостоятельную внешнюю политику, отвечает интересам стран ЦА, подчеркнул докладчик.

Выступление Чарльза Зиглера (ф-т политических наук Луисвилльского ун-та, США) было посвящено стратегии США в Центральном-Азиатском регионе и отношению американского руководства к деятельности ШОС. Несмотря на настороженную и сдержанную позицию некоторых представителей администрации и Конгресса США, большая часть американских политиков и экспертов не опасается, что ШОС сможет серьезно подорвать влияние Америки в регионе. Официально администрация Дж. Буша похвалила усилия ШОС в борьбе с терроризмом, религиозным экстремизмом, производством и сбытом наркотиков, в деле продвижения экономической интеграции и обеспечения безопасных границ. При этом США дифференцируют свой подход к странам-членам ШОС. В то время, как Россия рассматривается как слабеющая держава, с которой практически достигнуто негласное взаимное понимание относительно границ возможностей друг друга, Китай рассматривается как государство, отношения с которым применительно к региону ЦА могут стать более состоятельными в силу нарастания влияния КНР в регионе. С точки зрения интересов самих новых государств ЦА ситуация представляется как лучшая из возможных. Глобальная кампания борьбы с терроризмом, нестабильность на Ближнем Востоке и высокие цены на нефть подняли значимость ЦА, привлекли новый поток помощи и заставили США пригасить накал критики авторитарных режимов в ряде стран региона. Совпадение интересов США, Китая и России в регионе, наряду с их умеренной конкуренцией за влияние, предоставляет правящим элитам ЦА больше пространства для маневра, чем раньше.

В докладе Девендра Каушика (Ин-т азиатских исследований им. Маолана Абуль Калам Азада, Калькутта, Индия) было отмечено, что, выразив свою заинтересованность во взаимодействии с ШОС, Индия должна сформулировать свою позицию в условиях разворачивающейся в Азии на базе ШОС новой архитектуры безопасности и регионального сотрудничества. Однако для этого ей необходимо сначала поднять уровень своих отношений с Китаем до стратегического взаимодействия, как это имеет место между КНР и РФ.

В докладе Ю.В. Босина (ИСАА при МГУ) наряду с выводом о потенциальных возможностях дальнейшего сотрудничества в рамках ШОС были высказаны соображения о факторах, которые способны затруднить такое сотрудничество в будущем. Докладчик, в частности, выразил обеспокоенность по поводу эффективности некоторых энергетических проектов в случае серьезного изменения конъюнктуры цен на нефть и газ.

В докладе А.А. Писарева (Ин-т русских исследований Тамканского университета, Тайвань) проблематика развития ШОС и сотрудничества Китая и России в регионе ЦА была проанализирована сквозь призму общей эволюции подходов и стратегии России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Автор отметил некоторые позитивные сдвиги, которых добилась в последние годы на этом направлении российская внешняя политика.

В докладе Ван Лицзю (Китайский ин-т современных международных отношений, Пекин, КНР) была поставлена проблема нахождения оптимальной модели дальнейшего продвижения по пути региональной интеграции в рамках ШОС.

В докладе Чэнь Юйжун (Китайский ин-т международных исследований) были подведены итоги предшествующих этапов развития ШОС, отмечена своевременность и актуальность принятых на последнем саммите в Ташкенте решений. Докладчик отметила, что за последние три года создана фактически новая концепция будущего развития этой организации. Был сделан вывод о необходимости дальнейшего снижения барьеров в торгово-экономическом взаимодействии стран-участниц ШОС.

В докладе Капанова К.Х. (Академия труда и социальных отношений, г. Уральск, РК) были поставлены общетеоретические проблемы развития государств региона, совершенствования глобального управления в духе концепции "новой многосторонности".

В докладе А.И. Бельчука (Академия внешней торговли РФ) на основании последних данных проанализированы возможности развития сотрудничества между Россией и Китаем в области добычи и транспортировки нефти и газа. Кооперация в энергетическом секторе может стать одной из важнейших основ экономических отношений между двумя странами, подчеркнул ученый.

В докладе С.К. Кушкumbaева (Ин-т востоковедения МОН РК) та же тема была затронута в разрезе геополитики и геостратегии. Вопросы развития транспортных коммуникаций становятся все более важной темой международных конференций и форумов, обсуждаются на саммитах лидеров межгосударственных объединений и организаций.

Выступление В.А. Козырева (ИСАА при МГУ) было посвящено перспективам инвестиционного сотрудничества стран — членов ШОС. Налаживание такого сотрудничества будет способствовать решению макроэкономических задач, диверсификации экономической структуры, предотвратит сверхзависимость от западного капитала.

Ж.М. Джаманкулов (Киргизский нац. ун-т им. Ж. Баласагына) осветил в своем докладе образовательный аспект дальнейшего сотрудничества в рамках ШОС.

По итогам обсуждений участники конференции приняли решение, в котором выражена заинтересованность ученых, специалистов и представляемых ими научных центров к продолжению плодотворного научного сотрудничества и интенсификации усилий по выработке рекомендаций, позволяющих успешнее вести работу по исполнению решений, принятых на встречах глав государств и в рамках других органов ШОС. С целью более эффективного проведения исследовательско-аналитической работы участники форума выступили с инициативой периодического созыва научных конференций по данной теме поочередно в странах-участницах ШОС.

Владим С,

На международной научной конференции "Китай и Россия в Северо-Восточной Азии: пути и перспективы стратегического

взаимодействия" : [Владимир
Ток, 23-24 июня 2004] //

Международная научная конференция "Китай и Россия в Северо-Восточной Азии: пути и перспективы стратегического взаимодействия" прошла 23-24 июня 2004 г. во Владивостоке, и была организована Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН в сотрудничестве с Президиумом ДВО РАН и администрацией Приморского края.

Конференция была посвящена 20-летию восстановления приграничных связей между Россией и Китаем, нацелена на обобщение накопленного за этот период опыта и поиск путей активизации и повышения эффективности двустороннего сотрудничества на региональном уровне.

Конференция была запланирована к проведению во Владивостоке еще год назад, в июне 2003 г., однако эпидемия атипичной пневмонии сорвала намеченные планы, отложив мероприятие на один год.

23 июня состоялось торжественное открытие конференции, на которую собрались видные ученые, президенты академий общественных наук из соседних Приморью китайских провинций Цзилинь, Ляонин, руководители научных институтов Северо-Восточного Китая. На форум прибыли исследователи из пекинского Института Восточной Европы, России и Средней Азии АОН КНР. Участниками международной конференции стали ведущие ученые Москвы, Сибири, Дальнего Востока России.

На обсуждение ученых были вынесены такие вопросы, как:

- общие проблемы и перспективы российско-китайских отношений в свете тенденций развития Северо-Восточной Азии;
- отношения между Китаем и Россией на региональном уровне: политика, экономика, гуманитарные связи;
- проблемы региональной безопасности в контексте российско-китайских отношений в СВА;
- социально-демографический и этно-культурный аспекты регионального взаимодействия между двумя странами.

На актуальность вопросов, намеченных к обсуждению участниками международного форума, обратил внимание присутствующих в приветственной речи председатель Президиума ДВО РАН акад. **В.И. Сергиенко**. Динамичные изменения, которые происходят за последние годы в развитии взаимоотношений между двумя странами, требуют, по мнению академика Сергиенко, адекватного понимания и осмысления. Роль науки, инновационной деятельности, ученых чрезвычайно высока в определении ориентиров экономического сотрудничества между странами. Настало время, считает руководитель Дальневосто-

чного отделения РАН, приступить к реализации совместных научно-технических проектов, причем положительные примеры этого сотрудничества уже имеются.

С приветственными словами выступили президент АОН пров. Ляонин Чжао Цзысян, президент АОН пров. Цилинь Бин Чжэн, зам. директора пекинского Института Восточной Европы, России и Средней Азии Дун Сяоян. В приветственных речах было высказано пожелание о том, чтобы нынешнее взаимодействие ученых оказало содействие не только сотрудничеству в сфере научного обмена, но и способствовало региональному сотрудничеству. Для этого ученые договорились обсудить следующие направления взаимодействия:

- экономические отношения;
- роль центральных и местных властей двух стран в развитии связей;
- региональная и национальная безопасность в контексте интересов и подходов двух стран;
- проблемы культурной взаимоадаптации.

По завершении официальной торжественной части открытия конференции с докладом, подготовленным совместно с академиком Сергиенко В.И., на тему "Роль и место науки в развитии российско-китайского сотрудничества" выступил член-корр. РАН, зам. председателя Президиума ДВО РАН Ю.Н.Кульчин. В своем выступлении ученый привел многочисленные примеры плодотворного сотрудничества между Россией и Китаем как в прошлом, так и в настоящем. Научно-технический потенциал России в целом, и Дальнего Востока, в частности, полагает Ю.Н.Кульчин, очень высок. Китай в последние годы накопил немалый опыт реализации инновационных проектов. Это дает возможность двум сторонам эффективно дополнять друг друга, используя сильные стороны партнеров. Огромный научно-технический потенциал Дальневосточного отделения РАН позволяет сотрудничать с китайскими коллегами на долгосрочной и взаимовыгодной основе.

Идеи, выраженные в докладе российского ученого, нашли отражение и в выступлении президента АОН пров. Ляонин, проф. Чжао Цзысяна "Развитие российско-китайских связей, безопасность и стабильность в регионе Северо-Восточной Азии".

В современном быстроизменяющемся мире, полагает профессор Чжао, российско-китайское взаимопонимание и взаимодействие в Северо-восточной Азии являются важной составляющей мира и безопасности на всей планете.

В деле создания условий и поддержки стабильности и безопасности в СВА, важными факторами китайско-российского взаимодействия, по мнению профессора Чжао Цзысяна, должны стать:

- Дальнейшая интеграция в экономическое сообщество СВА. Высокий уровень китайско-российской экономической кооперации является важным фактором глобализации и экономического подъема всех стран региона.

- Содействие нераспространению ядерного оружия на Корейском полуострове. Конструктивную роль могут сыграть шестисторонние соглашения по ядерной безопасности на Корейском полуострове, где интересы Китая и России во многом идентичны.

- Решение проблемы энергетической кооперации. Как России, так и Китаю взаимодополняемость в энергетических вопросах выгодна как с точки зрения долгосрочной экономической перспективы, так и с позиций развития дружественных добрососедских отношений.

Перспективам российско-китайского регионального сотрудничества посвятил свое выступление "Потенциал торгово-экономического сотрудничества

между китайской провинцией Цзилинь и российским Дальним Востоком” президент АОН пров. Цзилинь проф. *Бин Чжэн*.

Потенциал торгово-экономического сотрудничества Приморья и провинции Цзилинь велик. Дальневосточный регион богат древесиной, рыбными ресурсами и морепродуктами, однако половина необходимой сельскохозяйственной продукции ввозится из-за границы или внутренних территорий России. Провинция Цзилинь имеет излишки в производстве зерна, овощей, мяса, которые она могла бы предложить России в обмен на сырьевые ресурсы.

В провинции Цзилинь ежегодно насчитывается более 100 тыс. человек, отнесенных к разряду “ожидающих работу”. Китайскую рабочую силу, полагают докладчик, можно было бы использовать в российском сельском хозяйстве, животноводстве, выращивании лекарственных растений, лесной промышленности, рыболовстве и рыбопереработке, на строительных объектах, в добывающей отрасли. Велики возможности по созданию совместных предприятий, особенно в сфере легкой и пищевой промышленности. Со своей стороны Россия могла бы предложить передовую технику по разведке и добыче драгоценных и цветных металлов.

Нереализованным остается потенциал сотрудничества в сфере туризма. Обилие исторических памятников, рекреационных зон могли бы способствовать развитию экономик регионов, привлекая зарубежных туристов.

В своем выступлении “Роль правительств в китайско-российских связях” научный сотрудник Института мировой экономики Ляонинской АОН *Чжоу Яньли* отметила значимость функций правительства в регулировании управляемой рыночной экономикой. Негативные элементы в процессе становления рыночной экономики, считает Чжоу Яньли, отмечены как в Китае, так и в России. Регулирование баланса в соотношении “экономической свободы” и “правительственного вмешательства” являются ключевым моментом в становлении эффективно действующей модели рыночной экономики.

Успешной реализации принятой Российским правительством “Федеральной концепции экономического развития Дальнего Востока и Забайкалья в 1996–2005 гг. и на период до 2010 г.” и плана оживления промышленной базы Северо-Восточного Китая, предложенного правительством КНР, может способствовать состыковка этих двух планов. Органы власти Приморья и пров. Цзилинь могли бы способствовать воплощению в жизнь намеченных центральными органами планов, координируя использование местных ресурсов и взаимно дополняя экономику регионов.

О значимости торгово-экономических отношений в развитии межгосударственных связей рассказал в своем выступлении “Региональные отношения России и Китая” проф. *Дун Сяоян*, зам. директора пекинского Института России, Восточной Европы и Средней Азии АОН КНР.

2003 год стал рекордным по уровню развития экономических отношений между Россией и Китаем, когда торговый оборот превысил 15 млрд долларов США. Однако они все еще далеки от потенциальных возможностей сотрудничества. Ученый остановился на анализе регионального сотрудничества, которое, по его мнению, в перспективе и будет определять уровень торгово-экономического сотрудничества Китая и России.

Одним из приоритетных направлений может стать сотрудничество в научно-технической области. Региональные правительства Китая намерены привлекать российских специалистов, использовать достижения научной мысли России. Примеры подобного сотрудничества уже имеются в Китайско-Рос-

сийском научно-промышленном центре провинции Хэйлунцзян, Международном научно-техническом комплексе Харбина, Китайско-Российской научно-технической показательной базе Яньтая, Китайско-Российском научно-техническом парке провинции Чжэцзян. Опыт подобного сотрудничества китайское правительство намерено использовать при возрождении индустриальной базы Северо-Восточного Китая.

Китайско-российское региональное сотрудничество должно стать доступным и открытым для прочих участников и потенциальных партнеров, какими, считает пекинский исследователь, могут стать представители южных и приморских провинций Китая.

Все более значимую роль в повышении уровня сотрудничества должны играть профессиональные кадры, хорошо знакомые с потенциалом регионального рынка, традициями и культурой сопредельных территорий.

Оживленную дискуссию вызвал коллективный доклад "Мостовой переход Благовещенск — Хэйхэ. История и современное состояние проблемы". д.ф.н., проф. Амурского гос. университета А.П. Забияко, выступивший от имени чл.-корр. РАН, председателя Амурского научного центра ДВО РАН Сорокина А.П., сотрудников Амурского НЦ ДВО РАН Капрановой Е.А. и Межакова В.З. Докладчик нарисовал позитивную картину строительства мостового перехода. Однако длительная история строительства объекта вызвала скептические замечания и вопросы относительно того, в чем кроются причины затяжного строительства моста. Отвечая на вопросы, А.П. Забияко отнес к числу основных причин задержки строительства объекта нестабильность экономической ситуации в России, отсутствие надежных маркетинговых проработок состава китайского груза, предназначенного для перевозки по мостовому переходу, отсутствие ясного представления о том, как после строительства объект будет эксплуатироваться, насколько он будет эффективен. Строительство и введение нового моста может повлечь за собой частичную потерю в грузоперевозках для соседних регионов.

Проф. Ван Шицай, директор института России АОН провинции Цзилинь, указал в своем докладе "Культурный обмен между Северо-Восточным Китаем и российским Дальним Востоком и его перспективы" факторы, которые препятствуют дальнейшему расширению экспорта пров. Цзилинь в Россию. К таковым, по мнению Ван Шицай, относятся низкая пропускная способность Хуньчуньской таможни, слабая конкурентоспособность предприятий пров. Цзилинь, имеющих право на ведение внешней торговли, большое пассивное сальдо торгового баланса пров. Цзилинь с Россией, низкое качество продукции сельского хозяйства и животноводства провинции, и проч. Провинция Цзилинь, считает проф. Ван Шицай, должна постепенно расширять размеры инвестиций в Россию, увеличивать количество китайских частных и совместных предприятий, регулярно проводить выставки-продажи китайских товаров на Дальнем Востоке и Сибири.

Об уникальности специфической территориальной системы, прилегающей к бассейну Амура, рассказал в коллективном докладе "Бассейн Амура как зона уникального межгосударственного и междивизиационного контакта" д.г.н., проф. Шведов В.Г. Доклад был подготовлен совместно с директором Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН д.б.н., проф. Фрисманом Е.Я. (г. Биробиджан). В своем докладе ученый обратился к гуманитарной составляющей географической территории, на которой в течение долгого времени соседствуют социумы-носители двух крупнейших цивилизаций —

России и Китая. В настоящее время эти две территории можно сравнить с общающимися сосудами, уровни наполнения которых (количество проживающего населения, промышленный потенциал), далеко не равноценны. Для выравнивания сложившегося дисбаланса необходимы, по мнению докладчика, энергичные меры, в том числе протекционистского плана, что требует должного понимания с китайской стороны.

24 июня конференция продолжила работу в конференц-зале Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Первым прозвучал доклад на тему "Перспективы российско-китайского сотрудничества в рамках интеграционных процессов в АТР" д.э.н., зам. директора ИДВ РАН *Островского А.В.* (Москва).

Определив "Большой Китай" в качестве оптимального перспективного партнера России среди стран АТР для торгово-экономического сотрудничества, А.В. Островский обозначил основные направления, по которым наиболее вероятным представляется взаимодействие между двумя странами. К таковым были отнесены энергетика, включающая поставки в Китай нефтепродуктов Сибири и Дальнего Востока, сотрудничество в области транспорта, предполагающее повышение пропускной способности железных дорог Приморья и транспортных каналов на российско-китайской границе, и межбанковское сотрудничество, нацеленное на поиск капиталов для развития энергетического, транспортного и сырьевого потенциала стран СВА, прежде всего российского Забайкалья и Дальнего Востока. Немаловажным направлением сотрудничества является привлечение на Дальний Восток рабочей силы из трех северо-восточных провинций Китая, что позволит смягчить напряженность в них с рабочей силой, и поможет решить проблему дефицита рабочей силы на Дальнем Востоке, поскольку он не может в настоящее время быть компенсирован ни за счет внутренней миграции, ни за счет миграции из стран СНГ.

Директор института литературы Ляонинской АОН проф. *Бай Чанцин* выступил с докладом "Взаимодействие и сотрудничество: китайско-российские культурные связи в регионе Северо-восточной Азии".

Культура, считает докладчик, является стимулом социального прогресса и важной составной частью производительных сил будущего общества. В регионе, где сосуществуют различные типы культур, взаимодействие в области экономики и культуры должно основываться на доверии, дружбе, взаимном обмене опытом, стремлении избежать повторения чужих ошибок.

Главный научный сотрудник Института России, Центральной Европы и Средней Азии АОН КНР *Ли Фучуань* посвятил свое выступление теме "Стабильность в Северо-Восточной Азии через призму интересов России и Китая".

Расширения войск НАТО на восток и обострение ситуации в Тайваньском проливе привели к тому, считает Ли Фучуань, что Россия и Китай стали еще ближе друг к другу в регионе Северо-восточной Азии. Геополитика медленно, но неудержимо меняется в невыгодную для России и Китая сторону, которые, по мнению докладчика, оказались не готовы к новой ситуации.

Основой механизма для разрешения потенциальных конфликтов может стать, по мнению профессора Ли Фучуаня, официальный форум "Безопасность в Северо-восточной Азии". Форум может стать постоянным органом для консультаций по вопросам безопасности в регионе.

Завершил конференцию доклад д.и.н., проф. *Ларина В.Л.*, директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН "Основные проблемы и перспективы российско-китайских региональных связей".

Тенденции последних лет свидетельствуют, по словам ученого, в пользу того, что у Дальнего Востока России (по крайней мере, у его южной части) сегодня нет другой альтернативы, кроме как развивать добрососедские отношения с Китаем по самым различным направлениям. Для дальнейшего расширения взаимовыгодного сотрудничества требуется, помимо разрешения проблем в экономической и правовой сферах, предоставление всесторонней информации всем слоям населения, востребованность и применение на практике разработок ученых, осознание местной властью значения Китая как потенциального источника экономического роста территории и использование этого потенциала.

В ходе дискуссии и обсуждения заслушанных докладов участники конференции с удовлетворением отметили тот факт, что состоялся многоплановый, творческий диалог ученых. При этом на повестку дня поднимались острые вопросы, предлагались варианты и пути для решения существующих проблем.

Обсудив проблемы регионального сотрудничества, ученые намерены выработать рекомендации, которые были бы полезными как центральным, так и местным правительствам двух стран.

В выступлениях участников конференции неоднократно прозвучало предложение сформировать совместную российско-китайскую группу ученых, координационный совет, который занялся бы проработкой вопросов международного сотрудничества, составлением комплексных прогнозов развития экономической, демографической ситуации в регионах, мог бы действовать в интересах экономического развития российского Дальнего Востока и Северо-восточного Китая, укрепления дружбы и добрососедства между странами.

Немаловажным для развития подобного рода сотрудничества представляется, по мнению ученых, постоянный обмен текущей информацией, регулярное проведение конференций для обсуждения животрепещущих вопросов.

© 2004

*С.Врадий,
кандидат исторических наук,
Институт истории, археологии и
этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН*

Рецензии

Чжунго юй шицзе цзинци фачжань баогао (2004 нянь) Китай и развитие мировой экономики (2004). Гл. ред. Ван Чаншэн. Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, декабрь 2003. 338 с. На кит. яз.

Углубление взаимодействия Китая с мировой экономикой, стремительно нарастающее вслед за вступлением страны 11 декабря 2001 г. во Всемирную торговую организацию, вполне закономерно нуждается в научном осмыслении. Одной из недавних интересных попыток такого рода явились доклады "Китай и развитие мировой экономики", подготовленные учеными Академии общественных наук Китая.

В первом из них, изданном в феврале 2003 г.¹, проанализирован начальный этап адаптации экономики Китая к согласованному с ВТО условиям поэтапного открытия его внутреннего рынка для иностранных предпринимателей и либерализации внешнеторгового режима страны.

Доклад "Китай и развитие мировой экономики — 2004", изданный в декабре 2003 г. и делающий акцент на событиях периода с конца 2002 г. по август 2003 г. включительно, имеет подзаголовок "Улучшение деловой среды и открытие рынков в условиях глобализации". Монография вполне логично структурирована и последовательно рассматривает стратегию взаимодействия Китая с мировой экономикой, наиболее важные для этого взаимодействия аспекты международной среды, особенности торгово-экономических связей КНР с некоторыми странами и рынками на современном этапе, влияние внешнего рынка на развитие ряда отраслей народного хозяйства Китая. Вместе с тем, как и другие работы, изданные в серии "синих" (по экономике, социальной ситуации) и "зеленых" (по сельскому хозяйству, демографии), книг по социально-экономическим проблемам КНР, рецензируемый труд, представленный в качестве "зеленой книги по экономической информации", не преследует цели заполнить, так сказать, все клеточки "кроссворда".

Это по своей сути скорее книга очерков, посвященных пусть основным, но далеко не всем аспектам такой многогранной темы, как взаимодействие страны с мировым хозяйством в условиях глобализации. Поэтому некоторые повторы и пробелы доклада вполне объяснимы спецификой жанра и не снижают общего благоприятного впечатления от работы.

Авторы четко выделяют три специфических для 2003 г. фактора, которые заметно отразились на взаимодействии Китая с мировой экономикой именно на анализируемом временном отрезке. Это война в Ираке, эпидемия атипичной пневмонии и выполнение страной новой "порции" обязательств перед ВТО.

Война в Ираке, констатируется в докладе, воздействовала на экономику КНР через четыре основных канала: энергетику, внешнюю торговлю, привлечение иностранных инвестиций и цены. Воздействие это оказалось разнонаправленным: если вызванное войной в Ираке ослабление американского доллара по отношению к другим основным валютам мира стимулировало рост китайского экспорта благодаря привязке курса юаня к доллару, то связанный с той же войной рост мировых цен на нефть привел к удорожанию импортируемых КНР товаров, а через него — и к росту внутренних цен в стране (с. 113-115).

Согласно приведенным в монографии данным Всемирной организации здравоохранения, в результате эпидемии атипичной пневмонии в период с 1 ноября 2002 г. по 7 августа 2003 г. в мире заболели 8422 человека, из которых скончались 916.² В наибольшей степени эпидемией оказались затронуты территории, населенные этническими китайцами. В КНР количество заболевших достигло 5327 че-

ловек, а умерших — 349, в Гонконге — соответственно 1755 и 300, на Тайване — 665 и 180 человек (с. 88-89). По расчетам известного ученого-экономиста Ху Аньгана, совокупный ущерб от эпидемии в КНР составил около 1,3% ВВП. Среди понесших наибольший ущерб отраслей — туризм, особенно иностранный, пассажирские перевозки, общественное питание. В то же время в период эпидемии резко возрос спрос на мобильные телефоны. В целом, однако, ущерб экономики КНР от эпидемии оценивается в докладе как краткосрочный и не изменивший общих тенденций динамичного роста промышленного производства и внешнеэкономических связей страны в 2003 г. Более того, развитие торгово-экономических связей с Китаем стало важным фактором, способствовавшим преодолению негативного воздействия эпидемии и на экономики других стран Восточной Азии (с. 95-96).

В докладе отражены основные обязательства Китая перед ВТО на 2003 г. Это снижение общего уровня таможенных пошлин с 12,7 до 11,5%, отмена части импортных квот, дальнейшее облегчение доступа иностранных инвесторов на рынок услуг (с. 11-13). Одним из следствий присоединения страны к ВТО стал опережающий рост импорта. В докладе это объясняется тем, что более полная оценка сравнительной конкурентоспособности отечественной и зарубежной продукции открыла путь к закупке не только дефицитных или отсутствующих в КНР товаров, но и просто более конкурентоспособных, в том числе иногда и при перепроизводстве их отечественных аналогов (с. 14).

Важно отметить, что Китай стремится максимально использовать предоставляемые членством в ВТО возможности для усиления своих позиций как субъекта мирового хозяйства. Одним из ведущих направлений здесь выступает значительное упрощение процедуры создания за рубежом предприятий с участием китайского капитала, введенное с 2003 г. в экспериментальном порядке для ряда приморских провинций и городов, включая Шаньдун, Чжэцзян, Цзянсу, Гуандун, Шанхай, Пекин (с. 194-197) и официально закрепленное в Решении Госсовета КНР о реформе системы инвестиций в июле 2004 г.³ По данным Министерства коммерции КНР, на конец августа 2003 г. за рубежом было создано 7274 предприятия с участием капитала из КНР с суммарным объемом инвестиций китайской стороны

10,14 млрд. долл. Эти данные, однако, покрывают лишь часть фактического вывоза капитала из КНР на инвестиционные цели. ЮНКТАД на основе статистических данных Главного управления валютного контроля КНР оценивает его объем в 2,85 млрд. долл. в 2002 г. (против 983 млн. долл. согласно Министерству коммерции) и в 35,5 млрд. долл. суммарно по состоянию на конец 2002 г. (с. 187).

Очевидным достоинством доклада является анализ взаимодействия Китая с международной валютно-финансовой сферой, включая проблемы валютного курса и платежного баланса страны, перспектив введения конвертируемости юаня по счетам капитала и "интернационализации" юаня как валюты международных платежей и расчетов, особенностей и темпов "стыковки" китайского рынка ценных бумаг с мировым фондовым рынком. Особо выделим рассуждения о негативных последствиях накопления страной чрезмерных валютных резервов. Они полезны хотя бы потому, что на бытовательском уровне здесь господствует однозначное мнение "чем больше, тем лучше". Как полагают авторы, излишние валютные резервы оказывают постоянное давление в пользу ревальвации юаня и снижения конкурентоспособности товаров китайского экспорта. Оптимальный для сегодняшнего Китая объем валютных резервов составляет, по их мнению, 150-180 млрд. долл. (с. 133-135) при фактическом показателе на начало 2004 г. 403,25 млрд. долл.

Весьма информативен страновой раздел доклада, в котором на хорошем научном уровне показана специфика современных торгово-экономических связей КНР с США, Европейским Союзом, Японией и Республикой Корея.

В отраслевом разделе доклада разъясняется феномен быстрого роста производства черных металлов в КНР в последние годы: по официальным статистическим данным выплавка стали в КНР составила 128,5 млн.т в 2000 г., 151,6 млн.т в 2001 г., 182,3 млн.т в 2002 г. и 222,3 млн.т в 2003 г. Прирост производства стального проката в отдельные годы достигал еще больших значений: 192,5 млн.т в 2002 г. и 241,2 млн.т в 2003 г.⁴ Эксперт А.Н. Анисимов из ЦЭМИ РАН полагает, что столь большого скачка в китайской черной металлургии на деле не было, а имело место "подтягивание" статистических данных, регулярно занижавшихся ранее, до реальных значений. Китайские ученые

объясняют рост производства стали форсированным наращиванием производственных мощностей в отрасли вслед за увеличением спроса на металл со стороны строительства, автомобилестроения и других машиностроительных производств. По оценке авторов доклада, суммарный прирост мощностей в черной металлургии в результате расширения и модернизации действующих и строительства новых предприятий в ближайшие годы может составить еще 50 млн.т, а общие сталеплавильные мощности страны возрастут в 2005 г. до 255 млн.т. В то же время сохраняется высокий уровень зависимости Китая от импорта высококачественных видов проката: доля отечественных производителей в потреблении горячекатаного нержавеющей стального листа в стране составляет лишь 20%, а холоднокатаного — 40% (с. 278-279).

Многие сюжеты доклада выходят за хронологические рамки 2002-2003 гг. Заслуживает внимания оценка вклада внешнеэкономических связей в экономический рост страны. Доля роста экспорта в приросте ВВП Китая за период 1981-2002 гг. составила 27,27%, а доля прямых зарубежных инвестиций в приросте ВВП страны за период 1993-2002 гг. оценивается в 5,15% (с. 210). Иными словами, в среднем годовом приросте ВВП КНР, составившем за период 1990-2003 гг. 9,1%, экспорт обеспечил примерно 2,5 процентного пункта, а зарубежные инвестиции — около 0,5 процентного пункта. Назовем и приведенные в докладе расчетные данные о доле различных стран и регионов в объеме фактически использованных КНР прямых

иностранных инвестиций. По состоянию на конец 2002 г. лидировал Гонконг — 45,73%. Далее шли США (8,90), Япония (8,11), Тайвань (7,39), Сингапур (4,79), Республика Корея (3,39), Великобритания (2,39) и Германия (1,78%). Инвестиции Виргинских (5,44) и Каймановых (0,85) островов представляют, по сути дела, инвестиции самих китайцев, прокрученные через оффшор (с. 242).

Характеристика международной ситуации и особенностей политики ведущих держав мира не является специальной целью доклада. Скорее, она призвана обрисовать те базовые международно-политические координаты, в которых сегодня приходится действовать Китаю. Тем не менее даже схематичный анализ проблемы содержит ряд интересных оценок и положений. Усиление Китая, считают авторы, может встретиться с различными препятствиями. Одно из главных заключается в том, что западные страны во главе с США "еще не научились вести дела с Китаем на равных", "не хотят видеть Китай могучим" (с. 36).

Поэтому Китаю необходимо укреплять отношения сотрудничества и партнерства с Россией, совместно создавать в Азиатско-Тихоокеанском регионе систему коллективной безопасности, с тем чтобы ограничить альтернативную систему безопасности с США и Японией в качестве ядра (с. 157). Вместе с тем китайские ученые не исключают, что в долгосрочной перспективе, по мере восстановления мощи России, последняя может стать политическим и экономическим соперником Китая (с. 151).

© 2004

*В.Портяков,
доктор экономических наук*

1. Чжунго юй шицзе цзинци фацжань баогао (2003 нянь) — Жу ши и няньлай Чжунго цзинци чжэнцэ хэ шичан хуаньцин [Китай и развитие мировой экономики. Доклад за 2003 г. — Экономическая политика Китая и рыночная среда за год со времени вступления во Всемирную торговую организацию]. / Гл. ред. Ван Чаншэн. Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2003. 335 с. (На кит. яз.).
2. Динамика эпидемии и ее последствия для Китая достаточно детально проанализированы в ряде российских и зарубежных публикаций. См., например: В. Портяков. Эпидемия атипичной пневмонии в КНР // Проблемы Дальнего Востока. М., 2003. № 5; Asian Perspective. Special Issue on Globalization and SARS in Chinese Societies. Seoul, Korea, Portland, USA, 2004. Vol. 28. № 1.
3. См.: <http://www.people.com.cn/GB/jingji/1037/2663664.html>.
4. Чжунго тунци чжайяо 2004 [Краткая статистика Китая — 2004]. Пекин, 2004. С. 127.

Бажанов Е.П. Современный мир. Избранные труды.
М.: Известия, 2004. 421 с.

Новая книга одного из ведущих российских специалистов по проблемам международных отношений и внешней политики России, заслуженного деятеля науки РФ Е.П. Бажанова включает работы, написанные им в 2002-2003 гг. В них исследуются узловые проблемы быстро меняющегося и глобализирующегося современного мира, в том числе стран Азиатско-Тихоокеанского региона, и политики России в этом регионе.

Специально АТР посвящена III глава книги — "Азия" (с. 174-254), хотя так или иначе проблематика, связанная с Китаем, Северной и Южной Кореей и Японией, рассматривается и в других главах монографии — о тенденциях глобального развития, о российской внешней политике и о США.

Глава "Азия" начинается с раздела "Оружие массового уничтожения: проблемы в АТР". Е.П. Бажанов справедливо полагает, что вопросы, касающиеся ОМУ в этом регионе, "являются более сложными и серьезными, чем в других частях мира" (с. 174), и доказывает это, анализируя позиции США, Японии, Китая, а также ядерный кризис в Северной Корее. Этот кризис автор называет "самым серьезным кризисом" в Северо-Восточной Азии после корейской войны 1950-1953 гг.

Корейскому ядерному кризису уделено особое место в двух последующих разделах III главы: "Многостороннее сотрудничество в Корее: взгляд из России" и "Корея в российской политике". Приводя убедительные аргументы в пользу тезиса о полной неприемлемости военного решения корейской проблемы (с. 181-182), Е.П. Бажанов обращается к истории, рассматривая "традиционную политику" СССР в отношении региона Северо-Восточной Азии и, в частности, Кореи, переоценку этой политики при Президенте СССР М.С. Горбачеве и затем при первом Президенте РФ Б.Н. Ельцине, а также называет основные политические и экономические причины, которые привели к изменению российской политики на Корейском полуострове (с. 203-205).

Основной же акцент сделан Е.П. Бажановым на значимости Кореи в между-

народной стратегии Президента РФ В.В. Путина (с. 205-212), нацеленной на мирное урегулирование корейской проблемы в интересах и России, и других стран региона СВА, и всего мирового сообщества.

В разделе "Россия и Корея" (с. 215-232) Е.П. Бажанов на базе исторических фактов и оценки современного состояния российско-корейских отношений формулирует возможные варианты развития событий на Корейском полуострове — от совершенно неприемлемого для России военного, силового подавления северо-корейского режима до мирного урегулирования после преодоления ядерного кризиса. Суждения автора весьма убедительны, однако можно не вполне согласиться с ним в вопросе о роли США, поскольку Е.П. Бажанов полагает, что перспективы урегулирования ядерного кризиса и корейской проблемы в целом "во многом зависят от США" (с. 224).

Автор излагает и свое видение этапов корейского урегулирования (с. 229-232):

1) помощь КНДР в закреплении ощущения безопасности и ее международного признания;

2) постепенное создание прочной инфраструктуры межкорейских отношений;

3) установление официальных дипломатических отношений между Севером и Югом и заключение ими мирного договора;

4) существенные изменения в КНДР (складывание достаточно развитой смешанной экономики, формирование сравнительно открытой политической и военной системы, закрепление у власти реформистского, ответственного и предсказуемого правительства) и начало серьезных переговоров о слиянии двух Корей — сначала, видимо, в конфедерацию и лишь затем в унитарное государство.

Реалистически оценивая этот сценарий, Е.П. Бажанов пишет: "Разумеется, сценарий мирного и постепенного слияния двух Корей очень трудно реализовать. Почти невозможно. Но, с точки зрения России, стремиться к этому надо" (с. 232).

Еще два раздела главы "Азия" посвящены Китаю: тайваньской проблеме, ее сути, перспективам ее урегулирования и позициям Пекина, Вашингтона, Москвы,

Тайбэя по вопросу о воссоединении Тайваня с КНР (с. 233-242) и современному положению в КНР с акцентом на некоторые аспекты российско-китайских отношений (с. 246-254).

И, наконец, проблематика АТР в целом стала темой небольшой по объему, но весьма содержательной статьи "Перспективы АТЭС" (с. 243-245), где Е.П. Бажанов полемизирует с высказываемыми некоторыми специалистами критикой и негативной оценкой этой организации стран АТР. Автор излагает ряд аргументов в защиту АТЭС, в том числе нацеленность организации на решение конкретных задач экономического развития стран АТР, постепенное укрепление структуры АТЭС и включение в повестку дня ее работы военно-политической тематики. Е.П. Бажанов считает АТЭС "важнейшей организацией" и для России, полагая, что "лишь участвуя в организациях калибра АТЭС, можно воспитать новое поколение менеджеров и экономистов, которое окажется способным по-настоящему реформировать экономику Дальнего Востока и Сибири" (с. 245).

Тематика АТР в целом и отдельных стран региона, как уже отмечалось, присутствует, помимо главы "Азия", и в других главах книги — "Тенденции глобального развития" (с. 8-44) и "Россия" (с. 46-172). В последней кратко, но очень емко охарактеризованы современные российско-китайские отношения, названы существующие в них проблемы: рост присутствия граждан КНР на российском Дальнем Востоке и изменение впервые в истории соотношения сил между двумя державами в пользу Китая. Говоря о высказывающихся опасениях, что "КНР может начать оказывать на Россию геополитическое давление, теснить ее в региональном масштабе" (с. 113), своего отношения к подобным опасениям автор не формулирует.

Значительный интерес для китайеведов представляют оценки Е.П. Бажановым работ американских политологов о Китае в главе "США", написанной как воспоминания о работе автора в Генконсульстве СССР в Сан-Франциско в 1970-е гг. Аме-

риканскую политологию по китайской проблематике автор рассматривает в развитии, с 1930-х гг., когда "американские политологи по-настоящему заинтересовались Китаем" (с. 360). Е.П. Бажанов на конкретных примерах показывает активную роль ученых — китайеведов в формировании внешней политики США, называя их "важным элементом движущих сил китайской политики Вашингтона" (с. 365).

Заслуживают внимания изложение автором основных направлений в острой дискуссии среди американских синологов по китайской проблематике и по вопросу об американской стратегии в рамках "большого треугольника" СССР-США-КНР, происходившей в 1970-х гг., а также характеристика существовавших тогда в синологии США "трех школ" — либеральной, ультраконсервативной и умеренно консервативной (с. 365-371). Как показали будущие события, пишет Е.П. Бажанов, правы оказались те американские ученые, которые призывали политиков не делать ставку на перманентные геополитические противоречия между Москвой и Пекином: в начале XXI столетия посткоммунистическая Россия и реформирующийся коммунистический Китай превратились в стратегических партнеров и успешно сотрудничают друг с другом как в двусторонних отношениях, так и на международной арене. "Никто, конечно, — заключает автор, — не мог в 1970-х годах спрогнозировать такое развитие событий. Это к вопросу об опасности делать долгосрочные политические прогнозы" (с. 371).

Новая книга Е.П. Бажанова в первую очередь предназначена для политологов-специалистов по широкому кругу проблем международных отношений. Однако живое и конкретное изложение исторических событий, анализ тенденций развития мировой экономики и политики, регионов и отдельных стран в контексте культуры, традиций, национального характера различных народов делают рецензируемую книгу интересной и полезной для всех, кто стремится более глубоко и системно изучать многообразные и сложные процессы, происходящие в современном мире.

Как управляется Китай: Эволюция властных структур Китая в конце XX — начале XXI в. Второе, дополненное и обновленное издание. — М.: Памятники исторической мысли, 2004. — 476 с.

Вышло в свет второе издание монографического исследования "Как управляется Китай: Эволюция властных структур Китая в конце XX — начале XXI в.", подготовленное коллективом ученых Института Дальнего Востока РАН (руководитель авторского коллектива — д.ю.н. проф. Гудошников Л.М.) под редакцией академика РАН М.Л. Титаренко.

Необходимость нового издания вызвана, прежде всего тем, что в последние годы произошли серьезные изменения в организации системы государственной власти, управления и самоуправления, в деятельности правоохранительных и контрольных органов Китая. После XVI съезда КПК (ноябрь 2002 г.) произошли также серьезные персональные изменения в высшем руководстве страны, которое уже инициировало принятие важных поправок в Конституции КНР. Все эти изменения, безусловно, вызывают большой интерес не только среди ученых — китаеведов и практических работников, но и у самого широкого круга читателей, как в России, так и в других странах СНГ.

И хотя отдельные моменты монографии повторяют первое издание, рецензируемое исследование, безусловно, представляет собой качественно новый самостоятельный труд, в котором не только исследуются властные структуры Китая, но и обобщается опыт, который может быть полезен и для других государств.

Рецензируемая монография является сравнительным исследованием основных политических институтов КНР, Тайваня и специальных административных районов (САР) КНР — Сянган и Аомэнь, но в силу объективных причин больше внимания уделено институтам власти КНР и Тайваня, поскольку многие политические институты Сянган и Аомэнь находятся в стадии становления и еще не получили достаточного развития.

В работе в сравнительном аспекте анализируются в первую очередь партийно-политические системы, парламентские учреждения и представительные структуры, институт главы государства (регио-

на), административный, судебный и прокурорский аппараты, система государственной службы, механизм управления полицией и делами национальностей. В заключительном разделе монографии рассматриваются вопросы территориальной интеграции Китая.

Структура исследования была значительно изменена и улучшена авторами. Это, прежде всего, рассмотрение после КНР не "Китайской Республики" на Тайване, как в первом издании, а специальных административных районов (САР) Сянган и Аомэнь. Конечно, Тайвань — это важный объект изучения, однако при этом абсолютно справедливо основным приоритетом исследования выступает, прежде всего, сама КНР и ее специальные административные районы.

Справедлив вывод авторов о том, что, в конечном счете, судьбу региона будет решать развитие событий в КНР, и что объединение Китая безальтернативно произойдет на основе КНР. Именно КНР, занимающая основную часть территории страны, является единственным полноправным субъектом международного права, и именно она представляет Китай в ООН.

Авторы отмечают, что существующие различия в системах государственного управления и правоохранительной сферах в КНР и на Тайване не будут являться достаточно серьезным препятствием на пути территориальной интеграции страны. При этом основным препятствием подобной интеграции, видимо, может послужить различное понимание демократии в КНР и на Тайване. Развитие демократии на Тайване, как показывают авторы, идет по пути продвижения к западным стандартам. Вопрос в том — возможно ли их распространение на всю территорию страны и обеспечивают ли они подлинную демократию на самом Тайване, где в политической практике иногда случаются некоторые негативные положения.

Руководство КНР западную модель демократии решительно отвергает, что еще раз было подчеркнуто в решениях

XVI съезда КПК, поставившего задачи исходить "из собственных национальных реалий, подытоживать свой практический опыт и в то же время учитывать полезные достижения политической культуры человечества, но при этом ни в коем случае не копировать модели политической системы Запада" (с.468).

В настоящее время, по мнению авторов, можно говорить о существовании в современном Китае четырех политических субъектов, которые осуществляют три различных системы организации власти и управления: большая часть страны КНР имеет систему власти, близкую к советскому типу с партokratическим государственным режимом; своя система власти имеется в Сянгане и Аомэне — самостоятельных самоуправляющихся единицах с собственной системой организации власти; и, наконец, есть система власти в Китайской Республике на Тайване, осуществившей переход от однопартийной диктатуры к многопартийной демократии. Две последние системы власти авторы определяют как имеющие временный характер, исчисляемый, возможно, предстоящими десятками лет (с. 6). На Тайване подобная система, весьма вероятно, просуществует и в том случае, если будет достигнуто соглашение между материковым Китаем и Тайванем о переходе последнего под суверенитет КНР. Как известно, властям Тайваня заранее обещано сохранение существующего там политического строя и даже своих вооруженных сил.

Развитие КНР определяет Коммунистическая партия Китая. Исследуя феномен КПК, сумевшей сохранить свои позиции в китайском обществе, тогда как в большей части бывших социалистических стран коммунистические партии были отстранены от власти, авторы исследования объясняют его не только специфическими условиями Китая, но и политической тактикой руководства КНР, которое "продемонстрировало гибкий подход к марксизму-ленинизму, смогло отказаться от целого ряда догматических положений ... и трансформировало идейно-теоретическую платформу КПК путем использования традиционных ценностей и идей национального патриотизма" (с.467). Авторы уделяют пристальное внимание всем, даже кажущимся на первый взгляд незначительными, новациям в области теории и практики государственного строительства. Так, подробно анализируются наиболее часто используемые китайские лозунги и

понятия, а также изменения в их трактовке (например, термин *сяохан*, который первоначально связывался со средним материальным достатком, а в настоящее время в трактовке XVI съезда КПК охватывает как материальную, так и духовную и политическую сферы).

Значительное внимание в монографии уделено административной реформе, которая трактуется в КНР как первый шаг реформы политической системы. И хотя преобразование в политической сфере не такие видимые, как в сфере экономики, но и они имеют место, что убедительно показано в книге. Так, уже давно в КНР нет безальтернативных выборов в представительные органы власти, отсутствует единоегласное голосование на сессиях ВСНП и др.

Безусловно, большой читательский интерес вызовут главы, посвященные организации власти в бывших британской и португальской колониях — Гонконге (Сянгане) и Макао (Аомэне). Там функционируют государственные структуры, в которых доминирует исполнительная власть, во многом схожая с властью губернаторов колониального периода, которая лишь в незначительной степени ограничена представительными учреждениями. Система самоуправления САР базируется на собственных политических институтах, многие из которых в модернизированном виде перешли из колониального прошлого. Авторы подробно анализируют политико-правовой статус САР, особенности законодательства, права Центра в отношении САР. Как известно, нормативные акты САР направляются на регистрацию в Постоянный комитет ВСНП. Закон предусматривает возможность возвращения ПК ВСНП, направленных ему на регистрацию и уже вступивших в силу законов САР. Такой закон не может быть подвергнут в Центре каким-либо изменениям, однако он в этом случае теряет силу, что еще раз подчеркивает унитарный характер КНР. При этом, как известно, контроль со стороны Центра охватывает лишь сравнительно небольшую сферу государственно-правовых отношений и не затрагивает сферу экономики. Более того, в САР сохраняются прежние системы права, и САР полностью независимы в вынесении судебных решений. В частности, в САР функционируют суды окончательной инстанции, решения которых обжалованию не подлежат.

Особый интерес представляет разви-

тие событий в Гонконге, в котором, в отличие от соседнего Макао, кипят нешуточные страсти, способные подорвать стабильность в регионе. В частности, это относится к деятельности политических партий в Гонконге, и, прежде всего Демократической партии, Демократического альянса за улучшение Сянган и Либеральной партии.

Значительный интерес, несомненно, вызывают главы, где показаны новые социальные и политические явления, появившиеся в Китае в последние годы. Прежде всего, это относится к осуществлению в КНР широкомасштабного социального эксперимента по созданию в городских районах новых общественных объединений — территориальных общин (*шэ-цзюй*) с целью улучшения управления в городах, повышения роли городских кварталов, повышения активности местного населения, улучшения его обслуживания и т.д. Община также призвана осуществлять связь государственного управления с населением городов на низовом уровне. Авторы делают вывод о том, что со временем "городские общины превратятся в важные социально активные ячейки китайского общества в городах в новых условиях. Но, как представляется, это будет не скоро, ибо самоуправление в полном объеме с большим трудом входит в жизнь КНР" (с.226).

Большое внимание в книге уделено вопросам деятельности правоохранительных органов, и в частности — судам и судебной реформе в КНР. Авторы показывают, что эта реформа направлена, прежде всего, на улучшение качества судебных решений, строгое соблюдение процессуальных норм, тщательную проверку обстоятельств дела и доказательств, пра-

вильное составление судебных документов и т.д. Эта реформа также предусматривает повышение роли народных заседателей в судебном процессе.

Усилия по реформированию судебной системы имеют место и на Тайване, в частности, ряд мер приняты в 1987 и 1994 гг. С 1994 года начался процесс, предусматривающий важные изменения в верхнем эшелоне судебной власти, в частности, предусматривается преобразовать Палату юстиции из органа, наблюдающего за судами и осуществляющего функции конституционного контроля, в орган, непосредственно осуществляющий правосудие (с.385).

Говоря в целом о достоинствах данного издания, нельзя также не отметить важный новый положительный момент, появившийся во втором издании — показ важнейших достижений КНР в основных областях, который в 1-ом издании был отражен слабо.

Считаю необходимым выразить неудовлетворение значительными количеством опечаток, которые идут уже с первой страницы. Говоря в целом о достоинствах данного издания, нельзя также не отметить важный новый положительный момент, появившийся во втором издании — это показ важнейших достижений КНР в основных областях, который присутствовал в 1-ом издании, но был отражен слабо.

Можно согласиться с выводами авторов монографии о том, что предпринятые в КНР шаги по укреплению правовой базы, в частности, совершенствование конституционного законодательства, принятие большого числа законов и других нормативных актов, могут в дальнейшем создать в стране режим управления, целиком опирающийся на правовые нормы (с.16).

В.К. Блюхер в Китае. 1924-1927 гг. Новые документы главного военного советника / Сост., отв. ред., авт. введения и примечаний А.И. Картунова. М.: Наталис, 2003. 560 с. с илл.

Среди участников военных и политических событий в Китае, происходивших на протяжении 20-х гг. XX столетия, особое место занимает выдающийся советский полководец Василий Константинович Блюхер (1890-1938 гг.). Он дважды (сентябрь 1924 г. — конец мая 1925 г. и май 1926 г. — сентябрь 1927 г.) откомандировывался в Китай, где занимал пост начальника Южнокитайской группы военных советников и одновременно главного советника Гуанчжоуского (с 1 июля 1925 г. — Национального) правительства, созданного под эгидой партии Гоминьдан. Его роль в китайской национальной революции емко определил в сентябре 1927 г. бывший министр иностранных дел Национального правительства Евгений Чэнь (Чэнь Южэнь), который отмечал, что В.К. Блюхер "был главным инициатором преобразования Южной армии из средневековой в модернизированную... автором совершенно новой для Китая тактики Южных армий... громадные военные успехи Южных армий и их блестящая тактика... были совершенной неожиданностью для всех, также и для иностранцев, и это есть заслуга т. Галина (псевдоним В.К. Блюхера. — А.Ю.)" [цит. по: Картунова А.И. Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. — июль 1927 г.). Изд. 2-е, дополн. и испр. М., 2001. С. 294].

Масштаб событий, в которых одна из ведущих ролей принадлежала В.К. Блюхеру, и сам масштаб его личности обуславливают интерес историков к жизни и деятельности этого полководца. Его работе в Китае, помимо целого ряда мемуаров и статей, посвящалось выходящее отдельной книгой исследование А.И. Картуновой, сопровождавшееся подборкой документов (Блюхер в Китае. 1924-1927 гг. Документированный очерк. Документы. М., 1970, 1979). Значительное место отведено В.К. Блюхеру и в принадлежащей А.И. Картуновой монографии, цитата из которой приведена выше. Составленный ею сборник документов раскрывает новые стороны деятельности Блюхера в Китае и проливает свет на подоплеку целого ряда важнейших политических и военных событий того времени.

Из 17 включенных в сборник документов 13 составлены самим В.К. Блюхе-

ром. Четыре документа, помещенные в приложение, на основе косвенных свидетельств позволяют уточнить позиции Блюхера по ряду дискуссионных военно-политических проблем, особенности его советнического "почерка", отношение московского руководства к его деятельности в Китае.

Основной блок материалов открывается первой из известных телеграмм, направленных Блюхером из Гуанчжоу (Кантона). В этой телеграмме полпреду Л.М. Карахану от 7 декабря 1924 г. (док. № 1) В.К. Блюхер дал общую характеристику военной ситуации на территории, контролируемой Южнокитайским правительством. Он заключил, что опора исключительно на "рабоче-крестьянское движение" не позволит "удержать Кантон под нашим влиянием" и для этого необходима "военная сила", т.е. вооруженные формирования. Среди воинских соединений Кантона он выделил две группировки: первая была заинтересована в Кантоне "как в доходном месте" и представлена в первую очередь войсками юньнаньской армии; другая, "идущая за нацревдвижением", включала часть кантонской армии и "безусловно верное ядро Вампу" (созданную с советской помощью военную школу Хуанпу, на местном диалекте — Вампу, и ее учебные полки). "Укрепить положение Кантона", по мнению Блюхера, можно было, только "изгнав безыдейных пришельцев" и улучшив материальное снабжение и вооружение верных правительству частей за счет помощи из СССР. Он представил конкретный перечень необходимого армии оружия и снаряжения, причем настаивал на оперативности и массивности поставок.

Реальные события подтвердили правильность выводов главного военного советника: в мае 1925 г. юньнаньско-гуаньсийская группировка подняла мятеж, подавленный верными Южнокитайскому правительству частями.

Основную часть объема сборника (с. 57-467) занимает публикация рукописи под общим названием "Гуандун. Очерк военных событий. Декабрь 1924 г. — июль 1925 г." (док. № 2). Она была завершена В.К. Блюхером после первой командировки на юг Китая, в сентябре 1925 г. Этот материал задумывался как развернутая

справка для коллег-советников. Он содержит подробный анализ военно-политического положения в Гуандуне к концу 1925 г. (с. 57-98); сведения о подготовке I Восточного похода (февраль-апрель 1925 г.) против армии Чань Цзюньмина (с. 99-128); характеристику противоборствовавших на Юге армий, а также театра военных действий и общественных организаций южнокитайских военных (с. 129-183); ход военных действий во время I Восточного похода (с. 184-300); военно-стратегические планы гоминьдановского генералитета и их мотивы (с. 301-314); описание политической борьбы внутри Гоминьдана после кончины Сунь Ятсена в марте 1925 г., перипетии мятежа юньнаньских и гуансийских генералов против Гуанчжоуского правительства и ход его подавления в мае-июне 1925 г. (с. 397-432); данные о положении в Гоминьдане, реформе правительства и планах реорганизации гоминьдановской армии летом 1925 г. (с. 433-459).

Особый интерес представляют свидетельства очевидца о подробностях взаимоотношений в южнокитайском генералитете (см., например, с. 121-126, 251-253 и др.), сводная информация об армиях гоминьдановского правительства, прежде всего о военной школе и частях Хуанпу — главной его опоре (с. 129-163). Совершенно новыми для отечественных исследователей являются сведения о планах наступления войск южнокитайского правительства на провинцию Фуцзянь (с. 301-305), о взаимоотношениях между Чан Кайши и командующим кантонской армией Сюй Чунчжи (с. 292-297) и др.

Документы № 3-9 и 12 посвящены Цзянсийской операции (сентябрь-ноябрь 1926 г.) Северного похода Национально-революционной армии (НРА). Подробно описывается ход операции, анализируются причины ее неудачи на начальном этапе (провал первого штурма Наньчана), расстановка сил в гоминьдановском генералитете (в том числе на основании китайских документов), отношения внутри него. Документы очевидно свидетельствуют, что на том этапе кампании Блюхер был лишен поддержки со стороны политического руководства группы советников, остававшегося в Гуанчжоу, не получал ответов на свои многочисленные телеграммы и вынужден был брать на себя ответственность даже за политические решения.

Об этом говорят также документы № 10 и 11 — письма в адрес ЦК КПК. В них Блюхер объяснял китайским коммунистам обстановку в армии и не всегда понятные им мотивы своих решений. В частности, он по мере сил стремился влиять на отношения между китайскими ге-

нералами, не допускать сговоров и блоков в ущерб национальной революции (с. 500). Наиболее насыщенными неизвестными деталями о Хубэйской и Цзянсийской операциях Северного похода (в частности, о соперничестве генералов Чан Кайши и Тан Шэнчжи, о способах воздействия Блюхера на китайских генералов, о решении Блюхером политико-стратегических задач) составитель сборника справедливо называет документы № 10, 11 и 12. Документ № 10, например, показывает, как В.К. Блюхер подталкивал Чан Кайши к тому, чтобы тот направил Ван Цзинвэю (в то время лидеру "левого" Гоминьдана) приглашение вернуться из-за границы в Китай. Документ № 12 раскрывает планы главного военного советника относительно "упорядочения корпусов" (т.е. реорганизации армии), настоятельно необходимой вследствие больших потерь, которые понесли наиболее надежные войска, и формального присоединения к НРА огромного числа "попутчиков"-милитаристов. Однако осуществление этих планов требовало единства командования армией, которое так и не было достигнуто.

В приложении особенно интересными представляются документы № 1, 3 и 4. Документ № 1 — "Положение о южнокитайской группе военно-политических работников", разработанное под руководством Н.В. Куйбышева (Кисаньки), занимавшего осенью 1925 — весной 1926 г. пост главного военного советника, показывает значительные расхождения с нормативными документами, разработанными для школы Хуанпу в 1926 г. В "Положении" военным советникам прямо предписывалось "руководить" деятельностью соответствующих управлений и служб, а каждому советнику в корпусах — "быть активным участником в разрешении вопросов, стоящих перед начальником", т.е. командиром соединения (с. 524-529). Как известно, попытки придать советникам руководящие функции стали одной из причин "событий 20 марта" 1926 г. — фактически переворота, организованного сторонниками Чан Кайши и приведшего к значительному усилению его позиций. На недопустимость такого положения, когда советники "командовали китайскими генералами", указала комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) под руководством А.С. Бубнова, по горячим следам разбиравшая причины и итоги "событий 20 марта". В нормативных документах Хуанпу советникам уже было вменено в обязанность действовать исключительно через китайское командование.

В документах № 3 (докладной записке представителя полпреда М. Юшкевича К.Е. Ворошилову, составленной не

позднее конца апреля 1927 г.) и № 4 (стенограмма доклада советника Радкевича Ворошилову) раскрываются, в частности, детали взаимоотношений Блюхера с главным политическим советником М.М. Бородиным. Так, Бородин весной 1927 г. задерживал отправку почты руководству, чтобы воспрепятствовать доведению до него точки зрения Блюхера на обстановку в Ухани (резиденции Национального правительства) (с. 536-537). Главным пунктом этих разногласий было отношение к Чан Кайши. Блюхер считал, что после взятия войсками НРА Шанхая (март 1926 г.) ситуация для разрыва Уханьского правительства с Чаном, которого поддерживает армейское большинство, неблагоприятна, а массовое рабоче-крестьянское движение на том этапе не способно заменить действия регулярной армии. По мнению же Бородина, Чан Кайши поддержки в армии почти не имел, а в уханьском ("левом") Гоминьдане созрели серьезные политические силы, которые пользуются поддержкой рабочих и крестьян. В документах приводятся конкретные факты деятельности Бородина, ведущей к ускорению разрыва Уханьского правительства с Чаном. Так, он противодействовал поддержке войсками Уханя и советниками наступления соединений Чан Кайши на Шанхай и Нанкин.

Подборка документов в сборнике представляется тщательно продуманной и весьма репрезентативной. Следует отметить также информативность написанного А.И. Картуновой введения, лишней раз подтверждающего научную квалификацию составителя. Там кратко и в то же время чрезвычайно емко изложена проблематика, затронутая в документах, четко указаны элементы принципиальной научной новизны изложенных в них сведений. Замечание можно высказать лишь по поводу пассажа о том, что "целью деятельности военных советников было реформирование существовавшей и создание революционной армии... сначала для освобождения Гуандуна... а в дальнейшем для подготовки армии к Северному походу и его осуществлению для решения задачи

объединения Китая и его национального освобождения" (с. 11). Дело в том, что Москва не ставила цели подготовки к Северному походу по крайней мере до середины 1926 г. видя ближайшие перспективы национальной революции в Китае в формировании коалиционного правительства, в которое вошли бы и представители революционного Юга. Это хорошо показано в монографии Н.Л. Мамаевой "Гоминьдан в национально-революционном движении Китая (1923-1927)" (М., 1991). Соответственно, не было такой цели и у советнической группы. Другое дело, что прозорливость В.К. Блюхера позволила ему увидеть неизбежность попыток осуществления Гоминьданом своих программных военных планов (о намерениях "последующего движения на Север" он упоминает, в частности, в документе № 2, с. 442). Соответственно, рекомендации Блюхера по укреплению армии Гоминьдана предусматривали меры к тому, чтобы эти попытки не привели к поражению китайской революции.

Рецензируемая книга открывает новые возможности для аналитических работ по целому ряду научных проблем. Наиболее актуальные из них, как представляется, — это вопросы об отношениях внутри гоминьдановского руководства и генералитета, в руководстве советнического корпуса, о роли отдельных представителей советского руководства и советников в китайской национальной революции, оценка их персональных заслуг в ее победах и ответственности за ее поражения. Не утратило актуальности и дальнейшее изучение деятельности В.К. Блюхера в Китае. Как отмечает А.И. Картунова, из составленных им документов опубликована лишь малая толика: только за время Северного похода и в течение августа-сентября 1927 г. им было составлено по меньшей мере 217 телеграмм (с. 34-35). Публикация сборника, подготовленного А.И. Картуновой, несомненно представляет собой крупный шаг в развитии исторических изысканий по проблемам участия Москвы и ее представителей в китайском революционном движении.

**Лифуцин. Гудянь сяошо юй чуаньшо
(Лифуцин ханьсюе луныцзи) [Рифтин. Классический роман и
предания (собрание синологических статей Рифтина)].**

Пекин: Чжунхуа шуцзюй. 2003. 7 + 15 + 470 с.

Перед нами сборник синологических трудов члена-корреспондента РАН Б.Л. Рифтина, составленный проф. Ли Минбинем и изданный в Китае на китайском языке. Самая ранняя из включенных работ была опубликована в 1974 году, а самая поздняя — в 2001 году, но основу сборника составляют труды, созданные в 90-х годах. В это время Б.Л. Рифтин работал за границей, на Тайване, в КНР, Южной Корее и Японии. Его статьи в это время публиковались за границей и практически малоизвестны у нас, а сделано было много.

Книгу открывают 18 иллюстраций, воспроизводящих китайские народные лубочные картины, в самом Китае никому неизвестные, поскольку они были найдены и в буквальном смысле слова открыты Б.Л. Рифтиным за пределами Китая, в Австрии и Германии, во Вьетнаме и Корее, в нашем Санкт-Петербурге и даже в частной коллекции в Москве. Три из опубликованных оригиналов принадлежат самому собирателю и первооткрывателю этого наследия китайского народного искусства.

К сборнику трудов приложена самая полная на сегодняшний день библиография трудов Б.Л. Рифтина за 1951-2002 годы из 255 номеров. Она составлена с образцовой для нас китайской тщательностью: например, под номером 125 указана не только статья "Китайская мифология" в известной энциклопедии "Мифы народов мира", но и публикация ее перевода на китайский язык, и конкретные словарные статьи этой энциклопедии, и редакторская над ней работа.

В этом сборнике, адресованном китайским коллегам ученого, Б.Л. Рифтин предстает в разных ипостасях, поскольку он трудится в разных направлениях с неизменным успехом. Предпосланные сборнику иллюстрации демонстрируют его как собирателя и первооткрывателя китайского народного искусства — лубка. Коллекционирование китайского лубка органично сочетается с библиографичес-

кими разысканиями. Им составлена библиография публикаций гуандунского фольклора, сохранившихся в России и зачастую не попадавших в китайские библиографии. У Б.Л. Рифтина зафиксировано 20 номеров из московской Библиотеки иностранной литературы, три номера из фондов Санкт-Петербурга, 17 номеров, закупленных Российской государственной библиотекой в 90-х годах, 21 номер гуандунского жанра "наньинь" и еще 12 песенных текстов вне жанровой определенности; каталогизировано также 52 текста пьес гуандунского театра юэцзюй. Составленную библиографию собирателя украшает список из шести театральных текстов, находящихся в его собственном владении.

Замечательна значительная работа Б.Л. Рифтина по дополнению китайских библиографий классического романа и фольклорных произведений на основе изучения китайских фондов библиотек России. В качестве дополнения к ныне существующим каталогам Сунь Кайди, Чжао Цзиншэня, Фу Сихуа Б.Л. Рифтин предлагает на основе хранящихся у нас китайских оригиналов, в том числе старопечатных, более 170 номеров. Это достойный вклад отечественного китаевода в библиографию китайского романа и фольклора. Благодаря библиографическим статьям Б.Л. Рифтина фонды отечественных книгохранилищ становятся известными китайским специалистам, которые смогут приезжать и трудиться в России над открытыми им китайскими источниками, спасая свое наследие от забвения.

Б.Л. Рифтин не только коллекционер, библиограф и первооткрыватель, но и в первую очередь замечательный фольклорист. Китайская классическая литература, прежде всего представленная жанром романа, изучается им в аспекте взаимосвязей в устном народным творчеством. Знаменитое "Троецарствие" исследуется им в связи с народной эпической поэзией, конкретно Гуань Юю посвящена статья о возникших вокруг этого попу-

лярного в народе персонажа преданиях и религиозном культе божества Гуаньди. Другой персонаж — Чжугэ Лян изучается по фольклорному материалу не только ханьцев, собственно китайского этноса, но и по фольклору национальных меньшинств Юго-Запада Китая. Та же методика применена ученым к исследованию классического романа У Чэньэня "Путешествие на Запад," и совершенно логично возникает обобщающая работа о взаимосвязях китайского романа и фольклора, китайской народной литературы.

Знаменитые фигуры китайской мифологии изучаются Б.Л. Рифтиным путем сравнения. Он пишет: "Фуси — типичный культурный герой" (с. 169) и доказывает свой тезис на широчайшем сравнительном этнографическом материале от мифов аборигенов австралийского штата Виктория до Гильгамеша из древнего Шумера. Он сопоставляет изготовителя кантеле из "Калевалы" финского Вяйнемуинена с китайцем Фуси, изготовившем гусли — сз. Сравнительный подход к китайскому фольклору ученый применяет всю жизнь, начиная с первых работ 1958 года, посвященных преданиям о Хань Сине, как он сам пишет в статье о своей пятидесятилетней деятельности на ниве китаеведения, помещенной в сборнике вместо предисловия.

Рассказывая о себе, Б.Л. Рифтин вспоминает, что его научная деятельность начиналась с фольклорных записей у дунган, потомков китайских мусульман из Ганьсу и Шэньси, в 70-х годах XIX века эмигрировавших на территорию Казахстана и Киргизии. В 90-х годах XX века он уже вел фольклорные записи у аборигенов Тайваня, став нашим опытнейшим

фольклористом. При этом Б.Л. Рифтин никогда не порывал еще с одной ипостасью в науке, занимаясь историей отечественного китаеведения. Им написана книга "Изучение китайской классической литературы в СССР", которая была издана в КНР и на Тайване (с. 11). Эта сторона его трудов представлена в сборнике статей "Китайская литература в России в XVIII и первой половине XIX века", на сегодняшний день наиболее полной и документированной.

Публикация настоящего сборника крупным и авторитетным китайским издательством является наилучшим свидетельством признания научных заслуг российского ученого китайской научной общественностью. В предисловии проф. Ли Минбиня говорится: "Рифтин, начав с фольклора, постепенно распространил сферу исследования на простонародную и классическую литературу, а в дальнейшем затронул многие стороны китайской традиционной культуры. У него творческое понимание китайской литературы, он анализирует китайский роман сравнительным методом, у него своеобразный подход, новые трактовки, высокая содержательность. Использование в современном романе традиционных приемов китайского классического романа проанализировано тонко и изящно, некоторые суждения превосходят его предшественников, и даже лучше, чем у китайских коллег" (с. 2-3).

Остается присоединиться к этому суждению проф. Ли Минбиня и оценить работу ученого за границей за последние пятнадцать лет как весьма успешную и значительную для авторитета отечественного китаеведения.

Юбилей ученого

Олегу Борисовичу Рахманину 80 лет

7 октября 2004 года исполняется 80 лет видному российскому китаеведу и общественному деятелю, доктору исторических наук, профессору Олегу Борисовичу Рахманину.

В 1939 г., окончив неполную среднюю школу в Москве, Олег Рахманин стал курсантом 1-ой Московской специальной артиллерийской школы, по окончании которой и после прохождения курса обучения в 1-м Томском артиллерийском училище он в 1942-45 гг. служил в рядах Советской Армии. 6 сентября 1943 г. лейтенант Рахманин в одном из боев получил тяжелое ранение.

Когда в конце 1945 года после демобилизации 21-летний О.Рахманин пришел на работу в Министерство иностранных дел СССР, за плечами этого совсем молодого человека был уже богатый и суровый опыт фронтовика — сол-

дата Великой Отечественной войны, начальника разведки артдивизиона, участника боев на Курской дуге.

После учебы и прохождения дипломатической практики О.Б.Рахманин в 1946-1949 гг. работал в генконсульствах СССР в китайских городах Чанчуне и Харбине. Именно с Китаем он связал всю свою последующую жизнь и многогранную трудовую деятельность.

Возвратившись в 1949 году в Москву, Олег Борисович два года проработал в Центральном аппарате МИД СССР. В 1951 году он был снова направлен в Китай, где прошел двухгодичное обучение в специальной школе китаеведения и окончил экстерном факультет истории международных отношений Народного университета в Пекине. Все это время до 1958 года О.Б.Рахманин исполнял обязанности второго, а затем первого секретаря посольства СССР в КНР. Благодаря хорошему знанию китайского языка он неоднократно был участником советско-китайских переговоров на высшем уровне, в том числе с Мао Цзэдуном, Лю Шаоци, Чжоу Эньлаем, Дэн Сяопином и другими руководителями Китая.

В 1958-1960 гг. Рахманин обучался в Высшей дипломатической школе МИД СССР (ныне Дипломатическая академия), а затем в течение трех лет работал советником советского посольства в Китае. С 1968 по 1986 гг. О.Б.Рахманин работал в Центральном Комитете КПСС, пройдя путь от референта до первого заместителя заведующего Отделом ЦК.

Многолетняя работа Рахманина на дипломатическом поприще вновь активизируется в 1970-80-е гг. В июле 1975 г. Олег Борисович избирается председателем Комиссии по иностранным делам Верховного Совета РСФСР. Затем в 1984 году он становится заместителем председателя Комиссии по иностранным делам Совета Союза. В 1985 году Указом Президиума Верховного Совета СССР ему присваивается ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла.

Находясь на руководящих постах в сфере советской внешней политики, О.Б.Рахманин стремился содействовать раскрытию "белых пятен" в истории советско-китайских отношений, развитию отечественного китаеведения. С его усилиями связано открытие для научных исследований материалов архива Коминтерна, относящихся к Китаю, архивных документов КГБ о деятельности репрессированных советских политических и военных советников в Китае. Весом и значителен его вклад в создание Института Дальнего Востока, в организацию издания журнала "Проблемы Дальнего Востока", членом редколлегии которого он длительное время являлся. О.Б. Рахманин был также одним из инициаторов создания Всесоюзной ассоциации китаеведов и входил в состав ее руководства.

Результаты научной деятельности Олега Борисовича воплощены в ряде монографий, большом количестве брошюр, журнальных и газетных публикаций. Главная тема его изысканий — история советско-китайских отношений в период после 1945 г. Особое место среди трудов Рахманина по этой теме занимает очерк истории отношений между СССР и Китаем в период с 1945 по 1980 гг., в котором освещались важнейшие аспекты межпартийных и межгосударственных связей, ключевые моменты внешней политики КНР. Он ввел в научный оборот большой объем новых данных, ставших важным источником для других исследователей, вызвавших большой интерес зарубежных сиологов. Эта работа была переведена на многие иностранные языки.

Серьезное внимание в своих работах, которые в 1960-80-е гг. Рахманин публиковал под псевдонимами О.Б.Борисов, О.Владимиров, О.Иванов, он уделял проблемам внутреннего развития Китая, рассматривавшимся, как правило, в тесной связи с состоянием советско-китайских отношений. Анализу идеологической борьбы в КНР, содержания и практического преломления теоретических концепций Мао Цзэдуна во внутренней и внешней политике Китая посвящены, в частности, монография "Внутренняя и внешняя политика Китая в 70-е годы", книга "Страницы политической биографии Мао Цзэдуна".

Труды О.Б.Рахманина проникнуты искренним уважением к китайскому народу, его древней культуре и достижениям в строительстве нового Китая. Об этом свидетельствует, например, его книга "Из китайских блокнотов", в которой автор рассказывает о встречах с выдающимися писателями, артистами, композиторами КНР, о народных традициях, обычаях, праздниках этой страны.

В течение ряда лет О.Б.Рахманин был первым заместителем председателя Центрального правления Общества советско-китайской дружбы, которое в значительной мере вследствие его стараний не снижало своей активности даже в самые трудные для отношений между нашими странами времена. Он исполнял также обязанности его председателя, являлся членом президиума Советского Комитета солидарности стран Азии и Африки. Ныне О.Б. Рахманин — почетный член Российско-Китайского комитета дружбы, мира и развития.

С марта 1987 года Олег Борисович становится научным сотрудником Института военной истории Министерства обороны СССР, а затем — ведущим научным сотрудником и членом Ученого совета этого института. Его интересы концентрируются на исследовании современных проблем КНР, включая военно-политические аспекты, а также на вопросах геополитики и безопасности. Он принимал непосредственное участие в составлении и издании 11-го тома «Истории Второй мировой войны 1939-1945 годов». Его перу принадлежит целый ряд научных работ, затрагивающих темы победы Вооруженных сил СССР на Востоке, хода Второй мировой войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе, конфликта на КВЖД, военного строительства в КНР и реформ в китайской армии.

Как историк-международник Рахманин подготовил и издал более 100 научных трудов. За учебник «Внешняя политика Советского Союза» ему была присуждена Государственная премия СССР. Ряд книг Олега Борисовича издан в США, Японии, Китае, Гонконге, в некоторых европейских странах.

О.Б.Рахманин награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1 степени, Дружбы народов, двумя медалями «За отвагу», отмечен рядом зарубежных наград. За вклад в развитие науки О.Б. Рахманин удостоен серебряной медали имени П.Л. Капицы.

Олег Борисович и поныне продолжает активную научную и общественную деятельность. Он — действительный член Российской академии естественных наук, Международной академии информатизации, Академии проблем дипломатических наук и международных отношений, член Союза журналистов России, лауреат этой организации за вклад в международную публицистику.

На всех участках своей деятельности О.Б.Рахманин проявил себя как человек непоколебимой идейно-политической стойкости, безупречной принципиальности, высоких нравственных качеств. Все, кто знает Олега Борисовича лично, единодушно отмечают его неутомимое трудолюбие и добросовестность в больших и малых делах, доброжелательность к людям, верность товариществу, неунывающий дух, неиссякаемую энергию и инициативность, доброе чувство юмора.

Сотрудники Института Дальнего Востока РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» поздравляют Олега Борисовича с 80-летием и желают ему доброго здоровья, дальнейшей творческой активности и долгих лет жизни.

Якову Михайловичу Бергеру 75 лет

Я.М.Бергер родился 12 сентября 1929 г. в г. Уфа. В 1952 г. с отличием окончил китайское отделение Московского института востоковедения.

Научную деятельность Я.М.Бергер начинал как исследователь проблем экономической географии Китая. С 1953 по 1965 гг. работал в Институте географии АН СССР. В 1957 г. принимал участие в Синьцзянской комплексной экспедиции АН КНР. В 1958 г. проходил стажировку в Институте географии АН КНР. В конце 50-х — начале 60-х годов он опубликовал ряд работ по вопросам размещения производства в Китае: в коллективных трудах "География КНР" (М., 1956) и "Вопросы географии сельского хозяйства КНР" (М., 1959), в географических ежегодниках (М., 1958-1962), в Краткой географической энциклопедии и других публикациях. В 1959 г. вышла в свет книга "Китай: очерки экономической географии" (М., 1959), которая была переведена в США (China, An economic Scetch. № -У, 1959). В 1962 г. Я.М.Бергер защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата географических наук на тему "Экономико-географическая характеристика Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР".

С середины 60-х годов основным направлением его исследований становятся социально-политические и социально-экономические проблемы современного Китая. В 1965 г. он переходит на работу в Отдел истории ИЭМСС АН СССР. После создания Института Дальнего Востока АН СССР в 1967 г. Я.М.Бергер становится одним из его ведущих сотрудников, сначала как заведующий сектором информации, а затем как руководитель сектора общих проблем. Под его руководством была основана система информационных изданий ИДВ. Одновременно он принимал участие в подготовке ряда аналитических докладов и записок для директивных органов. В его публикациях в эти годы исследовались истоки так называемой "культурной революции" в Китае и ее различные аспекты. Этим вопросам посвящена написанная им (под псевдонимом Я.Михайлов) совместно с А.М.Григорьевым и Б.Н.Занегиным брошюра "К

событиям в Китае" (М., 1967), которая затем в расширенном варианте вышла на английском (Development in China. М., 1968) и некоторых других языках. Эта проблематика была отражена также в подготовленных при участии Я.М.Бергера коллективных монографиях "Китай сегодня" (М., 1969) и "Китайская Народная Республика. Экономика, государство и право, культура" (М., 1970), в его работах, опубликованных в информационных сборниках ИДВ (например, "Этапы "культурной революции" в Китае" и "Хроника "культурной революции" в КНР") и других периодических и непериодических изданиях.

В 1970 г. Я.М.Бергер переходит на работу во вновь созданный Институт научной информации по общественным наукам АН СССР на должность заведующего отделом (с 1990 г. — главного научного сотрудника). В 70-х и 80-х годах исследовательская деятельность Я.М.Бергера в области китаеведения сочетается с научно-информационной в области социальных и политических наук. С началом реформ в Китае главным объектом исследований Я.М.Бергера становятся социальные процессы в китайской деревне. Этой проблематике посвящен ряд научно-аналитических обзоров, опубликованных ИНИОН АН СССР в 1982-1986 гг. отдельными изданиями: "Социально-экономические проблемы современной китайской деревни", "Население и продовольственные ресурсы в Китае", "Коллектив и крестьянин в современной китайской деревне", "Проблемы управления в китайском сельском хозяйстве", "Семейное крестьянское хозяйство и проблемы кооперирования в китайской деревне". Эта работа завершилась защитой в 1987 г. диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме "Социальные процессы в современной китайской деревне" и изданием в 1989 г. монографии с тем же названием.

Одновременно в 70-е и 80-е годы Я.М.Бергер выступал в качестве ответственного редактора нескольких десятков реферативных и обзорно-аналитических сборников по глобальным проблемам, по ключевым вопросам развития гуманитарных и социальных наук за рубежом и в СССР. Под его редакцией впервые на русском языке были опубликованы переводы ряда важнейших работ таких мыслителей Запада, как Макс Вебер, Карл Ясперс, Карл Мангейм, Р.Арон, Д.Белл и др. В 1984 г. под редакцией Я.М.Бергера вышла в свет коллективная монография "Современные буржуазные теории общественного развития" (М., 1984).

В 90-е годы основные научные интересы Я.М.Бергера связаны с проблемами модернизации Китая. По этой тематике им опубликован ряд работ в выходившей под его редакцией серии научно-аналитических сборников ИНИОН "Переход к рынку в КНР: Общество, политика, экономика", "Переход к рынку к КНР: наследие прошлого и прорыв в будущее" (1994), "Китай: от закрытого общества к открытому миру" (1995). Этим же темам посвящены его статьи в журналах "Проблемы Дальнего Востока", "Полис" и др.

В 2000 г. Я.М.Бергер возвращается на работу в Институт Дальнего Востока РАН на должность главного научного сотрудника. Он исследует процессы современного социально-экономического развития Китая и стран Северо-Восточной Азии, прежде всего те, что происходят на стыке экономического роста

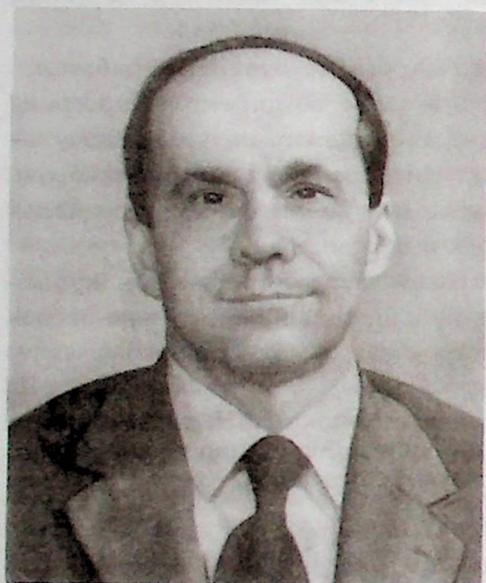
и социальной сферы. Под этим углом зрения рассматриваются и важнейшие политические события, происходящие в Китае, включая XVI съезд КПК, 1-ю сессию ВСНП 10-го созыва, 3-й пленум ЦК КПК XVI созыва. Результаты его исследований опубликованы в коллективных монографиях и сборниках: "Российско-китайские отношения и проблема многополярного мира" (М., 2002), "Глобализация экономики Китая" (М., 2003), "Китай в диалоге цивилизаций" (М., 2004), а также в журнале "Проблемы Дальнего Востока" и других изданиях. Я.М.Бергер принимал участие в научных конференциях отечественных и зарубежных ученых в России, Китае, Индии, Пакистане. Всего Я.М.Бергером опубликовано более 100 научных работ.

С сентября 1995 г. по 2000 г. Я.М.Бергер по совместительству работал в Институте "Открытое общество": до 1999 г. — в качестве директора программы "Высшее образование", а с 1999 г. — в качестве главного научного консультанта. В рамках этой программы при его активном содействии опубликовано более 100 учебников, учебных пособий и трудов по гуманитарным и социальным наукам для высшей школы, оригинальных и переводных.

С 1993 г. Я.М.Бергер является заместителем главного редактора журнала "Проблемы Дальнего Востока", курирует публикации по социально-экономической тематике.

Дирекция и сотрудники Института Дальнего Востока РАН, редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока" сердечно поздравляют юбиляра и желают ему здоровья и новых творческих успехов.

75 лет Виктору Николаевичу Барышникову

В.Н.Барышников родился 18 июля 1929 г. в деревне Уголок Михайловского района Рязанской области. После окончания средней школы в 1949 г. он поступил на китайское отделение Московского института востоковедения, который окончил с отличием в 1954 г. Его учителя и соученики отмечали исключительные способности и успехи В.Н.Барышникова в овладении китайским языком и избранной специальностью китаеведа. После окончания вуза в последующей деятельности В.Н.Барышникова чередовались и успешно сочетались периоды работы в практических учреждениях страны, занимавшихся вопросами Китая,

и научной работы, проходившей в основных центрах исследований проблем Китая в рамках Академии наук.

Углубленному изучению Китая и китайского языка В.Н.Барышниковым во многом способствовала его работа в 1954-1956 гг. в КНР в качестве переводчика в системе Министерства внешней торговли СССР. Затем он оттачивал свое журналистское перо и навыки редактирования в должности редактора ТАСС в 1956-1957 гг.

С созданием в 1957 г. Института китаеведения АН СССР, руководство которого стремилось привлечь наряду с опытными исследователями способных молодых специалистов, хорошо знающих страну и язык, В.Н.Барышников был приглашен туда на работу в качестве научного сотрудника, а вскоре — через год — был рекомендован в аспирантуру. Так, с 1957 г. начался этап плодотворной научно-исследовательской деятельности юбиляра, прерывавшийся периодами его работы в Советском посольстве в КНР.

В 1962 г. В.Н.Барышников успешно закончил аспирантуру, специализируясь на изучении проблемы Тайваня в китайско-американских отношениях. По этой теме им была защищена кандидатская диссертация. С 1962 г. он начи-

нает исследовательскую работу в области изучения внешней политики и международных отношений КНР в качестве научного сотрудника в отделе Китая Института народов Азии, а затем — Института Дальнего Востока АН СССР сначала в должности старшего научного сотрудника, а затем — заведующего сектором и заместителя заведующего отделом Института. В центре его исследовательских интересов в это время — политика КНР в отношении Тайваня, место Тайваня в американо-китайских отношениях, проблемы Гонконга и Макао, политика КНР в отношении стран “третьего мира”, в отношении китайской эмиграции. По этим вопросам В.Н.Барышников опубликовал свыше 50 работ, в том числе две монографии “Тайвань в китайско-американских отношениях” (М., 1969) и “Политика КНР в отношении китайских эмигрантов” (М., 1972), главы в крупных коллективных работах Института Дальнего Востока.

В 1973-1979 гг. он выезжал в длительную командировку в КНР сначала в качестве 1-го секретаря, а затем советника Посольства СССР. В 1973-1986 гг. В.Н.Барышников продолжил работу в ИДВ. Возглавлявшийся им сектор занимался вопросами отношений КНР с развивающимися странами. В 1986-1991 гг. проходила вторая командировка В.Н.Барышникова в Посольстве СССР в КНР.

В 1995 г. В.Н.Барышников вновь продолжил работу в Институте Дальнего Востока в качестве ведущего научного сотрудника. За это время им подготовлена серия содержательных аналитических научных и научно-информационных материалов и переводов по актуальным вопросам внутренней и внешней политики современного Китая, тематические сборники переводов и выпуски экспресс-информации.

С 1997 г. он одновременно работает заместителем главного редактора журнала “Проблемы Дальнего Востока”, курируя публикации по внешнеполитической проблематике и российско-китайским отношениям. В журнале постоянно публикуются его переводы и рефераты статей китайских ученых, которые вызывают большой интерес читателей.

Деятельность В.Н.Барышникова в Академии наук отмечена Почетной грамотой Президиума РАН в связи с 275-летием Академии.

Редколлегия и редакция журнала, друзья и коллеги Виктора Николаевича Барышникова по работе в Институте горячо поздравляют его с юбилеем и желают здоровья, счастья и новых успехов.

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6.0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...

б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...

в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. Pp. ...

Статьи.

а) *Из печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

б) *Из интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (095) 124-09-02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.

Белелюбский Феликс Борисович
23.09.1934 — 1.8.2004

1 августа 2004 г. скоропостижно скончался кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН Феликс Борисович Белелюбский.

Всю свою жизнь Феликс Борисович отдал служению отечественному китаеведению. После окончания в 1956 г. исторического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова он поступил в аспирантуру Института китаеведения АН СССР. После окончания аспирантуры работал во Всесоюзной библиотеке им. В.И.Ленина, Издательстве литературы на иностранных языках, издательстве “Прогресс”, издательстве “Советская энциклопедия”, журнале “Народы Азии и Африки”, Институте Дальнего Востока РАН.

Феликс Борисович — известный специалист по проблемам истории Китая. В качестве соавтора и редактора он участвовал в подготовке многих коллективных работ, в том числе двухтомной монографии “СССР и Китай”. Его научные и публицистические статьи по истории и современному положению Китая печатались на страницах известных отечественных периодических изданий, в том числе в журналах “Народы Азии и Африки”, “История СССР”, “Вопросы истории”, “Новый мир”, “Мировая экономика и международные отношения”, “Азия и Африка сегодня” и др. Ряд его работ переведен на иностранные языки и издан в Индии, Японии, Китае и других странах. Он выступал с докладами на многих научных конференциях, симпозиумах и семинарах. Его работы всегда вызвали живой интерес читательской аудитории.

Ф.Н.Белелюбского отличали такие черты, как огромное трудолюбие, скромность, верность долгу, внимание и отзывчивость к окружающим его людям, оптимизм. Он заслуженно добился всеобщего уважения. На всех этапах своей яркой творческой жизни Феликс Борисович отдавал всего себя делу служения науке. Все его научные труды отличали глубина исследования, новаторство, любовь к изучаемой стране, забота об интересах Отечества.

Коллектив Института Дальнего Востока понес невосполнимую утрату. Светлая память о Феликсе Борисовиче Белелюбском навсегда сохранится в наших сердцах.

Дирекция, профсоюзная организация ИДВ РАН

Редколлегия, редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока”

*Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.*

Сдано в набор 20.08.2004 г. Подписано к печати 15.09.2004 г. Формат бумаги 70x100 1/16
Офсетная печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 14,6 тыс. Уч.-изд. л. 14,7. Бум. л. 6,0
Тираж 919 экз. Зак. 8663

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2004 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6.0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...

б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...

в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. Pp. ...

Статьи.

а) *Из печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

б) *Из интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (095) 124-09-02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.